

Александр САВЧЕНКО

ТЫСЯЧА ДНЕЙ И НОЧЕЙ*

Героическая повесть

ХАРЬКОВ. 1929. КОМАНДИРОВКА

До чего ж замечательна эта улица! Почти к каждому его приезду обновляется то один, то другой фасад. Да и как иначе? Столичные города всегда растут быстрее и благоденствуют заметнее окраинных поселений...

Бардин спешил, но даже от беглого его взгляда не ускользало ни одно приметное сооружение. А их тут кругом множество – не то что в его сорокатысячном Запорожье-Каменском.

Высится Ветеринарный институт, в котором до революции находился Институт благородных девиц. Тянется линия старинных домов, возле них когда-то студенты пытались митинговать против редакции самодержавной газеты «Южный край». Тут же в пятом году таились явочные квартиры большевиков, замаскированные под кафе и аптеки. По сохранившимся камням мостовой на празднование Первомая шли колонны демонстрантов. Ну, а в доме под несчастливым номером 13 работало первое рабоче-крестьянское правительство и располагался Центральный исполнительный комитет Советов Украины.

Взгляд остановился на здании драматического театра. Туда теперь заманивает своими постановками новоявленный театр «Березиль» под руководством Леся Курбаса. Новые времена – новые песни. Наискосок в угловом четырехэтажном доме живет сам Василий Блюхер – герой Каховки и Перекопа, ныне помощник командующего Украинским военным округом Ионы Якира.

А вот и здание строгих архитектурных форм стиля неоренессанса – это бывший Совет горнопромышленников юга России. Сразу после революции в нем размещалось студенческое общежитие и редакция журнала «Студент революции». Сейчас тут находится управление треста «Югосталь». Управляющих и технических директоров металлургических заводов в эти дни ждут здесь неотложные дела: отчеты по работе за прошедший год и планы на будущий...

* Журнальный вариант.

Бардин облегченно вздохнул. Теперь все улажено, нет за ним никаких долгов. Позади властные кабинеты, в которых начальство любит давать указания. Розданы последние презенты и реверансы секретаршам с пальчиками, совершающими чудеса на пишущих машинках. К этим симпатичным девушкам Бардин обращался часто – когда надо было срочно перепечатать испорченный лист отчета или допечатать несколько недостающих фраз.

Директор завода Иосиф Петрович Манаенков предложил ехать домой в его легковушке. Но Бардин отказался, представив, что придется всю дорогу сидеть или возле его дражайшей Марии Стефановны, или рядом с шофером, что тоже несерьезно. К тому же надо было забежать в хозяйственный магазин и купить новую терку для овощей, уж очень просила его перед отъездом Мария.

Собрался было взять извозчика. Но увидел копошащуюся около коновязи публику и отправился пешком. Через сотню шагов, правда, пожалел: долго идти. Дорогу перед ним пересек мужчина в шляпе и в пальто с высоко поднятым воротником, под мышкой сверток; видимо, человек подался в баню. Но потом мелькнуло в голове: ведь у людей завтра православное Рождество, некоторые еще до сих пор умудряются ставить у себя в доме елочку! Хотя несколько дней назад «Правда» писала, что этот праздник советской властью навсегда отменен, а вместо него вводится новый, который будет называться Днем индустриализации.

Бардину не терпелось добраться до своего временного пристанища. Придя наконец, разделся и лег, ожидая, чтоб умиротворилось в нем все – и дух и тело. Утром домой в Каменское, а там опять нескончаемые горы работы...

Кажется, задремал. Но неожиданно в дверь постучали. Наверно, обслуга. Чего еще надо в такой час?

– Открыто!

Вкатился подвижный, как ртуть, человек, напоминающий эстрадного конферансье. Было видно, что он откуда-то летел и спешит дальше. Здесь оказался случайно, но успел выдохнуть:

– Здравствуйте! Я не обознался: вы лично Иван Павлович Бардин?

– Совершенно так!

А сам подумал: тип не из ГПУ, оттуда приходят другие люди и обращаются совсем не так...

Приподнимаясь с кровати, произнес:

– Чем вам обязан?

– Я представляю интересы Тельбессбюро. Моя фамилия Шагаев.

– И что?

В этот момент Бардина озарила догадка. Он вспомнил о бюро с таким странным названием, по

нынешним временам серьезной конторе, которая занимается строительством нового металлургического завода в Сибири. Неужели это *то самое*?

– И что бы вы хотели от меня, товарищ?

Нежданый гость выпалил на одном дыхании:

– Мне поручено передать вам устное приглашение поехать в Кузнецк главным инженером на строительство нового завода. В Москве вы рекомендованы ответственными работниками Совнаркома...

Это просто невероятно! Бардин совсем недавно прокручивал в голове мысль: как бы побольше узнать об этом Тельбесском заводе. А он, оказывается, сам собой вдруг приплыл в белы рученьки... Не ошибка ли?

– Но я же работаю, причем вы, наверно, знаете, где и в какой должности.

– Иван Павлович, все уже обговорено по телефону с товарищем Штокманом. Он понимает важность и остроту момента. С Москвой спорить не станет. Товарищ Манаенков тоже в курсе событий...

Бардин никогда не чувствовал себя таким растерянным. Этот человек ставит его в глупое положение! Захотелось даже выпроводить странного вестника. Но Шагаев, похоже, говорил серьезно, хотя взгляд по-прежнему был веселым и нахальным.

– Думаю, что с вашим переводом все решится как нельзя лучше. Скажите последнее: сколько вы хотите получать за работу на новом месте?

Теперь до Бардина дошло, что это не сон и не розыгрыш. Манаенков явно был в курсе событий. И видимо, хотел что-то сказать по дороге в своем авто. Не зря ж приглашал поехать вместе с ним...

– Скажите своим людям, что я согласен! – взорвавшись, выпалил Бардин. – А деньги для меня не так важны, как вы считаете. Если дело дойдет до серьезного разговора, то могу вас заверить: Тельбесстрой из-за моего присутствия финансово не страдает!

Было видно, что Шагаев не ожидал столь скорого благоприятного исхода. Зачем-то расстегнул, потом застегнул свой портфель.

Еще раз удовлетворенно блеснул горячим взором:

– Большое спасибо, Иван Павлович! За ваш быстрый ответ и согласие!

И он, словно ртутный комочек, выкатился за дверь.

А Бардин уже не мог успокоиться. Чувство неясности, неопределенности и, главное, недоговоренности томило его весь вечер и почти всю ночь. Хотел отмахнуться, забыть, не думать больше ни о каком Тельбесстрое. Но ничего не получалось...

Как только он появился в своем рабочем кабинете, первым к нему заглянул завкадрами Штокман:

– Иван Павлович, я вас поздравляю... Пришла телеграмма из Москвы. По-моему, что-то связано с

вашим переводом на другую работу. Иосиф Петрович тоже в курсе.

Больше у Бардина никаких сомнений не было.

МОСКВА. 1929. В КАБИНЕТЕ КУЙБЫШЕВА

Сначала, наскоро позавтракав в буфете Киевского вокзала, он побывал в Главметалле, размещавшемся в начале Ногинского переулочка. Получил направление и отправился с ним в Ветошный переулочек: там обосновалось представительство Тельбесстроя. И только под самый вечер попал на Тверскую.

Свернул за угол. Огромное серое здание с весьма значительной вывеской: «Совнарком». Здесь работал Совет Народных Комиссаров страны. Бардину уже приходилось бывать в этих хоромах. На входе, как и раньше, двое из охраны: один с винтовкой, второй проверяет документы. Протянул телеграмму. Проверяющий скользнул взглядом – сначала по тексту, потом по лицу прибывшего.

– Второй этаж, по коридору справа.

Сжимая ручку портфеля, скорым шагом поднялся по широкой лестнице. Думал, что окажется в хвосте длинной очереди, какая нередко скапливается к вечеру перед дверями высокого начальства. Но оказалось, что у кабинета председателя ВСНХ безлюдно.

«Этого еще не хватало! – подумал Бардин, входя в приемную. – Заболел или куда-то уехал».

Так и есть. Пустота. Иван Павлович вздохнул, хотел было присесть на стул с сиденьем, обтянутым зеленым сукном, – видимо, еще из гарнитура царских времен, теперь такие никто не делает... Решил немного отдышаться.

Но в этот момент отворилась половина массивной двухстворчатой двери, показался высокий молодой человек с короткой стрижкой. Улыбнулся и, глядя Бардину в глаза, произнес:

– Товарищ Куйбышев на это время отменил все встречи. Он ждет только вас, Иван Павлович!

Значит, с проходной уже доложили о его прибытии.

Хозяин кабинета встретил Бардина почти у самого порога. Иван Павлович знал этого человека по разговорам среди начальствующей братии металлургов. Куйбышев не славился ораторством, не был бойким говоруном. Но около него и после него всегда оставался заметный след толкового, умудренного опытом хозяйственника. Жизнь страны невозможно было представить без такой фигуры. Куйбышев продавливал трудности, словно растущее дерево, вздымал землю, поднимал кверху не только прикатанный асфальт, но и уложенную на века брусчатку... Совнарком был для него настоящим домом. Он в полном смысле здесь дневал и ночевал. Квартира Куйбышева находилась в этом же здании.

Не всех руководителей страны Бардин воспринимал всерьез и с особым трепетом. Сталина, безусловно, если не обожествлял, то ставил во главу угла. Еще Серго Орджоникидзе, потом Миронич, то есть Киров. Деловой мужик Лазарь Моисеевич Каганович... Со своего насеста Бардин видел среди руководства страны и явных прилипал. Но не ему судить: сам он всю жизнь ходил беспартийным, а до этих куда ему – все они носили на плечах умные головы и считались большевиками с огромным революционным стажем...

Бросилось в глаза, как гармонично Куйбышев вписывается в пространство кабинета. Мужчине немногим за сорок. Не красавец, зато высокий, плотный, широкоплечий, лобастый, с темным оттенком лица. Большие ясные глаза. Голову охватила шевелюра густых темно-каштановых волос. И до странности простецкая одежда по сравнению с бардиновской: не раз побывавшая в стирке гимнастерка, опоясанная узким коричневым ремешком, английские бриджи серого цвета и белые бурки.

– Вы не стесняйтесь, Иван Павлович! – проговорил Куйбышев и движением ладони указал на кресло около письменного стола.

Молча пересек кабинет по диагонали, глянул в широкое окно, будто высматривая на улице кого-то.

Не поворачиваясь к посетителю, проговорил:

– Вы, я думаю, успели вникнуть в проектные материалы по Сибирскому заводу. Скажу честно: кроме вас, мне не у кого узнать достоверно о состоянии новостройки. Буду спрашивать долго и с пристрастием.

Постоял в некоторой задумчивости.

Наконец повернулся к Бардину, улыбнулся с детской непосредственностью:

– Вообще, проблему кузнецкого строительства я знаю достаточно хорошо. Но хотел бы знать еще глубже. А вы живой свидетель этого разворачивающегося грандиозного процесса...

Бардин почувствовал себя неуютно от таких лестных слов.

– Валериан Владимирович, готов изложить свое мнение. Я, насколько мог, влез в проект только сегодня. Фактически о стройке еще ничего не знаю.

Куйбышев сел. Но слушал недолго.

Попросил:

– Изложите свое видение проекта завода в целом. Думаю, что фирма «Фрейн» сумела понять наши цели и задачи... Или все-таки имеются существенные упущения? – Не дождавшись, когда Бардин начнет отвечать, он вышел на середину кабинета и стал произносить слова, будто заученные наизусть: – Совсем недавно я видел, как первоначальный проект Тельбесского завода разваливался на глазах. Скажу честно, то была для меня драматическая ситуация. Ведь даже некото-

рые ответственные товарищи у нас вели открытые и закулисные игры. И до сих пор эту затею кое-кто считает ничемным делом. Но Совет Труда и Обороны, приняв общее решение о строительстве завода, потребовал от меня ускорения строительства. Вы, наверно, в курсе, что в конце марта прошлого года была образована строительная организация Тельбесстрой...

Да, примерно тогда до Бардина и докатились слухи о строительстве завода в Сибири.

– Мы постарались, чтобы в составе руководства Тельбесстрой оказались активные сторонники строительства и разработчики нового проекта, – объяснял председатель ВСНХ. – Например, председатель Сибкрайсовнархоза товарищ Терехов, профессора Томского технологического института Гувовский и Усов, член Сибплана инженер Зуев и другие. Руководить общей работой в период организации будет Петр Иванович Подзаходников. Это бывший рабочий-металлист судомеханического завода, активный участник революционных событий. В отличие от остальных он, правда, имеет только начальное образование, но проявил способности в организации производства.

Куйбышев задумчиво помолчал.

С горечью усмехнулся:

– Но, как говорится, опять у бабы заболело порося... Стройка получалась нерентабельной. По последним расчетам, запасов тельбесской руды можно наскрести кое-как на 20 лет... К тому же должен выродиться малюсенький заводик мощностью всего в 300 тысяч тонн чугуна в год – это ж совсем несерьезно. За рубежом теперь строят заводы в несколько раз крупнее... В последнее время предложено возить уголь Кузбасса на Урал, а оттуда – в тех же вагонах – руду в Кузбасс. Такая идея имеет под собой основание. Кроме того, в проект уже вложены большие деньги... Как видите, отступать больше некуда... Такое вот дело.

Снова последовала пауза.

Потом Куйбышев добавил:

– Первым делом сейчас должны решить кадровые вопросы. Подзаходникова заменим на бывшего заместителя председателя Сибкрайсовнархоза Филомея Тимофеевича Колгушкина. Ну, а главным инженером будущей стройки будете назначены вы, Иван Павлович... Какие мысли на этот счет роятся в вашей голове?

Бардин не ожидал, что Куйбышев так резко сменит направление своего, можно сказать, выступления. В тон председателю ВСНХ он ответил:

– Скажу откровенно: у меня имеется ряд вопросов к проекту. Но в целом американские специалисты правильно определились с мощностью и составом завода. У нас в России достаточно своих маломерок. А в Сибири должна расти настоящая металлургическая мощь. Вы правильно заметили,

что некоторые товарищи сомневаются. И на самом деле: где найдем строителей, откуда возьмем механизмы? Как быть с недостатком квалифицированных кадров? Мол, нет даже серьезных точек сбыта товарной продукции. Но у меня на этот счет другое мнение. Стоит глянуть на карту России. Сколько километров железных дорог проложено от Москвы до Владивостока, сотни мостов... Все это скоро потребует обновления. А новые города, фабрики, трубы электростанций... Линии электропередачи. Россия во все времена была деревянной страной. Теперь понемногу становится кирпичной. Но в будущем должна стать настоящей железной державой...

Куйбышев нахмурил брови. Было видно, что он ожидал от приглашенного более конкретных слов.

– Вы, Иван Павлович, скажите лучше о выбранной заводской площадке. Она вас как металлурга устраивает? Там же сплошь одни топи, болота...

Бардин пожевал сухими губами. Про какие болота ведет речь Куйбышев? Он успел просмотреть имевшийся отчет гидрогеологов. Изыскания говорят, что грунты в основании будущего завода достаточно прочные. Да, местами есть верховодка, даже обозначены водяные линзы. Но сплошных топей нет. Возможны, конечно, непредвиденные обстоятельства... Однако при нынешнем уровне техники и технологии можно решить любой вопрос. Каких только каверз не пришлось решать русским инженерам при строительстве Транссиба! Столько великих рек смогли пересечь! Да и настоящие болота тянутся там на сотни километров. Накоплен громадный опыт сложного строительства.

Как всегда, Бардин начал заводиться. Он знал за собой это и научился сдерживаться, надеясь, что внешне его взволнованность никак не проявляется.

Но Куйбышев все-таки уловил состояние собеседника. Подошел, положил ладонь на его плечо:

– Иван Павлович, дорогой!.. Я же родом почти из тех мест. Кузнецкий край знаю по самую крышу. Там на правом берегу Томи стоит мой отчий дом... Отец не раз брал меня с собой на осеннюю охоту. Утка – дело тонкое и увлекательное... Полазили мы по этим болотам. На левом берегу истоптали столько дорог и тропинок. Все села в округе знаю наперечет. Как сейчас они перед глазами. Бессоновка, она ж Черноусово, подальше Горбуново... В Редаково и в Точилено не удалось побывать, далеко – на горе селенья... Где от дождя пришлось укрываться, где просили водички попить. До самой Старцевой горы пробирались по кочкам среди камышей. Вот мне и любопытно сравнить свое представление о местности с выводами настоящего специалиста.

У Бардина отлегло на душе. Теперь он почувствовал в Куйбышеве не просто высокого руководителя,

а своего, близкого по духу человека. А тот, изредка поглядывая на большие напольные часы, продолжал:

– Меня, Иван Павлович, как хозяйственника, интересуют насущные, с первого раза невидимые проблемы. Кто все-таки конкретно станет руководить стройкой? Откуда потянется рабочая сила? И не только землекопы, а настоящие спецы и люди, склонные к строительству, к металлургии... Большой вопрос к грузовому транспорту. Не вечно ж нам возить землю в тачках да на подводах... Или, например, как будет организован быт трудящихся? Там соберется много семейного люда. Поселенцы через год-два народят новых строителей. Всем понадобится быстрое и удобное жилье... Так что проблем много. А политическими вопросами у нас есть кому заниматься. И в Москве, и, думаю, на местах. Хотя это тоже важный момент. Товарищ Сталин чуть не каждый раз заостряет внимание членов Политбюро... Нынешнее время не для расслабления. Тем более к нам скоро нахлынут тысячи иностранцев. Коминтерн работает вплотную, торговые и дипломатические каналы пришли в движение. А как же? Капиталисты хоть и являются эксплуататорами пролетарских масс, но кое в чем разбираются получше нашего. Вот и надо нам подтянуться до Америки или той же Германии. Нам нельзя упускать такого шанса: у буржуев разворачивается глубокий экономический кризис...

Куйбышев подошел к высокому книжному шкафу из красного дерева. Вытянул книгу в переплете кофейного цвета. Открыл страницу, отмеченную бумажной закладкой.

– Подумали, что Маркс или Энгельс? Нет, Александр Иванович Герцен. Человек вроде бы столетней давности. Его «Былое и думы», можно сказать, шедевр мемуарной литературы. А написано словно вчера и про нас. Вы только послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меху и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не населен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насильем, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед...» Поняли? И дальше: «Увидим, когда... Америка встретится с Сибирью». Мне кажется, что теперь намечается первая встреча Сибири с Америкой. А вот какие встречи будут в будущем – это полностью зависит от нас. И что в результате этого получится: социалистическая Америка или капиталистическая Сибирь. На этот вопрос я пока ответа не знаю...

На большом столе, заваленном разными бумагами, зазвонил телефон. Звонил он долго и настойчиво. Куйбышев как бы в ответ на это с меньшим

упорством бросал недовольные взгляды в сторону звякающего аппарата.

Наконец отворилась дверь, молодой человек из приемной произнес вполголоса, но жестко:

– Иосиф Виссарионович!

Куйбышев подошел к столу, поднял трубку:

– Да! Да! Буду как обычно! У меня все готово, товарищ Сталин. – И положил трубку на рычажки. Приблизился к Бардину, протянул широкую ладонь: – Не прощаюсь, Иван Павлович. Жизнь только начинается. Думаю, что вы еще не раз порадуете нас трудовыми успехами и достижениями. А чтобы добиться этого, желаю вам и вашим близким самого доброго здоровья!

НОВОСИБИРСК. 1929. СИБКРАЙКОМ

Прогромыхав по мосту через Обь, поезд вскоре остановился. Вот он какой, бывший Новониколаевск! Рядовой городишко, который по воле судьбы оказался на пути Транссибирской железной дороги. А теперь неожиданно для всех задает тон, сделавшись центром Сибирского края!

Деревянное одноэтажное здание вокзала, построенное по типовому проекту. Не омский, конечно, вокзалище, где в архитектуре каменного сооружения просматривалась грандиозность и уникальность постройки. Зато с двумя кирпичными двухэтажными пристройками по бокам. Эти спесивые строения напоминали, что находишься не в захудалой деревне...

После теплого вагона почувствовался холодный неуют. Бардин зашел внутрь вокзала. Небольшой и совершенно пустой зал ожидания, окошечко буфета, дверь с надписью: «Почта». В буфете попросил булочку и стакан чая. Поскольку вымыть руки было негде, пришлось использовать кусок взятой в дорогу газеты. Наскоро перекусив, достал записную книжку, отыскал телефоны секретарей крайкома партии. Эйхе – 4-65, Зайцев – 4-62. Хотел позвонить, но почта оказалась закрыта.

Бардин пошел к двери, ведущей в город. Толпа пассажиров, которая добиралась до Новосибирска, к его изумлению, почти рассосалась.

Мужичок в фуфайке под коричневым фартуком, очевидно привокзальный дворник, на вопрос Бардина: «Как, товарищ, добраться до крайкома партии?» – махнул рукой:

– Вишь, вон там напротив церковка пресвятейшего Данилы? Возле ее и толкуются извозчики... Они тебя, мил человек, за руль хоть на тот свет свезут. – И вроде как засмеялся, обнажив ряд желтых от курева зубов.

Бардину приглянулась кошевая повозка с бритосым парнем лет тридцати. Сел в нее.

Уже ехали по улочке со старыми одноэтажными домишками, когда возница искоса глянул на седока:

– Видать, из самой России?

– Что, очень заметно? – поинтересовался Бардин.

– А то ж нет? Загар южный на лице, и бурочки не по сезону...

– Из Москвы. Командировка.

– К нам мало кто в гости едет. В основном по нужде да по государственным делам.

Бардин продолжал разглядывать незамысловатую архитектуру деревянных построек, потому что кирпичных зданий – ни одного...

– Наверно, не по душе наша глухомань? – продолжил возница.

– Отчего ж не по душе?

А сам подумал, как хорошо, что в последний момент жена уговорила надеть бурки. Дурак же, хотел в штиблетах с галошами...

Говорливый парень при вожжах оказался еще и поэтически подкованным. Замахнувшись на лошадь плетью, изрек:

– Ничего! Здесь будет город заложен назло надменному соседу...

Бардин от таких слов даже повеселел:

– Кто же они такие – ваши надменные соседи?

Парень сдвинул меховую шапку на левое ухо:

– Как кто? А тот же Омск или Красноярск. Опять же, Томск с Барнаулом. Все хотят быть указчиками. Токо, заметьте, у нас у одних по-революционному смененное имя. Как стали после Новониколаевска Новосибирском, так сразу я подумал, что быть нашему городу главным по всей Сибири!

Через несколько минут Бардин оказался на месте.

– Ну вот и адресочек ваш, товарищ, – остановив лошадь, произнес возница. – Бывший Николаевский, теперь проспект Красный, ровно пять.

Серое трехэтажное здание не отличалось замысловатостью, но в ряду соседствующих построек выглядело даже несколько помпезно. Особенно бросался в глаза приплюснутый, словно кепка, купол с красным флагом. И, как полагается, по бокам фронтона здание украшали и одновременно стерегли местные устои двое трудящихся явно пролетарского происхождения.

По широкой лестнице Бардин поднялся к главному входу, показал командировочное направление. К сожалению, ни Эйхе, ни второго секретаря Зайцева на месте не оказалось. Зато нашелся еще один секретарь, не назвавший своей фамилии, который был в курсе почти всех дел и событий в крае. Но перво-наперво расспросил Бардина, куда и когда тот намеревается держать свой путь дальше. Узнав, что в Томск, тут же дал распоряжение забронировать место на ближайший поезд, отправляющийся завтрашним утром.

Беседа с представителем крайкома партии, ко-

того, как выяснилось в ходе разговора, зовут Николаем Николаевичем, Бардина не воодушевила. При этом он почерпнул много полезных сведений о здешних местах, о планах краевого руководства, о положении в Кузнецке.

Наконец Николай Николаевич, дунув в телефонную трубку, попросил барышню соединить его с каким-то человеком из краевого совнархоза. Располагался совнархоз в этом же здании, и нужный для разговора товарищ вскоре прибыл.

Глядя в небритое с дороги лицо Бардина, он отрекомендовался:

– Игнашевич Сергей Павлович. Руководитель секции обработки металлов.

Сославшись на срочные дела, Николай Николаевич вышел из своего кабинета, и Бардин обрадовался, что его беседе с Игнашевичем никто не будет мешать.

– Конечно, строительство завода у нас под боком – это прозорливая политика партии, – начал представитель краевого совнархоза. – К примеру, товарищ Эйхе стоит горой, чтоб его непременно воздвигнуть в нашем крае. Причем не далее как за одну пятилетку... Только вы сами подумайте: там, в том Кузнецке, еще конь не валялся. Не скрою, Горбуновская площадка была принята не с бухты-бархаты. И дело вроде кипит. Тельбесбюро шлет отчеты о большой проделанной работе. Но ежели потолковому разобраться – с чего такая радость? Людей как не бывало там, так и нету. Матерьялы и всяческую технику никто не засылает, да и некому все это запрашивать из глуши той...

Вспомнив о «матерьялах», Игнашевич совершил безмолвный круг по чужому кабинету. Остановился, чтобы налить из графина воды.

Пояснил:

– Вчера немножко взбодрились у себя дома. У тещи юбилейный день выдался, семьдесят, не приведи господи... Что ни говорите, Иван Павлович, годы. Дал бы Он, – Игнашевич строго указал пальцем в потолок, – чтобы мы все дожили до таких годочков...

Еще налил полный стакан, опустошив крайкомовский графин. Выпил до дна и продолжил:

– Если честно, то наши товарищи из совнархоза имеют несколько иное мнение. Вот вы, к примеру, прибыли сегодня из столицы. Утречком сядете в поезд до Томска. Потом еще раз, потом еще. И снова, проделав преогромное колечко по краю, окажетесь на этом же ровно месте. Задается естественный вопрос: а почему бы заводик воздвигнуть не в какой-то дикой глуши, а вон там, на бережку великой и могучей реки Оби? Тут вам, Иван Павлович, не то что там. И с кадрами куда наилучше, и электроток готовый почти под самым носом. По крайней мере, осветиться всегда можете и подцепить какой-нибудь насосик или другой механизм.

Бардина царапнуло слово «механизм», произнесенное с явно подчеркнутым мягким знаком. Он понял, что надеяться на серьезную помощь товарищей из совнархоза ему не стоит. С другой стороны, это и обрадовало: не будут влезать по всяким пустякам. Он давно знал, что хорошей помощью бывает и то, когда не суют нос в твоё дело и не мешают...

Но Игнашевич не унимался и продолжал свой стратегический экскурс. Видимо, тещин юбилей наложил отпечаток.

– И подвоз людей и стройматериалов куда экономичней... Вы и сами можете подсчитать большую пользу завода в наших местах.

Бардин по ходу его речи проделывал в голове несложные расчеты. И думал только об одном: хорошо, что есть на свете дельные и понимающие люди – не зря же принято наконец Москвой решение строить завод именно в Кузнецке.

Николай Николаевич появился к концу разговора. По лицам своих гостей понял, что все интересующие их вопросы обговорены. Поблагодарил Игнашевича за участие в важной беседе и, когда тот оказался за порогом кабинета, глухо сказал:

– Думаю, вы уловили настрой совнархозовских товарищей. Это, простите, наша беда... Частный результат неорганизованности в управлении производством на местах. Бывший первый секретарь краевого комитета партии товарищ Сырцов здесь прочно укоренил мысль, что планы индустриального развития Сибири – это всего лишь промышленный романтизм. Дело, мол, очень далекого будущего. Лучше, считал, все силы сосредоточить на развитии сельского хозяйства. Хотя по крупному счету он даже прав. Для этого есть все необходимые условия. Как для земледелия, так и для молочного животноводства... Такая же позиция и сомнения прослеживаются в высказываниях товарищей Рыкова и Бухарина. А Лев Давыдович Троцкий в своей речи на встрече с сибиряками в Москве вообще заявил, что Сибирь не сможет в ближайшем будущем преодолеть то, что заложено столетиями в ее прошлом. То есть беда в нашей отсталой экономике, в отсутствии транспортных путей и, само собой, в слабой заселенности. Какое уж тут развитие в Сибири крупной промышленности! Да еще металлургии...

Кроме того, есть еще один момент. Как вы знаете, страна только примеривается к своим нуждам и потребностям. Сейчас в верхах прорабатывается вопрос эффективного переустройства и перераспределения власти. Возможно, в ближайшее время местные совнархозы волеются в состав исполкомов. Вот отсюда значится, что некоторые ответственные товарищи, в том числе и у нас, почувствовали, что под задницей становится горячо. Каждый старается себе подстелить соломку...

Николай Николаевич подошел к столу, хотел налить воды, но обнаружил пустой графин. Лицо его скривилось в саркастической улыбке.

– М-да... – коротко заключил он. И продолжил: – А вот Роберт Индрикович, считаю, имеет правильное и принципиальное направление. Тельбесский завод в Кузнецке – это то, чего не хватает сейчас нашему государству в Сибири...

Потом Николай Николаевич в виде предисловия описал московскому гостю картину проживания в заезжем доме, после чего пригласил его переночевать у себя.

Бардин не любил затруднять хозяев присутствием чужого человека. Но, подумав, все-таки согласился. Ночевать в казенной, плохо прогретой гостинице, да еще, возможно, с клопами и тараканами, ему сильно не хотелось...

Утром он отправился в Томск.

ТОМСК. 1929. ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

...Проводник объявил, что поезд прибывает в Томск. В окошке показался далекий силуэт незнакомого города. Слева коптели дымом производственные постройки, скорее всего, там работал кирпичный завод. Поодаль растянулось сооружение, смахивающее на ипподром. За ним были отчетливо видны торчащие из снега кресты и памятники – надо полагать, местное кладбище.

Местность выглядела серой и унылой. Но Бардина влекло живое дело. Где-то здесь находятся ключи от его будущей работы. Поэтому мысли об увиденном он выкинул из головы...

Мартовское солнце ложилось искоса, слепило глаза. Тени не по-городскому растекались по прихваченному теплом снегу. Вот оно как, оказывается. Вот как встречает гостей глубокая Сибирь. «Томск-2», – прочитал Иван Павлович над входом станционного вокзала.

По дощатому настилу перрона направился к входу в вокзал. Перед ним предстало высокое одноэтажное сооружение с мансардным выступом, имеющим три больших окна. Деревянное здание выглядело необычно фигурным для этих мест. Железнодорожное ведомство царской России не расщедрилось облагородить губернский город прямой дорогой на Владивосток, построив лишь небольшую ветку от промежуточной станции Тайга. Зато вокзальчик смастерило с изыском и с учетом значения столицы губернии. Правда, от глаза Бардина не ускользнули шапки небурного снега на кровле здания, особенно над верандой; под ней летом, видать, любил посидеть в прохладе встречающий или провожающий народ.

Левее от вокзала расположилось багажное отделение, справа тянулась цепочка других мелких пристанционных построек.

В это время кто-то окликнул Бардина:

– Иван Павлович!

Метрах в десяти стоял высокий мужчина в черном полушубке. На ногах большие валенки, обтянутые самодельными резиновыми галошами.

Мужчина подошел, протянул руку:

– С приездом! Я вас свободно вычислил! – И тут же представился: – Щепочкин Викентий Николаевич, главный инженер Тельбесского бюро. Как доехали?

На его корявом, но сохранившем мужскую красоту лице проступило смущение.

– Мы ж как-никак не каждый день встречаем гостей из Москвы. Хотелось бы знать о ваших планах...

Планы у Бардина были простые: узнать все о будущем заводе.

– Везите меня к себе, знакомьте с ситуацией, рассказывайте все, что знаете. Показывайте то, что есть. Потом попрошу ответить на мои вопросы, если они возникнут по ходу дела. Ну и, конечно, надо будет побывать на Горбуновской площадке, посмотреть, прикоснуться, пощупать... Вот, собственно, и все. Как думаете: не многовато для первого раза?

– Да вы что! Так и сделаем. Надеюсь, что за неделю, максимум дней за десять управимся.

– Я тоже так думаю. Тогда в путь.

Обогнули здание вокзала. У коновязи их ожидал экипаж – гнедая лошадь, впряженная в возок с откидным верхом. Щепочкин и взялся за вожжи.

Оказалось, что вокзал располагается на отшибе. Сам город примерно в версте от него. Вскоре пошли добротные дома. Бардину они даже понравились. Не то что приземистые развалюхи в Новосибирске. Въехали на широкую улицу.

– Наша Бульварная, – пояснил Щепочкин. – Всех встречает и всех провожает!

Дальше он, видимо, не знал, о чем вести речь. Гость тоже молчал.

Прервал молчание Щепочкин при пересечении новой улочки:

– Тверская. Дальше Преображенская, Красноармейская, Торговая, Белинского... А вот эта в начале века звалась Почтамтской.

– Интересно... – сквозь зевоту сказал Бардин. – Многие, видать, раньше иначе именовались.

– А как же! – оживился Щепочкин. – Народ в городе еще к некоторым названиям не попривык. Смена эпох – нешуточный вопрос... Ну а вот наша краса и гордость – улочка Миллионная! Близ нее почти все главные учреждения и конторы. Тут центр города все ж! Потерпите немного, и въедем в пункт нашей дислокации.

Наконец подъехали к огромному бревенчатому зданию барачного типа.

– Вот, считайте, мы и дома. Коммунистический проспект, одиннадцать. Это, Иван Павлович, на всякий случай, чтоб не заблудиться. Там вон у нас дрожжевой завод. Тоже объект приметный, и для горожан дело нужное...

Бардин понимал, что многие из руководства Тельбессбюро знали о его предстоящем приезде, но почти никто не придавал этому большого значения. Мало ли всяких персон посылает сюда столица. К тому же у местного народа сохранилось еще крепкое чувство губернского величия, которое, правда, в последнее время перехватил Новосибирск. Томск всеми силами старался удержать высокую марку своего бывшего превосходства...

При первом ознакомлении с делами Бардину не понравилось многое. Строительство завода находится в разных руках. Есть научное ядро, в котором главную роль играют специалисты по руде и углю. Люди высокого класса. Можно сказать, настоящие научные светила. Но мало того, они в основном кабинетные работники, заняты студенчеством, лекциями, научными опытами. А таких, кто лазит каждодневно по горам, нет.

– Мне бы, Викентий Николаевич, хотелось повидаться с вашей профессурой. Есть несколько вопросов, которые бы могли решиться вмиг.

Щепочкин неловко помялся. Видимо, он был в курсе общего настроения со стороны ученых мужей, которым было поручено заниматься организацией строительства завода в Кузнецке.

Потом, подбирая слова, все-таки начал говорить:

– Тут такое дело. Профессор Гутовский против того, чтобы заводом занимались пришлые люди. А остальные следуют его указаниям и советам. Если честно, то с назначением товарища Колгушкина нам отказано даже в обещанных площадях на территории университета...

Бардина удивило, что в проектной части нет ни одного специалиста-металлурга. Есть строители, механики, энергетики, сетевики, но как строить завод без металлургов? Здесь большинство людей в глаза не видели настоящей домны, живой мартеновской печи или прокатного стана... И наконец, бюро находится на удалении четырехсот верст от места строительства. Какая может быть оперативность в решении вопросов? Телефон – показатель прогресса, но он порой только мешает нормальному общению.

Щепочкин завел Бардина в комнату, где сидели четыре женщины и двое мужчин.

– А вот наши наработки по генплану, – пояснил главный инженер Тельбесского бюро. – Собственно, не генеральный, а ситуационный план. Но представление дает.

На двух склеенных встык листах ватмана были обозначены контуры будущих цехов, вспомога-

тельных и подсобных сооружений. Бардин сразу оживился. Надел очки. Он впервые увидел план площадки, на которой разместится завод. Правда, в мелком масштабе, но здесь хотя бы вырисовывалось уже что-то зримое. Иван Павлович будто прикоснулся к будущему Кузнецкого завода. Такое ощущение, наверно, испытывает мать, когда вдруг почувствует шевеление ребенка в своей утробе...

– Какой максимальный перепад отметок на площадке строительства?

Мужчина в синей рубашке с черными нарукавниками на локтях погрыз кончик карандаша:

– До пяти-шести метров. Но мы стараемся принять такую планировочную отметку, чтобы был минимум земляных работ.

Вмешался Щепочкин:

– Главное, Иван Павлович, чтобы не оказалось перепада в пределах промплощадки и все железнодорожные пути были практически на одной отметке. Кстати, в одном месте надо скосырнуть земельку толщиной около двадцати метров. Но это как исключение. Стараемся предусмотреть беспрепятственное присоединение завода к путям станции Кузнецкой.

– Вы абсолютно правы! Я грубо прикинул и удивился: железных дорог на заводе будет больше трехсот километров. За неделю не обойдешь пешком...

Видно было, что московскому гостю приготовленный план разворачиваемой стройки понравился. А сам Бардин продолжал въедаться взглядом в нанесенные на ватманы силуэты будущих цехов.

– Я вас, товарищи, прошу учесть, что завод будет расти. Будет наверняка увеличиваться и его расчетная мощность. Добавятся сооружения, о которых мы пока имеем смутное представление и даже ничего не знаем. Это закон жизни. Прогресс устанавливает свои правила. Поэтому еще раз прошу обратить внимание на возможные резервы.

– Да, но они сегодня для нас обойдутся в копейку, – с сомнением заметил Щепочкин.

– Зато учтите: завтра это обернется выигранным рублем! – парировал Бардин.

...По намеченному плану Иван Павлович выехал из Томска. Но на узловой станции Тайга что-то случилось с паровозом. Его отцепили и увезли, пассажирам объявили, что их ожидает задержка около двух часов. Все высыпали на улицу. Молодежь галдела, люди постарше осматривали станционные постройки. Мужчины большей частью курили на свежем воздухе. Бардин тоже прохаживался среди всколыхнувшегося народа.

Смотреть особо не на что. Пустое безрадостное место. Только в две противоположные стороны – на запад и на восток – уходят серебристые линии рельсов...

Невдалеке шло строительство дома. Видимо, предназначенного для местных железнодорожников. Бардин подошел поближе. Поднимался жилой двухэтажный дом. Вполне обычный. Но строители использовали одну диковинку. Для подачи кирпичей на второй этаж было установлено сооружение наподобие беличьего колеса. В нем то и дело перебирал ногами человек в растоптанных ботах и ветхой фуфайке. Колесо при этом приходило в движение, поднимая груз. Если требовался спуск каких-либо материалов, топтание человека в колесе происходило в обратном направлении.

Бардин с внутренним смехом и одновременно с грустью смотрел на такую работу. Ему представилось, что на будущей стройке поставят сотни подобных колес, в них и потянутся вверх кирпичи, раствор, бетон... Нет, для работы в гигантском масштабе такой способ механизации непригоден. Подавать строительные материалы на высоту надо только с использованием настоящей механизации и электричества, только с помощью лебедок и кранов. Вручную современный завод не построить!

Подумав так, Бардин поскорее пошел прочь.

ТОМСК, ЩЕГЛОВСК. 1929. ВСТРЕЧА С ЭЙХЕ

Итак, в начале февраля 1926 года было принято постановление по Тельбесскому заводу. Предполагалось, что работать он должен на базе тельбесской железной руды и каменного угля Кузбасса. Название правительственного документа оказалось длинным и не отражающим суть основного вопроса: «О проведении подготовительных и исследовательских работ технико-экономического характера на месте постройки, составлении детальных рабочих проектов и смет».

Менее чем через месяц в Томске была создана специальная проектная организация – Тельбессбюро, филиал организованного накануне в Ленинграде Гипромеза (так сокращенно вошло в историю название Государственного института по проектированию металлургических заводов). Началась лихорадочная работа по доведению имеющегося проекта завода до полной готовности и начала строительства. Но работа эта по разным причинам шла ни шатко ни валко.

Наступил год 1929-й. Сменилось руководство Тельбесстроя. Начальником строительства поставили Филомея Тимофеевича Колгушкина, бывшего заместителя председателя Сибкрайсовнархоза. Главным инженером был назначен Иван Павлович Бардин.

28 февраля в «Торгово-промышленной газете» вышла статья о начале строительства Тельбесского завода. В ней были опубликованы выступления новых руководителей строительства. С этого дня и развернулась настоящая работа по переделке имеющегося проекта. Правление Гипромеза поручило

его корректировку крупнейшим западным фирмам, специализирующимся на строительстве современных металлургических заводов. Из десяти представленных на рассмотрение проектов технический совет института выбрал проект фирмы «Фрейн». Он был утвержден Главчерметом ВСНХ СССР и предусматривал выпуск 400 тысяч тонн чугуна и 430 тысяч тонн проката в год.

Выбор площадки для строительства пал на территорию, принадлежащую Горбуновскому сельскому совету, – на противоположном от Кузнецка левом берегу реки Томи. Пока что это была заболоченная котловина, богатая дичью, ягодами и грибами. Удачное сочетание месторождений каменного угля и руды поблизости давало замечательную возможность строительства металлургического завода именно здесь. Кроме того, к предполагаемому району строительства уже была проложена железная дорога, а под боком протекала многоводная река Томь.

Первые строительные работы начались здесь еще весной 1927 года, когда на склоне Старцевой горы появились деревянные домики в один этаж для лиц, занятых подготовкой к возведению завода. Потом ажиотаж спал, и люди, вселившиеся в эти жилища, начали собственное обустройство. Они ставили сараюшки, разводили скот и птицу. Устраивали огороды, переходя на обычный сельский образ жизни. У многих создалось впечатление, что никакого завода в этих местах еще век не будет.

Никто в Кузнецке не догадывался, что за рубежом и в советских проектных конторах кипит упорная работа над будущим огромным предприятием. Российские инженеры проектировали вспомогательные сооружения и объекты смежных производств. За работами следили не только Главчермет, Гипромез, Тельбессбюро, но и лично Роберт Индрикович Эйхе.

С секретарем Сибкрайкома партии Эйхе Бардин встретился в Щегловске, в его персональном вагоне. Это было незабываемо.

Одинокий вагон стоял вблизи строящегося здания вокзала. Вдали торчала высокая водонапорная башня. Ее окружили десятки разных повозок с понурими лошадьми. То и дело, поскрипывая, по рельсам проплывали вагоны, доверху груженные коксом.

«Пойдут на Урал», – отметил про себя Бардин.

Попасть к Эйхе удалось не сразу: тот долго и громко разговаривал с местным руководством, которое пригласил для беседы после недавно закончившейся партконференции. Потом в «предбаннике» высокого начальника Бардину многозначительно шепнули, что Эйхе будет ужинать.

Наконец, когда дело шло уже к глубокому вечеру и за окошком вагона перестал снова маневровый паровоз, полноватый мужчина с усталым взглядом изрек:

– Можете пройти в кабинет Роберта Индриковича.

О многом хотелось Бардину поведать самому могущественному человеку в Сибири. Прежде всего о том, как он собирается строить завод, какие у него за плечами силенки. А еще о том, что по наущению Хренникова из Главчермета некоторые деятели из Тельбесбюро высказывают много сомнений и, как принято в таких случаях, скатываются к вариантизму. А профессор Гутовский из технологического института вообще отказался от встречи с ним...

Принял Эйхе московского назначенца очень сухо. Точнее, с явной неохотой и поэтому неприветливо. По-видимому, Бардин не произвел на него впечатления специалиста, которому можно было доверить выполнение задачи государственного значения. Много таких развелось в последнее время в столице. Учужали в Сибири новые возможности, большую выгоду. Вот и поперли сюда сорвать хороший рубль...

Закуток, в котором окопался Эйхе, трудно было назвать кабинетом. За небольшим столом сидел человек сурового вида. Темные, несколько вкlopenные волосы. Проницательный взор, причем один глаз немного прищурен – словно старается вьесться в нутро вошедшего человека (потом выяснилось, что так Эйхе скрывает частое подергивание этого глаза от нервного тика). Длинный неровный нос, густые, коротко стриженные усы и бородка, выступающая клинышком. Впалые, забывшие про бритые щеки. Грубая рубаха из серо-зеленого сукна. Большие коричневые пуговицы, прихваченные к материи черным «крестиком».

– Садитесь! – Эйхе указал взглядом на дальний от себя стул. – Мне доложили, что вы намерены стать главным технологом нового завода в Кузнецке. Это так?

По всему было видно, что секретарь Сибкрайкома уже заранее настроен негативно. И Бардин понял, что столь много значащего для него разговора в этот раз не получится. Тем более что Эйхе даже не дал ему ответить на свой вопрос.

– Дело огромнейшей государственной важности! – продолжил секретарь. Потом вынул из пачки папиросу, прикурил и, облегченно выпустив перед собой клуб дыма, спросил: – Вы знаете, в какой стороне находится место строительства?

Бардин был ошеломлен вопросом. Но ответил:

– Я именно туда направляюсь. Был пока только в Томске...

Эйхе резко ткнул пальцем в сторону, где находился один из тамбуров вагона:

– Там! Именно там находится Кузнецк. От нас строго на юг! От этого рельса ровно двести верст. Я думаю, что вам, товарищ... – он мельком глянул в

свой «поминальник», уточняя фамилию посетителя, – товарищ Бардин, хорошо бы ознакомиться с местом и условиями будущего строительства. Я осведомлен о ваших предыдущих заслугах. Вижу: весьма значимы. Но, признаться, на этот раз они не в счет. Ваши успехи мы будем учитывать не менее чем через год-два, отсчитывая от сего момента...

Эйхе явно дал понять, что тема разговора исчерпана. Его папироса была докурена. Возможно, на такие промежутки перекура у этого человека и была рассчитана вся жизнь...

– Желаю вам доброго пути. Очень тщательно ознакомьтесь с площадкой. Если представится возможность, поговорим об этом более содержательно, – сказал секретарь Сибкрайкома и отвернулся к полке, занятой книгами и разными папками.

Ни при встрече, ни при расставании, отметил Бардин, Эйхе не протянул ему руку.

КУЗНЕЦК. 1929. ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД

Небо высилось в далекой синеве. И воздух опьяняюще чист. Такого воздуха Бардин не видел в своих краях. Москва тоже не могла этим похвастать: там копительных труб было еще больше, чем в Каменском...

С Бреусом добрались до станции, где вчера Бардин вылез из вагона. Пошли на ближайшую улицу. Железнодорожная – само название говорило, что здесь должна находиться контора, которая интересовала Бардина.

Начальником строительного управления Наркомата путей сообщения оказался некто Лебедев, энергичный молодой человек с ясными голубыми глазами. Главным инженером при нем состоял Куликов, довольно пожилой путеец с округлой бородкой и коротко стриженными усами. Оба толковые, понимающие люди. Разговорились. Оказалось, что Куликов был лично знаком с Михаилом Константиновичем Курако. Ему даже пришлось хоронить его в феврале двадцатого года. Бардин впервые узнал, что великий металлург похоронен совсем недалеко – на Шушталепской площадке в окрестностях Осинников. Загадал наперед: надо посетить эти места...

Много говорили о новом строительстве. Оба путейца захотели принять в нем участие. Бардин тут же предложил новым знакомым построить железнодорожную ветку от станции до территории завода.

– Много не беру на себя, но обещаю: все документы оформим сразу же после моего возвращения из Москвы. Тогда пойдут деньги... А сейчас пока не имею полномочий.

Железнодорожники, к его радости, согласились на работу и с такими условиями. Он им тоже показался человеком дельным.

Куликов уговорил Бардина поехать к нему в Кузнецк. Там на правом берегу Томи показал бывшую квартиру Михаила Константиновича. Потом пригласил гостя к себе на ночлег. Вместе с Куликовым и его женой Натальей Андреевной Бардин весь вечер провел в воспоминаниях о Курако.

– Человек был особенный, – рассказывала Наталья Андреевна, – еще много нашенских его помнят... У него всякие каверзы случались при той жизни... Цельный рассказ можно составить только о случае, как он на автомобиле убежал от генерала Путилова. Генерал чуть не час на своем Гнедке за ним гонялся по городу. Одна умора...

Бардин неторопливо жевал шанежки с творогом, запивал чаем. И, вспоминая прошлые дни, в свою очередь рассказывал хозяевам:

– Замечательный был мастер доменного дела, оставил значимый и светлый след не только у нас в Юзовке, но и в истории отечественной металлургии. Большого образования, правда, не смог получить. А вот оказался одним из тех редких, всесторонне одаренных людей, которые умели не только наилучшим образом организовать труд, но и увлечь широтой и смелостью замыслов, собирать вокруг себя таланты, быть их вдохновителем. Щедрой души был человек и высокой русской культуры.

– А ведь у нас сохранилась одна карточка от Михаила Константиновича! – спохватилась жена Куликова.

Она достала с этажерки толстенную книгу, из нее вытащила пожелтевшую фотографию.

– Вот, точно он! – воскликнул Бардин. – Как живой!

– Это он у нас перед смертью сфотографировался, будто предчувствовал свой конец, – пояснила Наталья Андреевна.

На фотографии лицо у Курако выглядело худым, воспаленным, глаза острые, пронизательные. Но, как и на многих снимках, вид нарядный, если не сказать парадный. Чистый черный костюм, крахмальный воротничок, галстук. Сам он называл такой вид «формой высокого давления».

Бардин с интересом вглядывался в лицо близкого ему человека.

– В такой одежде он бывал раньше, может быть, один процент своей жизни, а все остальное время костюм его состоял из черной рубашки-косоворотки, хорошо сшитого синего однобортного пиджака, таких же брюк и сапог до колен. Порой бывал щеголем, но только по исключительному и важному в его жизни случаю...

Бардин знал, что серьезная попытка создать металлургическую промышленность в Сибири была предпринята еще Копикузом. Тот в 1912 году получил в концессию большую часть Кузбасса. Планиро-

валось построить металлургический завод на тельбесской руде. Копикуз пригласил Курако. Предложили Михаилу Константиновичу построить завод с домами американского типа. Но помешала разгоревшаяся Гражданская война.

– Да, у нас долго менялась власть: то белые, то опять красные. То партизаны, то бандитское отродье. И главное, одних от других и не отличишь никаким способом!

Куликов убрал с носа тяжелое пенсне, сурово глянул на супругу:

– Не совсем так, Наташа. Гость подумает, что у нас сплошь дикий край... Хотя верно: в России советской власти уже двенадцать лет, а в Сибири кое-как наскребется восемь. А это большая разница для государства и для края в таком масштабе... Ты вот лучше Расскажи гостю, как с горы на иконах катались.

Наталья Андреевна вроде как смутилась, даже зарделась.

– Так одни только сказки теперь. Дело прошлое, совсем давнее. Но в голове торчит...

И она стала рассказывать о своей младшей сестре, первой комсомолке Кузнецка. Как молодежь власть в свои руки брала, помогала порядок наводить в городе.

– Церкву нашу после ухода Рогова больше никто и не восстанавливал. От Бога народ тогда быстро отрунул. Не знаю, правильно оно ли нет. А вот Нюрка, сестрица моя, первой из девок в комсомол записалась. Тимофея Николаича сынок был там же, еще братья Полосухины... И вот в двадцать пятом на Рождество по-старому игрища молодежь у крепости устроила. Такую катушку по Водопадной смастерили, что ни пройти ни проехать. Сверху кто на санях, кто на тазу побитом, кто на старой столешнице – все с визгом да хохотом чуть не до дома купца Фонарева неслись. А Нюрка с подружками туда без всего пришла. Вот девки и позарились в церкви на иконы, что остались после погрома... Написаны были краской на старинных досках. Некоторые в половину этого стола. – Она ткнула пальцем в накиннутую на стол белую скатерть. Помолчав, продолжила: – Значит, усядется деваха задницей на икону и вниз – пока доска под ней не переломится... Только дело, видно, совершили не богоугодное. После одного захода понеслась Нюрка – да так, что столкнулась с лучшей подруженькой своей Настеной лоб в лоб... Вот так зараз две смерти.

Бардин поднялся. Подошел к ведру с водой. Зачерпнул ковшиком. Потом медленно сглатывал жидкость. Ему казалось, что когда-то в своей жизни он уже встречался с бедолажной Нюркой. От этого в груди разливалась давно не подступавшая тоска.

КУЗНЕЦК. 1929. СТЫЧКА С ЯНУШКЕВИЧЕМ

Пока Бардин прощался с Каменским, а потом оформлял свой отъезд в Москве, на площадке в Сибири появился гражданский инженер Янушкевич (гражданскими в то время называли инженеров-строителей).

При знакомстве он произвел на Бардина приятное впечатление. Подтянутый, в инженерной форме, застегнутой на все пуговицы. На вид около шестидесяти, но выглядел еще полным сил и энергии. Казалось, что человек понимает свое предназначение, свою роль на стройке и готов сворачивать горы. Более того, он постоянно подчеркивал, что осведомлен почти во всех вопросах строительства, на все имеет свое профессиональное суждение. Правда, несколько смущала солдафонская манера отвечать на указания или советы по-старомодному: «Так-с точно!», «Никак нет-с!»

Бардин посчитал, что с таким специалистом, пока позволяет погода, можно развернуть широкий фронт работ. Надо было срочно начинать разработку карьеров, вести планировочные работы, ускорить строительство барачков для прибывающих рабочих. К осени должен подойти из тайги сплавной лес – значит, на Томи надо успеть обустроить пристани. Дел, что называется, было по горло.

Но через некоторое время Бардин стал замечать, что дела у Янушкевича постоянно отстают от намеченных сроков, а то и вовсе срываются. Хорошо, что не поставили его на строительство большого деревообделочного и лесопильного завода на берегу реки, где с начала лета обваливали специальную площадку.

В разговорах с главным инженером Янушкевич вел себя с излишней осторожностью, а в последнее время стал совсем замкнут. Сразу ставить ему на вид Бардину не хотелось: мало ли что может быть, ведь человек впервые столкнулся со строительством крупного завода. Но все-таки намекнул товарищу инженеру раз-другой: мол, заметна излишняя медлительность в проведении самых необходимых мероприятий.

К сожалению, дела у Янушкевича все равно двигались с трудом. Когда Бардин приходил к плотникам, занятым строительством барачков, выяснялось, что Янушкевич был у них только несколько дней назад. Искать же его по всей стройке – пустые хлопоты.

В конце концов Бардин пригласил Янушкевича для беседы. Не было желания даже отчитывать, как он умел. Решил просто поговорить по душам.

– Эммануил Федосеевич, хотел бы побеседовать с вами без свидетелей. Ответьте честно: что вам мешает выполнять мои указания?

Янушкевич вздернул подбородок, неприязненно сощурился:

– Я не всегда разделяю суть ваших указаний.

– Но вы же никогда не возражали мне и не говорили об этом вслух!

– Если желаете, теперь буду поступать именно так. Вы думаете, что я безропотное существо. Я уже многое оставил после себя и понимаю цену решений...

Бардин вспыхнул, но удержал в себе гнев, чтобы не сорваться в ответ на хамское поведение подчиненного. А тот не унимался:

– Ваши указания часто противоречат законам и правилам строительства. Вы же чистый металлург. А я настоящий строитель. И могу заявить, что намного больше вашего осведомлен в технологии и правилах строительного дела.

Бардин осмысливал сказанное Янушкевичем. Наконец спросил:

– Как же, вы считаете, я должен строить дальнейшую работу с вами?

– Я, как нижестоящий работник, буду обязан выполнять ваши указания. Но, как человек с головой, должен заявить, что по вопросам, с которыми я принципиально не согласен, вы должны давать мне письменные указания. У меня, должны знать, дети, больная жена... Я не хочу, чтобы они пострадали из-за моей глупости и опрометчивости.

С этого момента отношения с Янушкевичем совсем испортились. Тот считал, что Бардин суется не в свое дело. В открытую не подчинялся и постоянно требовал письменных распоряжений.

Еще в самом начале Бардин поручил Янушкевичу срочно приступить к разбивке базисных осей на площадке завода. Надо было поставить более сотни бетонных знаков с заделкой их на незамерзающей глубине. Без этого невозможно было размещать на местности будущие цеха и сооружения. Прошло почти три недели, а работа так и не началась.

– Считаю, что без окончательно утвержденного генерального плана это делать не имеет смысла. Если настаиваете, дайте мне письменное распоряжение. Потом посмотрим...

Пришлось пойти на компромисс. В письменной форме Бардин предложил Янушкевичу приступить к разбивке осей, а также выполнить испытание грунтов.

– Все равно без утвержденного генплана делать эту работу считаю преступлением, – долдонил Янушкевич.

– В конце концов, за все, что делается здесь, отвечаю я! – в сердцах ответил Бардин.

После этого он поручил выполнять работу минуя Янушкевича. Исполнителями в основном оказались молодые, но уже освоившиеся со строительством ребята, прекрасно знающие, что надо делать.

Конечно, можно было бы сразу отстранить Янушкевича от обязанностей. Но не было никакой замены – ни одного человека, имеющего высшее образование или хотя бы приличный опыт работы в строительстве.

Бардин видел, как молодежь с увлеченностью схватилась за порученную работу. Однажды утром, проходя мимо кучки ребят, обвешанных разными геодезическими инструментами, по привычке остановился. Поздоровался. У всех треноги, рейки, мерные ленты, приборы в чехлах и футлярах. Узнал двух девушек (ехал с ними в одном вагоне из Томска). Одна худенькая, с жидкими косичками, словно девочка-школьница, вторая высокая, крепкого сложения, с короткой стрижкой. Девушки тоже узнали главного инженера.

– Здравствуйте, Иван Павлович! – с улыбкой произнесла та, что поменьше. – Мы выполнили свое обещание. Остались здесь до конца. Теперь настоящие кузнечкостроевцы...

– Как устроились?

– Просто замечательно. Наши томские все в одном бараке, в шестнадцатом. И ребята, и девчонки.

– Ну-ну... А поверку своим инструментам давно делали?

– Ой, что вы! Как положено. Наш Виктор Николаевич за этим следит строго! – И девушка увела взгляд на стоявшего рядом парня лет тридцати.

Бардину было приятно находиться среди этих молодых людей. Но почти сразу он вспомнил: возле коксовых печей предстоит еще незавершенный со вчерашнего дня тяжелый разговор. И все равно он не спешил уходить. Оставался стоять перед ватагой ясноглазых ребят, готовых свернуть любые горы.

– Приборы у вас заграничные?

– Не только. Работаем в основном с американскими нивелирами «Висслер», – начала объяснять девушка в красной косынке. – Хоть и давно выпущены, но показали себя превосходно. Есть еще польские «Герлях» разных годов. А теодолиты почти все наши, поступили прямо с завода «Геофизика». Безотказны в любую погоду. Говорят, что не подводят даже в сильные холода...

И все-таки рабочий день Бардина оказался испорчен. Взяв просмотреть щегловскую газету, он наткнулся на статью под заголовком «Так дальше нельзя!». Внизу стояла подпись некоего Норда. Явно псевдоним. Речь в публикации шла о беспорядках, которые якобы имеют место на строительстве металлургического завода в Кузнецке.

Автор отмечал, что строителям будущего гиганта мешают ничего не понимающие металлурги, чем создается полная безответственность. Делался намек на то, что главным виновником хаоса на строительной площадке является не кто иной, как лично главный инженер стройки. И соответственно, следо-

вали выводы, что в случае непринятия мер последствия будут неисправимы. В качестве доказательства приводились факты неправильно принятых решений – в частности, по строительству фундамента главного здания заводоуправления. Почему-то руководство дало указание строить его на ленточном фундаменте, а не на свайных опорах. В связи с этим здание долго не простоит, неизбежно развалится. Говорилось и об ошибочности задания на испытание грунтов и выполнение разбивочных осей до окончательно согласованного генплана.

Было ясно, что все это инспирировалось Янушкевичем и другими специалистами, несогласными с решениями Бардина. В частности, гидрогеолог Кучин рекомендовал для снижения уровня грунтовых вод и прекращения их доступа с окрестных гор сделать штольню длиной более трех километров: она бы перехватывала все поверхностные и грунтовые воды, направляющиеся к площадке с горы.

Предложение Кучина имело свое обоснование, но Бардин его не принял, считая, что это повлечет за собой большую и ненужную работу.

Теперь, поскольку появились, по сути, официальные обвинения в газете, главному инженеру ничего не оставалось, как вызвать для консультации гидрогеолога из Москвы и ждать окончательного решения вопроса на месте.

Через неделю в Кузнецк прибыл профессор Дмыховский, известный знаток по части грунтов и оснований. В течение трех дней он знакомился со всеми данными, побывал на месте заложения фундамента строящегося здания. Наконец тряхнул козлиной бородкой и густым басом изрек, что полностью одобряет принятый Бардиным тип ленточного фундамента.

После такого заключения работа пошла более уверенно. Но статья сделала свое дело. Она породила сомнения в квалифицированности руководства стройки, точнее в состоятельности главного инженера. Бардин понимал, что отныне разговоры о его личной некомпетентности будут подниматься при любом удобном случае. Опережая события, он отправился в Томск, чтобы доложить Колгушкину обо всем, что произошло. Рассказал о случившемся и потребовал от начальника своей отставки.

– Так дальше нельзя, Филомей Тимофеевич! Завтра возникнут еще более сложные вопросы! Я же не мальчик для битья! Каждый раз апеллировать к Москве – это не дело... Нет, пока не наломал дров, увольняйте меня с этого места.

Колгушкин подался вперед:

– Ну что вы, Иван Павлович, так близко принимаете к сердцу. Оно вам еще пригодится для больших дел. А на чужой роток не накинешь платок! Сколько людей, столько и мнений. Другое дело, люди не слышат друг друга... Я вот сам недавно в Москве

чуть до грудков не дошел в разговоре с одним деятелем из Совнаркома. Я ему, понимаешь, про Фому, а он про Ерему... Нет и еще раз нет! Никуда я вас, Иван Павлович, не отпущу! Я кадрами не разбрасываюсь! Точка...

В конце концов Колгушкин уговорил Бардина не предпринимать ничего до его переговоров с Новосибирском, куда он наметил отправиться в ближайшие дни.

Вроде уговорил, но в душе Бардина осталась заноза. Чтобы вытащить ее, решил из Томска ехать в Щегловск, в редакцию окружной газеты, поместившей обвинительную статью. На Исполкомовской, 18 нашел бревенчатый дом под тесовой крышей. Разыскал редактора. Представился. Редактор назвался Борисом Голубчиком.

Бардин долго рассказывал о проблемах стройки, о трудностях, о ближайших задачах и перспективе. Редактор смотрел на него, часто мигал сквозь мутные очки и молчал.

А когда речь посетителя закончилась, не меняя выражения лица, произнес:

– Ну и че вы хотите?

Бардина это взбесило:

– Я вынужден завтра же отправиться на прием к товарищу Эйхе! Не думаю, что пасквилянтам крайком партии предоставляет свободу слова!

Услышав о товарище Эйхе, редактор сразу переменился в лице. Снял с носа очки и требовательно крикнул:

– Наташа! Севрюкова немедленно ко мне!

Менее чем через минуту в дверях показался молодой парень в ситцевой косоворотке.

– Володя, расскажи товарищу Бардину, как ты готовил свой материал, как побывал на Кузнецкстрое. В общем, убеди человека, что никакого навета в твоей статье нет. – Потом снова повернулся к посетителю: – Это, товарищ Бардин, не наша редакционная политика и тем более не кухонные придумки. Мы идем четко в фарватере решений партии и правительства!

Володя начал сбивчиво рассказывать, как к нему попало письмо из Кузнецка. Группа товарищей, мол, писала о безобразиях, которые творятся вдали от глаз новосибирского и томского руководства. Фамилия Бардина там не упоминалась.

Севрюков хотел передать материал газетному фельетонисту Александру Климову. Но тот отказался, посчитав письмо подозрительным. Когда Севрюков прибыл в Кузнецк для выяснений на месте, его радушно встретил Янушкевич. В личной беседе рассказал о том, что главный инженер плохо разбирается в строительстве, дает невыполнимые и даже вредные указания. Многие специалисты возмущены такими выходками технического руководителя и готовы покинуть стройку...

В конце концов корреспондент Севрюков, состряпавший статью под псевдонимом Норд, вынужден был признать, что все приведенные в публикации факты не проверены. Ему пришлось тут же извиниться за свою излишнюю доверчивость. Парень от волнения млял потные пальцы.

– Особо простите, товарищ Бардин, за то, что в тот раз не захотел встречаться с вами. Обещаю еще раз приехать на стройку и написать, как все происходит на самом деле...

Голубчик, снова нацепив на переносье туманные очки, заключил:

– Прошу нижайше нас извинить! Теперь придется давать опровержение. Слышал, Володя?.. Видите, товарищ Бардин, живем в переломное и суматошное времечко! Все мы не без греха... А если будете в Новосибирске, передавайте при случае Роберту Индриковичу от щегловских низкий поклон!

Но никакого опровержения газета так и не опубликовала. И правдивой статьи о Кузнецкстрое в ближайших номерах не появилось.

Янушкевич, видимо, понял, что попался в расставленную им же самим ловушку, и заметно загрустил. Старался лишний раз не попадаться на глаза Бардину. Вскоре подал заявление и отбыл в неизвестном направлении. На его место поставили инженера Сергея Коптевского, прибывшего с Белорецкого завода. Ему уже приходилось работать с Бардиным в Макеевке и Енакиеве. К тому же он хорошо разбирался не только в металлургическом производстве, но и в строительстве.

КУЗНЕЦК. 1929. КУЛАКОВ

Тридцатилетнего Андрея Кулакова на стройке встретили без особого пиетета. Были уже тут такие, кто и в штурме Зимнего успел поучаствовать, и повоювать в Гражданскую. Даже повыше, чем полковым комиссаром.

В девятнадцать его приняли в партию. А после установления советской власти в Сибири направили в Омск. Там комиссар превратился в снабженца, доставал и выбивал не только фонды, но и конкретные вещи: еду, одежду и оборудование, то есть самое необходимое для работы угольных копей Кузнецкого бассейна. На юге Кузбасса Кулаков проработал более пяти лет, успел изучить край и многих людей знал лично.

В Кузнецк прибыл в октябре 1929-го. Представлять его на стройку приехал Иван Васильевич Лотиков – заведующий орготделом окружкома партии. Сразу обозначил Кулакова как первого секретаря комитета партии Кузнецкстроя. Вскоре на окружной конференции того по всей форме избрали секретарем Кузнецкстроевского райкома.

Тогда ситуация с рабочими кадрами на стройке грозила превратиться в критическую: сколько б лю-

дей ни прибывало сюда целыми эшелонами, добровольно или по призыву, почти столько же бежало прочь, порою даже не дожидаясь денежного расчета.

Близилась долгая и лютая сибирская зима, пугающая многих кузнецкостроителей. Как пережить ее? Как удержать людей? И вот тут весьма к месту оказался Кулаков. Он был волевым, резким и порой очень жестким человеком. Разошелся слух, что перед этим Кулаков провел чистку парторганизации в Щегловске. Многих партийцев выгнали с высоких должностей. Самые изворотливые перебрались на теплые места в Кузнецк. И вот снова на их голову налетел коршун...

В то же время крепла репутация Кулакова как житейского воспитателя, политического пропагандиста, организатора и надежного снабженца. Наверно, какими-то высшими силами Кулакова вынесло на предназначенную как раз для него орбиту. Время и обстоятельства требовали именно такого парторга, по сути – комиссара времен Гражданской.

С первого дня на стройке Кулаков вел себя как в бою. Сразу оценил всю серьезность ситуации с рабочими кадрами. И понял, что одна из главных задач советской власти – построить в Сибири металлургический гигант и начать давать стране чугуна, сталь и прокат – находится под угрозой срыва. Поэтому не было времени искать помощи у своего партийного начальства, и Кулаков поставил перед руководством стройки вопрос ребром: или мы что-то сделаем, или вообще лишимся рабочих рук.

Колгушкин бывал на месте очень редко, а у Бардина своих забот невпроворот. Так что Кулаков сам устанавливает для себя особый режим жизни – практически днюет и ночует на строительной площадке, постоянно находясь в гуще рабочих. При этом понимая, что, по существу, оказался единственным воином на поле брани. Не то что крепких – вовсе никаких тылов у него нет. Коммунистов на стройке – единицы. Да и те разобщены, не знают друг друга, живут и работают в разных местах...

На счету каждый метр жилья. Но партийной организации нельзя существовать без своего угла. Потому Кулаков поручил членам оргбюро самочинно занять комнатушку в доме приезжих – прямо над столовой ИТР. Однако там нет телефона. Уговорил кое-как заведующего хозяйством Морозова, тот черкнул на заявке: «Митрофаньч, обязательно поставь точку у просителя Кулакова».

Побежал к Митрофаньчу – главному связисту стройки Егорову. Прокрался в его закуток, услышал конец разговора с Морозовым по телефону:

– Я понял, Алексей Максимович! Все понял. Как подойдет, так и скажу ему... Конечно, конечно... Как говорится, самим не хватает.

Кулаков показал бумагу с резолюцией Егорову.

Главный связист долго вертел ее так и сяк, потом тряхнул головой и вымолвил:

– Понимаете, товарищ Кулаков, я бы с удовольствием, но, к сожалению... Токо вчерась последнюю точку снарядили. И теперь никаких возможностей. Нету резерву ни в сетях, ни на коммутаторе. Ежели хотите, можете проверить...

Кулаков догадался, что вокруг крутится сплошная надуваловка. Но куда пойти, кому пустить слезу или дать по физиономии, он не знал.

...Начались устойчивые заморозки. А в Кузнецке они обычно ранние. И сразу обострилась, точнее, оголилась проблема с жильем. Мало того что многие бараки сколочены из сырого леса, так еще и стены их заполнены всякой трухой, а сверху утеплены коровьим навозом. Полили осенние дожди – и с потолка закапала мутная вонючая жижа. Стены заплесневели, покрылись зелено-фиолетовым налетом. Многие бараки оказались не только без печей, но и без оконных стекол, проемы пришлось завешивать брезентом, старыми одеялами и матрасами. К слову, новых матрасов, чтобы нормально отдохнуть, тоже не хватало.

Никому не пришло в голову построить специальный барак для одиноких женщин, а их набралось на стройке более двухсот. Семейные и холостые часто жили в одной комнате. Уставший после смены муж спит на кровати, рядом жена качает в люльке ребенка, а возле них несколько молодых ребят галдят, играют в карты, споря меж собой...

В это время из центра России, спасаясь от голода, стекались самостийно и организованно люди, кое-как знакомые со стройкой или вообще не видевшие ее. Большинство «новобранцев», прослышав о невиданном строительстве и больших деньгах, прибывало в Кузнецк из алтайских, новосибирских и более близких деревень.

Построенные бараки занимались чаще всего стихийно: кто первый захватил место, тот здесь и живет. Правда, такое жильё находилось большей частью на окраинах, ему даже нашли подходящее слово – «нахаловка».

Вдали от строительной площадки возникло много неблагоустроенных рабочих поселков. Самый большой земляночный городок протянулся вдоль болота от речки Абы до железнодорожной станции. За ним тоже закрепилось говорящее название – «копай-город». И куда ни глянь, страшная антисанитария.

Для тех, кто прибыл последним, жилья не оказалось вообще. Надо было выбирать себе сухое место и срочно рыть землянки, утеплять их дерном, соломой, еловыми ветками. Буржуйки и уголь раньше можно было получить бесплатно, но к зиме железные печки стали дефицитом и с углем тоже воз-

ника проблема: выписывали со склада по два ведра на одну печь, и за этим с самого утра длинная очередь. В конце октября запретили выписывать для личных нужд гвозди...

Делал свое дело Кулаков, как умел: где уговором и убеждением, где руганью и угрозами. И добился-таки своего, сумел худо-бедно улучшить быт кузнецкстроевцев и предотвратить массовый отток рабочих.

Из освобожденных помощников у Кулакова был всего один человек – Лупинин. Снимать кого-то из партийцев с рабочего места было преступлением. В редком случае находился добровольный помощник, отпахавший ночную смену. Поэтому чаще всего Кулаков работал в одиночку.

Ходил по баракам и задыхался от смрада. Всякий раз вздрагивал, наткнувшись взглядом на ужасающие детали совместного быта жильцов. И иногда просто не мог уразуметь, как можно существовать в таких условиях. Люди жили семьями, без перегородок, бок о бок здоровые и больные, тут же играли и дрались их дети. Деревянные топчаны были завалены ворохами тряпок, а на большой кирпичной плите в центре барака из многочисленных горшков и кастрюль источала вонь приготавливаемая пища.

Правда, значительную часть местного населения составляли кулаки и члены их семей, то есть враги народа, коими считала их партия. И он сам, соблюдая партийную дисциплину, должен был тоже считать всех этих окающих, акающих и гэкающих людей, переселенных насильно из своих домов и хат, врагами народа. Но какие ж они, к черту, враги?!

А утром из бараков, землянок и других временных пристанищ на работу тянулись несметные толпы полуголодных людей в дырявых стеганках, потрескавшихся овчинах, в старых шинельках, в лаптях и галошах, подвязанных бечевками. И уже с восходом позднего солнца они, таинственные и чумазые, по-муравьиному суетились в громадных котлованах, карабкались по деревянным настилам на свежие кирпичные стены, толкали с неизвестно откуда взявшейся бодростью тачки с кирпичом и цементом. Брызги дорожной грязи и цементного раствора растекались по их худым лицам и ободраным ватникам...

Ноябрь начался с ранних морозов. Кулаков не мог усидеть на одном месте, мотался из одного барака в другой. Пробирался по осклизлому склону до самых дальних временок. Порой несколько ночей подряд умудрялся прикорнуть там, где его сваливала с ног усталость. Но и в этом случае просыпался первым и снова видел, как ужасно живут люди. В кишасей массе чужого народа мучились роженицы, кто-то с радостью ждал своего первенца, а кто-то

был рад, что младенец упокоился навек и одной заботой стало меньше. Спасаясь от всепроникающего холода, люди спали в шапках и телогрейках. Чтоб не замерзли ноги, мужчины меняли сырые от пота портянки на сухие и пристраивались на лавку в дырявых пимах...

Ранним утром Андрей торопился на вокзал, чтобы встретиться с прибывшей перед рассветом новой партией народа. Вокзал был слишком мал для заполнившей его оравы. Самые нетерпеливые, дрожа от холода, стояли у рельсов по колено в снегу.

Кулаков пробирался в душный зал и без всяких предисловий начинал выкрикивать избитые уже слова:

– Товарищи, вы прибыли на самую великую стройку не только Сибири, но всего нашего Союза! Вас с большой радостью встречает доблестный Кузнецкстрой!

Он знал, что почти никому, кто сейчас затаил дыхание в этом помещении и ждет от него самых желанных обещаний, не достанется нормального места для проживания, а тем более уютного угла...

Только вчера кое-как расселили прибывшую партию народа. Заведующий хозяйством Грау распорядился занимать красные уголки.

Но неожиданно налетел председатель рабочкома Федор Елизаренко:

– Не позволю! Дойду до Бардина, буду звонить Колгушкину, подниму весь Новосибирск!

Пришлось Грау, мягко говоря, «утереться». И этого старый партиец и красногвардеец вынести не мог. До самой темноты бегал от барака к бараку, отыскивая Елизаренко.

Бегал и хватался за сердце:

– Застрелю суку! И сам застрелюсь!

И вот – новое испытание. Конечно, куда-то приткнет людей Грау. Но чего это ему будет стоить! Придется еще раз уплотнять заезжий дом № 27 на Верхней колонии... А как завтра?

Не раз бывало, что человек очнулся после сна и не может встать: голова за ночь примерзла к подушке. Потом пытается умыться, а в цинковом тазу сплошной лед. Перед работой надо обязательно не только сжевать кусок ржаного хлеба, но, главное, порадовать душу кружкой горячего чая. Значит, первому, кто проснулся, придется разжигать буржуйку и заодно ждать, когда немного подсохнет задубелая ото льда роба...

Кулаков исполнял свой долг, как знал и как мог. Чисто по-комиссарски он организовал мобилизацию по обкладке дерном тесовых бараков. На засыпку завалинок был направлен каждый взрослый житель барака – все, по выражению парторга, кто мог шевелиться. Ему удалось сплотить сотни людей, прибывших на стройку с разных концов страны, заложить основу единого коллектива Кузнецкстроя.

...А перед руководителями стройки стояла задача куда более важная: скорейшее получение первой плавки. Поэтому для разговоров об улучшении быта трудящихся на совещаниях и собраниях, как правило, времени не хватало.

КУЗНЕЦК. 1929. ЗАВОДСКОЕ ШОССЕ

На железнодорожную станцию все чаще и чаще, по нескольку составов в сутки, прибывали материалы и оборудование, предназначенные Кузнецк-строю. Но нормально подъехать к промплощадке с этими грузами было нельзя. Станцию от территории строительства отделяла речка Аба и болота, трясына и озерца. Все, что могли доставить на лошадах, везли в повозках круглыми путями, старыми тропами – лишь бы поступивший материал оказался ближе к стройплощадке.

Все понимали, что без хорошей дороги не обойтись. Пришлось в который раз оголять главные объекты строительства и направлять людей на этот участок работы. Несколько сотен грабарей день и ночь возили камень и землю, чтобы засыпать болото по всей длине намеченной прямой дороги между будущим заводом и железнодорожной станцией. Но трясына безжалостно заглатывала камень и глинистый грунт. С огромным трудом удалось сделать какое-никакое основание будущей трассы, тут же получившее величавое название Заводского шоссе. Хотя какое тут шоссе? В сухое время – кочки да ухабы, а после дождя колеса груженых телег еще долгое время вязли в разжиженном грунте по самые ступицы...

В этот раз Бардин торопился на вокзал. Через несколько минут должен отходить новосибирский поезд. Двухолка, в которой рядом с главным инженером сидел Кулаков, виляла по шоссе, объезжая глубокие рытвины.

Слева показались бессоновские дома.

Кулаков показал на кривые силуэты построек:

– Вчера наши имели крупный разговор с местными мужиками...

– Что-нибудь серьезное? – насторожился Бардин.

Он вспомнил, как еще на самых первых порах потерпел сокрушительное фиаско в этой самой Бессоновке. Появился здесь в марте и первым задал вопрос не «Кто будет строить?», а «Где люди будут жить?».

Заведующий строительной площадкой Тельбесбюро Иван Иванович Бреус, краснощекий немец из колонистов, вязаной vareжкой показал на ряды складированного леса:

– Тут побольше тысячи кубиков. Для начала жилья хватит. Но опять же загвоздка: кто будет строить? Народу, видите, нет. А тот, что в наличии, может быть только на подхвате. Лесинку поддержать, дров нарубить, напилить. А настоящих плотников –

нуль! Хороших печников тоже нет. Вечная дилемма, Иван Павлович. Это вроде того, что было вначале: курица или яйцо...

Философствующий Бреус начал раздражать Бардина. Но тут заведующий строительством заявил, что у него есть на этот счет весьма занимательная идея. И сразу изложил ее. Надо всего лишь срочно выкупить дома у жителей Бессоновки и расселить в них первые партии прибывающего народа. Бардин ухватился за эту мысль.

Приехав в село, походили домишек, поставленных в кривые улочки. Выбрали два десятка наиболее подходящих строений. Потом пошли в сельсовет. Рассказали, в чем дело. Предложение приезжего начальства мигом облетело дворы. К крыльцу сельсовета потянулись мужики и бабы.

Слово взял Бреус, его тут многие уже видели. Начал он весьма высокопарно:

– Товарищи бессоновцы! Рядом с вами развертывается строительство завода будущего. Скоро на стройку металлургического гиганта придут сотни, да что там сотни – десятки тысяч людей с разных уголков нашей необъятной родины. Все они приедут, чтоб полностью отдать свою силу духа и тела великому почину... Поэтому нам хотелось бы, чтобы эти люди не скитались по просторам вашего края, а получили нормальные условия для проживания. Вот мы посоображали и приехали с предложением выкупить в вашем селе все пригодное для проживания жилье.

– Ты ково несешь, дорогой товарищ? – откликнулась бабенка в цветастом платке. – А мы-то сами куды из своих хором? У меня вон мужика по осени кедрой придавило. Я одинешенька, и шестеро гавриков на руках...

– А это, гражданочка, нами тоже обмозговано, – ответил Бреус. – Мы на всех вас кладем восемьдесят тысяч. За такие деньжищи можно приобрести неплохие подворья в Кузнецке. Самолично вчера узнавал. Оттуда многие разъехались – кто в Томск, кто в Барнаул или в Новосибирск. Так что тут никакой заминки не предвидится. Мы бы и сами там скупил жильё. Только здесь для трудящегося человека сподручней. А Кузнецк для нашей работы, считай, что у черта на куличках! Летом паром, понимаешь, а зимой длинный санный путь...

Бессоновский народ вначале было зашумел, заартачился. Потом люди пошептались меж собой, несколько мужиков отошли в сторону. Покурив и посоветавшись, вернулись к притихшему собранию.

Выступил мужичонка с кудлатой бородой и в изношенной до дыр шапке:

– Значится, так, робяты... На продажу нашего жилья мы согласны. Но, товарищ начальник, расчет должен быть наперед и до единой копейки на кону.

– А копейка у вас будет какая? – обрадовался благополучному повороту дел Бреус.

– А вот такая! Я ить за свою халупу в том Кузнецке токо хрен на палочке буду иметь. Потому наша цена будет повыше. Мы уж как-нибудь меж собой поладим, но на горку вываливай, дорогой товарищ, двести пейся! То ись тыщонок... А иначе разговор меж нами будет пустобрехий.

Бреус уставился на Бардина. В его глазах так и сквозило: «Это ж грабеж среди бела дня!» Бардин нервно переминался с ноги на ногу. Он понимал, что местный народ давно осведомлен о нуждах стройки. И будет стоять насмерть: ему, как пролетариату, кроме цепей, терять нечего.

Иван Павлович выдвинул тело вперед и произнес глуховатым, но твердым голосом:

– Двести тысяч! Это последнее слово. Вы все, надеюсь, сознательные граждане и должны понимать, что государство не дойная корова. Поэтому торговаться мы больше не намерены.

Немного постоял и сделал вид, будто направляется к своей повозке.

Мужик со взлохмаченной бородой вроде как опомнился:

– Так ить чево там, мы согласны! Балаган не об чем устраивать. Што мы, ситуации или важности момента не понимаем?

...В итоге оказалось, что «ситуацию и важность момента» недопонял Бардин. Денежки все до единой копейки были вскоре выплачены. А через некоторое время началась тяжба. Бессоновские мужики почти поголовно подали заявления на устройство их в Тельбесстрое. Причем каждый не забыл указать, что никакого жилья не имеет. Таким образом, все жители деревни продолжали преспокойно жить в своих проданных «хоромах», а подселять к себе чужих людей ни в какую не хотели.

Бардин, конечно, понимал, что по дурости влез в великую авантюру. Но не будешь же тащить милицию и выселять семьи, в которых до пяти – семи душ ребятишек, а отцы значились работниками его же разворачивающейся стройки...

– Так что тут было серьезное? – переспросил Бардин у Кулакова.

– Кипит еще у меня до сих пор! – Парторг не понарошку ударил в грудь. – Дедок тут, вишь, один пропаганду кулацкую вел. Будь он помоложе, ох и схлопотал бы у меня! А так – что со старого пня состругнешь?

– Ну и чего он хотел, дед твой?

– Да вроде и ничего такого особого. Но скрипу было на всю округность... Недовольство, так сказать, нашей политикой высказывал. А разве это нормально в сложившихся условиях?

– А все-таки? – не унимался Бардин.

– Порушили, говорит, природу-матушку. Веками она стояла здесь, цельная, как девка. А мы вот, вишь, приперлись сюда со своим заводом... Будто

не знает, что эту природу страна покорить пришла, великое дело затеяла! А ему, вишь, не по нраву наша цель. И то, что болотину засыпали, и то, что заячьи тропы перекопали... Оказывается, у него кто-то рыбешку из вентилях повинычал. А кроме речушки этой, которая у нас как кость в горле стала, ему, вишь, негде поблизости порыбалить. Соснячок, мол, да вербочку повырубали... Вместо того чтоб свежую газетку развернуть да о политическом моменте голову поломать, о пташке и стрекозе беззубый загрузил. Горе, вишь, какое у него: за ягодкой лишней раз сходить некуда. В общем, послушал я его и чуть не побежал в ГПУ, чтоб самому сдать-ся... Нет, так дальше нельзя! Такой настрой, Иван Павлович, должен быть каленым железом...

Бардин продолжал молчать. Хмурил брови, переминался скулы. Что-то в услышанных словах задело его за живое. Но он старался выбросить из головы мысли, высказанные бессоновским стариком. Не потому ли, что слишком много в них было горькой правды?

МОСКВА. 1929. ХРЕНОВ И МАЯКОВСКИЙ

Заканчивалось последнее воскресенье августа. Засиделись допоздна. Маяковский был не в своей тарелке. Что-то угнетало его. Зная поэта уже больше трех лет, Ульянов Хренов заметил, что такое с Владимиром в последнее время случается часто.

Наверняка все дело было в какой-нибудь красивой женщине. Именно красавицы, а вовсе не деньги или бытовые удобства всегда были для поэта главной движущей силой. Хренову было известно, что уже с 1918 года Брики и Маяковский стали жить втроем. А когда весной 1919-го перебрались в Москву, даже не скрывали своих прогрессивных отношений. Лиля вместе с Владимиром трудилась в «Окнах РОСТА», Осип ходил на работу в свою ЧК.

Хренову порой даже становилось жалко Владимира, не обделенного женской любовью, но маявшегоса со своей судьбой, так и не приставшего к тридцати трем годам к нормальной семейной гавани... Не раз Маяковский раскидывал перед ним на столе фотографии, словно игральные карты. На всех были женские лица.

– Вот они, главные люди моей жизни! – улыбался поэт, размахивая длинными руками. – Моя вечная проблема! Путеводные звезды и препоны на моем пути...

Надо признать, все женщины на снимках были красивые, но не каждая цепляла душу Хренова. Зато Маяковский о каждой из них говорил с высоким надрывом, словно прощался в данную минуту. Да, несмотря ни на что, вся текущая жизнь поэта была заполнена Лилечкой Брик. Владимир очень сильно был привязан к этой женщине. Но и при ней для Маяковского вспыхивали другие «путеводные

звезды». О них он мог говорить с близкими людьми часами...

Дружеский союз технаря Хренова и известного поэта-лирика оказался крепким и продолжительным. Каждый из них находил в другом то, чего не имел в себе. Маяковский необычайно нежно относился к Хренову. Любил и ценил в нем энтузиазм, безграничную энергию и преданность порученному делу.

– Через пару дней отбываю в Сибирь, – сообщил ему Хренов. – Конкретно – командировка в Кузнецк. Давно собирался туда. Край непуганых птиц.

– Ну-ну. Любопытно. А я ведь, Ян, даже до Урала не удосужился доехать. Нью-Йорк и Париж – стоящие города, но надо бы и по Родине прокатить. Ведь кругом прет такое дыбище! – Он взял со стола автоматическую ручку, повертел в руке и закончил: – Привези хороший подарок! Чтоб заскребло меж лопаток. Ну, ты парень сообразительный. Знаешь, чего хочет душа поэта.

...И вот многодневная и многотысячекилометровая командировка позади. Воскресный вечер 17 ноября.

Маяковский держит в ладонях три большие кедровые шишки, подносит их к носу и, вдыхая смолянистый аромат, умиленно восклицает:

– Какой первородный запах! Кедр, говоришь? Кедрце!.. Замечательная будет у меня к нему рифма, Ян!

Оказавшийся в гостях одновременно с Хреновым Василий Катанян улыбнулся. С этим бывшим секретарем журнала «Новый ЛЕФ», а теперь сподвижником Маяковского по «Комсомольской правде» и «Известиям» Ян познакомился чуть больше года назад. Ни Катанян, ни Хренов давно не видели Маяковского в таком расположении духа. Значит, у поэта пошел творческий подъем. На столе стояла открытая бутылка красного десертного вина «Букет Абхазии», его начали выпускать только с нынешнего года. С этой бутылкой из зеленого стекла Хренов не расставался с самого Кузнецка: как-никак личный презент от директора Кузнецкстроя на дальнюю дорожку...

Маяковский искоса глянул на шестнадцатиградусную жидкость, лукаво улыбнулся:

– Пойдет. Хотя во мне живет сторонник чисто грузинских вин. Есть, правда, и другие мнения. Например, у Александра Сергеевича. – И он продекламировал своим рычащим голосом:

*Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и бланманже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей.*

Маяковский умолк, Катанян приподнял голову:

– А что, если Ян Петрович расскажет нам о делах во глубине сибирских руд?

– Однозначно! – поддержал хозяин дома. – Ян, не прячь впечатления! Давай, вываливай! Что там у них... – Но тут же осекся. И серьезно уточнил: – Что там у нас?

Хренов пригубил вина из стоявшего перед ним бокала. Хотел было отмахнуться: мол, да все в порядке, контора пишет, дела идут своим чередом. Но, подхваченный воспоминаниями о недавнем пребывании на Кузнецкстрое, сам не ожидая от себя такой прыти, начал с восторгом рассказывать, как он попал в Кузнецк, как окунулся в лавину настоящего героизма людей, увидел их светлую и неиссякаемую веру в завод-гигант и будущий город-сад. Говорил с азартом, подробно, заразительно, воодушевленно, словно комсомолец на собрании. Рассказывал о строительстве небывалой по мощности домны, о закладке нового города – небывалого города социалистического типа. Рассказал о трудностях, о промокшем хлебе, прохуdivшейся крыше над головой и о миллионе вагонов стройматериалов, которые заезут туда.

– Там каждое утро газета повторяет: «Стране нужен чугун!» И каждое утро люди спешат на стройку – хоть в ливень, хоть в лютую стужу. Они полны отваги, задора и ожесточенности. Когда рабочий касается железа, он чувствует, что замороженное железо обжигает пальцы, будто его накалили в кузнечном горне. Но он претерпевает это. Он работает через силу, но с песней и сдает свой объект с красным знаменем в руках...

Маяковский слушал, остолбенело опершись об угол комода, не выпуская из рук шишек. Не проронил ни слова, пока говорил гость. На другой стороне дивана с открытым ртом сидел Василий Абгарович. И без того увеличенные стеклами очков глаза стали еще больше, он то и дело машинально тыкал папиросой в пепельницу, полную окурков.

Маяковский наконец не просто подошел, а подскочил к Хренову:

– Ян, дружище! Ты привез настоящий подарок. Я сегодня не усну до утра... Меня прошибло током от твоих слов. Кому-то другому я бы не поверил, а тебе верю, старина: там точно будет город-сад!

Потом несколько секунд всматривался в лицо друга, побывавшего в Сибири, как на другой планете. И начал декламировать тут же рождающиеся стихи. Хренов понял, что Маяковский, как обычно, экспромтом ставит здесь свое собственное представление.

– Да вы просто светлый мечтатель, молодой человек! – прервался поэт для восторженной пояснительной ремарки. – Так красочно рассказываете

об утлых бараках и измокшем хлебе, об обмороженных руках арматурщиков, о грабарах, которые не прекращают работу под проливным дождем... У людей не хватает галош, одежды, теплых рукавиц, а надо работать на морозе, лезть на большую высоту. И молодежь делает это там легко, весело, с остервенелым озорством... Ты, Хренов, настоящий ритор! Цицерон в трусах Моссельпрома! Я из твоей речи, дружище, должен сделать продукт! И эпиграфом к нему станут слова о том, как к месту строительства будет подвезен миллион вагонов стройматериалов. И в этом самом месте соорудят металлургический гигант и город в сотни тысяч людей. Годится?

...Поздно вечером, когда Хренов уже кое-как добрался с Гендрикова переулка к себе домой, жена Мария Ильинична участливо спросила:

– Как нынче дела у Владимира? В полете или опять тоскует?

– В полете! Да еще, знаешь, Машенька, в каком!

А перед сном Яна вдруг передернуло от нехорошего чувства. Он даже вскочил и быстро прошел в ванную. В полузабытье ему привиделся умирающий Маяковский. Владимир будто бы сам выстрелил себе в грудь.

– Чушь какая-то, мистика... – смотрел Хренов на себя в зеркало.

Ранним утром, уже собираясь на работу, Ян понял, откуда появилась вчерашняя фантазмагория. Его друг с давних пор отличался страстью к оружию. У него было разрешение на карманный револьвер «Велодог» и на три пистолета: маузер, «Баярд» и браунинг. Лиля Брик однажды ни с того ни с сего отрешенным голосом произнесла: «Он обязательно когда-то покончит с собой, такой уж у него характер...»

Первая публикация «Рассказа Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» появилась в московском журнале «Чудак». Это был 46-й номер за 1929 год. Маяковский под стихотворением указал, что написано оно 22–23 ноября. То есть, выходит, почти сразу после встречи с Хреновым.

Главный редактор «Чудака» Михаил Кольцов пояснил, что выбор автора был правильным, в его журнал поэт пришел по адресу, чудак – это неизлечимый романтик. Немного позднее «рассказ» про Кузнецкстрой напечатала «Комсомольская правда». Стихи произвели фурор. 2 декабря утром они прозвучали по Всесоюзному радио в «Рабочей радиогазете», около полудня их услышали и в Кузнецке...

Итак, впервые это великое стихотворение было напечатано на развороте сатирического журнала. И многие задумывались: почему? Дело в том, что прямо перед ним в «Чудаке» была помещена карикатура «Их поправка», вступающая со стихотворением Маяковского в своеобразный диалог. Карикату-

ра высмеивала так называемых «правых оппортунистов», которые сомневались в возможности ускоренного выполнения первой пятилетки. Генеральную линию партии, резко взмывающую вверх, они опустили до ровной горизонтальной линии: «Да разве мы против генеральной линии? Мы только хотим ее немножечко выровнять».

Такие «поправки» расценивались как главная угроза только что родившемуся смелому плану «Пятилетку – в четыре года!». По-видимому, ответом подобной «осмотрительности» и призван был стать «Рассказ Хренова». По сути, стихотворение сыграло роль решающего аргумента в развернувшейся полемике, роль яркой газетной передовицы. Таким образом, шедевр Маяковского оказался вписан в публицистический контекст эпохи.

КУЗНЕЦК. 1929. СТИХИ МАЯКОВСКОГО

Так получилось, что Маяковский дважды вклинился в жизнь Бардина.

Когда в кабинете начальника строительства Иван Павлович столкнулся с Хреновым, то даже не предполагал, что этот ничем не примечательный по виду молодой человек сможет увезти в Москву столько важных сведений о Кузнецкстрое. Потом Бардин винил себя: как же так – не смог распознать Ульяне сподвижника в этом бывшем матросике Ульяне Петровиче.

132 Подал, как обычно, руку для знакомства. Узнал, что по роду своей деятельности Хренов – управляющий делами ЦК профсоюза рабочих-металлистов. Приехал сугубо по служебным делам. Никакой не строитель и тем более не металлург. Скорее общественник. Попутно с местным профсоюзом организовал здесь несколько стрелковых секций.

А ведь именно через Хренова Маяковский оказал Кузнецкстрою неоценимую помощь в самое тяжелое время. Как раз в тот момент, когда приехавшее московское начальство разнесло ведение работ на стройке в пух и прах. Знаменитый поэт поддержал дух строителей, и они с новыми силами продолжили начатое дело...

Магические строки Маяковского не просто дошли до людей в самый ответственный момент. Они оказали настоящее мобилизующее воздействие в дни зимних морозов.

Стояла такая стужа, что бетонщики еле успевали замесить бетон: он тут же норовил превратиться в камень. Но строители продолжали заливать фундаменты. Буранный ветер старался смахнуть с лесов плотников, строивших тепляки над будущими цехами, но те, как цепкие насекомые, оставались на месте. И арматурщики, у которых ладони примерзали к железным прутьям, продолжали гнуть эти прутья и плести из них сложнейшие каркасы.

Когда в одной из бригад кто-то пожаловался на

неимоверный мороз, арматурщик Володя Лобанов застуженным голосом стал выкрикивать строки из стихотворения Маяковского:

*Сливеют губы с холода,
но губы шепчут в лад:
«Через четыре года
здесь будет город-сад!»*

И снова закипела работа.

...Они трудились круглые сутки. Ночью площадка освещалась прожекторами, ночные смены не хотели снижать выработку. Однажды в самой середине котлована обнаружили плавуну. Молодой парнишка с окающим говором заявил, что не уйдет отсюда, пока не выполнит назначенную норму. И вся бригада продолжала рыть землю, стоя почти по пояс в ледяной воде...

Экскаваторы, работавшие на паровой тяге, тоже задохнулись на морозе. Но, преодолевая сопротивление, зубьями вгрызались в каменную землю: ее надо было во что бы то ни стало разломать, достать, поднять.

Комсомольцы объявили субботник. Ежедневный подвиг, описанный в «Рассказе Хренова», вдохновил их. Строки поэта для стройки оказались правдивыми и живительными – в отличие от приказов самого высокого начальства...

КУЗНЕЦК. 1929. О СЕБЕ И О МАРИИ

Свет луны вливался в распахнутое окно. Бардин любил это время года, это время суток. Только раньше, на юге, он находился среди другого пространства. Там периодически прорезали тишину гудки паровозов, вздыхали доменные печи. И к летнему воздуху всегда примешивался запах горелого железа.

А здесь все не так. Слышатся далекие звуки вбиваемых в грунт свай, отголоски рабочих команд, иногда залихватский женский смех или гыгыканье мужиков. И необыкновенная сладость ночного воздуха – с принесенным ароматом лесов и утопающих в цветах косогулов. Можно, оставаясь на месте, перемещаться во времени. Вспомнив былое, представить завтрашний день. А он, этот день, несомненно, должен быть прекрасным.

Бардин хорошо разбирался в своем характере. Мог назвать все свои положительные и отрицательные стороны. С чем-то мирился, другое старался в себе победить. Иногда брал со стола небольшое зеркало и внимательно изучал свое лицо. Как ни странно, всякий раз находил на нем какую-то незнакомую черточку, морщинку, волосок. И получалось, будто вновь знакомился с самим собой.

Он привык к своему насупленному взгляду из-под густых бровей. К темному, часто меняющемуся

цвету глаз. В часы раздумий и тяжелых умственных нагрузок взор был погасшим. А в минуты боевого настроения, в моменты решения сложных задач во взгляде всегда загорался огонь. Но такое бывало редко. Чаще в глазах таился холод... И еще губы – они не нравились Бардину особенно. Поджатые, сухие и почти бескровные.

Попытался улыбнуться, но понял, что не получится. Только он один в мире знал, что таится за видимым в зеркале образом. Вероятно, судьбой было предначертано, что в этом человеке изо дня в день будет бурлить и гаснуть другая, незаметная для чужого глаза жизнь.

Он знал, что было главным его двигателем. Не только высокие идеи инженера, страсть к металлургическому труду, но и, как ни странно, обычное человеческое чувство любви. Иван Павлович не мог представить свою жизнь без любимого человека. Без близкой для души женщины. Без постоянного ощущения влюбленности. Если бы не было всего этого, то, спрашивается, зачем нужна вся остальная жизнь?

Он мог глубоко и страстно погружаться в пучину безудержной любви и опьяняющего счастья. После этого хотелось перевернуть мир, не считаясь ни с какими преградами. Как в бою – поднимался в атаку и вел за собой других...

Вспомнились последние часы перед отъездом из Каменского. Он говорил с женой о новом месте работы. Марию не держали дети, их никогда у нее не было. Не держала в Москве и только что выделенная мужу шикарная квартира на Моховой. Она бы поехала со своим Ванечкой куда угодно, но только не сюда... Одно упоминание о Сибири приводило жену в ужас.

– Иван, я понимаю, теперь уже ничего не изменишь... Но я почти каждую секунду думаю о нашем будущем. А если честно, больше о себе. Ведь мне всего сорок лет. Ты посмотри на меня со стороны. Кто я? Брошенка? Каприз судьбы?

Солнечный отблеск вспыхивал в карих глазах Марии. Бардин знал, что она полностью права. И сейчас возражать ей бессмысленно, спорить просто не о чем.

Опершись локтем на край стола, он наклонился к ее лицу:

– Машенька, все понимаю. Знаю, будет трудно и тебе и мне. Не могу сказать, кому труднее... Но через какое-то время ты сможешь навещать меня. Я тоже буду бывать в Москве. В конце концов, не в Антарктиду отправляюсь. Пятеро суток поездом в один конец... И пойми самое главное: это мой шанс. Он может быть только от Бога! Больше такого никогда не выпадет. Если упущу его, я стану никчемным человечешкой. Ты ж меня знаешь...

Мария хорошо знала и понимала мужа. Но не могла с ним согласиться. Если он что-то задумал, то

никакая сила ему не помешает. Да и, в общем-то, он прав. Чего она добивается неуместными заклинаниями и вздохами? Теплое гнездо в Москве будет, в деньгах недостатка нет. Другие могут только позавидовать...

Но Марию подтачивала одна пугающая мысль. Она от природы женщина сдержанная, а вот Иван – дикий человек. Как там, в Сибири, он обойдется без нее? Ну, ладно бы месяц, два. Только ведь речь идет о большем! Кто заменит ее?

Они еще долго сидели молча. Бардин явно был мыслями где-то далеко. А Марию не покидало скверное предчувствие. Ей почему-то казалось, что она сидит не возле живого мужа, а перед его нарисованным портретом. Слово проводила любимого человека на войну и ей заранее известно, что ждать теперь придется только скорбных вестей...

Она отвернулась, потом обхватила голову руками и привалилась к спинке дивана. Бардин никогда не видел жену такой: обессиленная, подавленная, расщепленная горем. Она рыдала, ее сотрясали идущие изнутри судороги. Бардин не знал, как ее успокоить. Он вообще не переносил женского плача.

Подошел к жене. Обнял ее узкие плечи. Поцеловал горячую щеку.

– Милая, ну зачем так? Ты убиваешься напрасно. У нас все будет хорошо.

Мария вздернула подбородок:

– Нет, нет, нет... У нас никогда больше не будет ничего... Ни хорошего, ни плохого...

Она говорила искренне, с твердой убежденностью, и ее неуверенность в будущем передалась мужу. До него вдруг дошло, что их устойчивой, хотя и полной испытаний жизни приходит конец. А новое всегда страшит.

Бардин старался не сравнивать Марию с первой женой Александрой. Но сейчас он подумал, что Саша поступила бы иначе. Даже зная, что ее ждет не самое светлое будущее, она бы наверняка приняла сторону мужа. Мария оказалась другой, неготовой к самостоятельной жизни.

...Луна взобралась на самую большую высоту. Заглядывала в окно, но казалась лишь небольшим сдавленным пятном – детской новогодней игрушкой, потерянной в середине сибирского неба.

«Пусть будет так, как все складывается», – решил Бардин и шагнул к патефону. Покрутил ручку и поставил первую попавшуюся под руку пластинку. Надо было загородить дорогу пробивающемуся из груди тоскливому чувству.

Вспомнил, как днем был подкараулен группой кузнецких «ходоков». Он к той минуте еще не остыл от досадного разговора с прорабом Фроловым на котловане под первую коксовую печь. Отошел в сторону, попытался закурить.

Здесь его и настиг вязкий мужской голос:

– Иван Павлович, а мы больше часа вас ищем.

Оглянулся. Позади стояли трое. Мужчина лет сорока в сером пиджаке, на отвороте которого важный революционный значок – профиль Ленина на фоне красного знамени. Скуластое лицо со шрамом возле брови. И двое парней лет по двадцать. Один чернявый, с густыми не по возрасту усами, у второго бледное лицо с тонкой кожей, как на женской колечке.

– И что вас заставило искать меня, ребята? – начиная отходить от тяжелого спора с Фроловым, спросил Бардин.

Мужчина представился:

– Я секретарь Кузнецкого горкома партии Швагин. А это наши комсомольцы – Сидоров и Полосухин. А дело к вам у нас деликатное. Но, думаем, большой государственной важности!

Бардину было сейчас не до деликатных дел. Хотел попросту отшить прибывшую делегацию из-за недостатка времени, но все же пересилил себя, вступил в разговор:

– Слушаю.

Швагин помял кепку. Начал излагать:

– Наша комсомольская организация решила внести свой вклад в строительство Кузнецкого завода...

Бардин заинтересованно вскинул брови:

– Какой же?

Вперед выступил чернявый паренек:

– Хотим передать Кузнецкстрою несколько тысяч кирпича для постройки металлургических строений.

– И откуда у вас такие объемы кирпича, товарищи комсомольцы? – удивился Бардин.

– Откуда-откуда... – зачастил бледный паренек. – Не с кирпичного ж завода. Мы вот с Антохой на Зеленой живем. То ись на Форштадте... А подле нас Одигитриевский храм стоит, как кость в горле. Десять зим назад товарищ Рогов не до конца навел порядок среди попов. Токо сумел тогда пожечь церковь. Иконостасы там всякие, алтарь и прочее. А стены из добротного кирпича построены. Их позарез надо сносить. Вот наша комсомольская ячейка и решила довести дело до конца. Разберем все до кирпичика. Зимой на санях через Томь доставим матерьял, куда нам укажете...

Бардин задумался. Потом задал вопрос:

– А вы хорошо продумали, как разобрать такое сооружение? Я его видел. Там без специальных механизмов не обойтись. Построено на века.

Вновь заговорил усатый, которого называли Антохой:

– У нас, товарищ Бардин, этот вопрос тоже решен. Товарищи из горкома партии хорошую идею подкинули. Мы ж не дураки, высоко не поле-

зем. Сначала понизу храма выберем кирпич примерно с метр. Вместо него поставим деревянные подпорки. Потом их зальем керосином – пускай выгорят. А там стены сами осядут как миленькие. Только кирпичики выколупывай... Так что, ежели сможете, назовите какой-нибудь цех именем нашего Кузнецкого комсомола! – Закончил эту речь и обратился к партийному начальству: – Я правильно говорю, товарищ Швагин?

– С горисполкомом этот вопрос, надеюсь, обговорен? – придиричливо добавил Бардин.

– А чего его обговаривать? Мы тут не власть, что ли? – важно ответил Швагин. – К тому ж горисполком в лице товарища Федорова сам когда-то выдвигал идею сноса церквушки. А на этом месте была мысль устроить хорошее тюремное заведение.

Бардин чуть не расхохотался. Ему понравилась выдумка кузнецких властей.

– Конечно, конечно, – заметил он. – Свято место пусто не бывает!

«Ходоки» поняли, что их предложение принято.

– Все сделаем по первому разряду, Иван Павлович! – доложил Антоха обрадованно. – Если пройдет без сучка и задоринки, мы и за другую церковь примемся. А там непочатый край на Водопадной, особенно крепость на горе. Камушек с нее тоже в дело просится...

Движением руки Бардин остановил Антоху:

– С крепостью, хлопцы, повремените. Ни есть, ни пить она пока не просит. Может, еще когда-нибудь для дела сгодится. С нее у вас, пожалуй, город начал строиться.

...Пластинка пропела все, что было на ней. Иголка, всхрапывая, цеплялась за край этикетки. Бардин поймал себя на крамольной мысли: как удачно он в этот раз увернулся от воспоминаний о Марии.

Луна спряталась за косяк окна. Бардин повернулся на левый бок. К нему наконец пришел сон.

КУЗНЕЦК. 1930. МОСКОВСКАЯ КОМИССИЯ

Из Москвы неожиданно сообщили, что в начале марта в Кузнецк прибудет специальная комиссия – обследовать строительные работы. Главой комиссии назначен Яков Павлович Шмидт, начальник Стальстроя, положительно отметившийся на возведении подмосковных текстильных фабрик. В помощники он пригласил Григория Дмитриева, долгое время работавшего под его непосредственным руководством.

Никто не мог предположить тогда, что всего через несколько месяцев Дмитриева вообще сошлют из Москвы в Сибирь – на помощь Кузнецкстрою. И прославится здесь Григорий Клементьевич как прекрасный человек и хороший организатор производства, доведя до ума строительство коксового цеха.

Из представителей комиссии Дмитриев прибыл на площадку первым. Строительными делами в это время руководил Коптевский. Бардин поручил ему поселить гостя в заезжем доме на Верхней колонии и ознакомить с ходом строительства.

Через три дня приехали остальные члены комиссии. Тоже устроились в доме № 27, отведенном для командировочных. Народ по виду подкованный и дотошный. Все, правда, были текстильщиками, и в металлургическом производстве никто из них не разбирался.

День, когда приехавшие решили осмотреть стройку, выдался благостным. Члены комиссии гуськом переходили от одного объекта к другому. Впереди шествовал главный инженер стройки. Он привычно преодолевал знакомые препятствия, перепрыгивал мелкие ямы, балансируя телом, уверенно ступал по переброшенной через канаву балке.

Москвичи двигались молча, то задирая головы, то, наоборот, выискивая внизу натоптанную дорожку, которых кругом было с избытком, но почти все они обрывались у стены, котлована или края траншеи.

Наконец из прибывших голос подал инженер Бабочкин. Он снял кожаные перчатки и, срываясь на фальцет, произнес:

– Товарищ Бардин, позвольте полюбопытствовать: как оказалось, что все вспомогательные мастерские, дома для рабочих и другие бытовые постройки у вас располагаются на значительном расстоянии от центральной заводской площадки? Это таким образом задумано проектом или всего лишь ваша личная самостоятельность?

«Наконец-то разродилось, мудачье, пошло в наступление», – подумал со злостью Бардин.

Лицо его напряглось, он повернулся к Бабочкину, глуховато ответил:

– И по проекту, и вообще так надо. Это же не конфетная фабрика, а черная металлургия. Здесь будет большой шум, запыленность и загазованность. Постоянно стучит железнодорожный транспорт, пойдут ковши с чугуном, сталь в изложницах, открытые слитки металла... И все это с температурой несколько сот градусов. Думаю, что вы бы лично не захотели находиться в такой среде...

– И какая, позвольте узнать, ваша температура? – ехидно задал вопросец Бабочкин.

Видно было, что Бардин готов загнуть этому хлыщу такое, чего тот не слышал ни разу в жизни. Но Иван Павлович стерпел и ответил хладнокровно:

– Если лично у меня, то тридцать шесть и шесть, не более. А вот чугун при температуре ниже полутора тысяч начинает твердеть.

Бабочкин повернул лицо к рыжебородому мужчине в суконной куртке, сквозь зубы тихо проверещал:

– Вы слышали, Евсей Евсеевич? Сибирский валенок нас учить вздумал...

Рыжебородый так же негромко ответил:

– Не расстраивайтесь, голубчик. Мы все это отразим в заключительном протоколе. Не волнуйтесь, не тратьте попусту свое драгоценное здоровье!

В сторонке Коптевский с Казарновским давали пояснения группке комиссионщиков в количестве трех человек. Большинство из московских гостей впервые видело такой объем строительства и открыто поражалось его размаху. Многие дивились насыщенности будущего завода различными цехами, восхищались разветвленностью железнодорожных путей...

В заключении, ставшем основой для выводов комиссии, Дмитриев указал, что подготовка к строительству и само строительство ведутся беспланово, разбросанно, отсюда следуют большие и необоснованные затраты. В качестве примера дороговизны привел факт, что бараки для рабочих строятся рубленые, а не щитовые, как это делается на других стройках страны. На территории завода закладываются на большую глубину канализационные трубы для отведения поверхностных стоков. Вместо этого надо было обойтись простыми канавами и лотками. Несколько замечаний подготовил лично Бабочкин, другие члены комиссии.

Через три дня появился сам Иосиф Косиор, который должен был принять окончательное решение. Он тоже осмотрел развернувшееся строительство. Часто морщился, но молчал. Потом долго и внимательно слушал по очереди Шмидта и Бардина.

– Ну что с вами делать... Везде одно и то же.

...Когда в начале февраля образовалась Новосталь во главе с Иосифом Косиором, Бардин обрадовался. Он считал, что это, во-первых, позволит стройке выскользнуть из лап томских путаников. А во-вторых, крепкая рука Косиора наведет порядок в вопросах обеспечения стройки материалами, оборудованием и, главное, людьми. С Иосифом Викентьевичем Бардин познакомился около года назад. Зато со старшим его братом Станиславом был в близком знакомстве еще с 1921-го, когда работал на южных металлургических заводах в Енакиеве и в Запорожье-Каменском. Старший Косиор руководил ЦК партии Украины, наводя там свой железный порядок, а чуть позже убыл на повышение в Москву. Теперь он совсем большой человек, входит в состав Политбюро...

Но вместо ожидаемой поддержки Бардин услышал совершенно другое. Косиор предложил новую организацию работ: металлурги являются заказчиками, их дело – своевременно давать чертежи и следить за проектированием, а строители должны действовать совершенно самостоятельно, имея в

своем распоряжении готовые проекты, деньги и технические средства для работы. Заканчивая тот или иной объект, строители обязаны приглашать металлургов для его приемки и ввода в эксплуатацию.

Бардин попытался возразить. При имеющейся квалификации строителей, строивших до этого в лучшем случае текстильные фабрики, подобная организация работ совершенно не подходит. Иван Павлович настаивал, чтобы металлургам дали возможность быть полными хозяевами площадки, ведь им здесь потом работать. Но Косиор был непреклонен. Даже не хотел слушать, что хочет донести до него Бардин.

Перед самым отъездом москвичей в бараке на Верхней колонии состоялось техническое совещание. Председательствовал Косиор, докладывал Шмидт. С подачи Дмитриева перед присутствующими была вывалена куча отмеченных недостатков. И сделан неутешительный вывод. Главная вина руководителей стройки заключалась в низких темпах строительства и в излишней самостоятельности.

Коптевский сидел на скамейке у окна. Он чувствовал, что почти все камни брошены в его огород. Вспыллил, вскочил с места и начал спорить со Шмидтом. Говорил громко, сбиваясь в доводах и порой даже противореча самому себе.

– Стараемся делать как положено! Те же бараки попробуйте сделать из фанеры – сразу померзните, как мышата... Или вместо трубной канализации переройте завод канавами – в них же и потонете весной... А гляньте, в чем пластается народ! Сколько ни просим, нам спецтуру Москва не шлет. А вот на Магнитке совсем другое дело. Там человек работает не в своей одежде, а в том, что ему выдаст стройка...

Коптевский начал критиковать чохом все результаты обследования, еще больше настроив против себя членов комиссии.

Косиор, даже не дослушав выступления Коптевского, произнес резко:

– Если мы работаем так, как говорим, то грош нам цена. Ничего здесь во веки веков не построим! – После этого остановил взгляд на Бардине: – Ну а что скажет командарм?

Бардину пришлось отдуваться. Он понимал, как могут развернуться события. И не хотел, чтобы в глазах Москвы Кузнецкстрой выглядел самой отстающей стройкой. Поэтому неожиданно для всех поблагодарил комиссию во главе со Шмидтом за объективное и деловое ознакомление с тем, что сделано. Сказал, что выводы приехавших товарищей очень ценны и будут учтены в дальнейшей работе. Потом назвал главные причины, мешающие нормальному строительству. Остановился на том, что

не зависит от нынешнего руководства: на поставке кадров, завозе материалов, отсутствии грузового транспорта, землеройных механизмов, кранов, оснастки для монтажников и даже качественного инвентаря для землекопов...

В данный момент Иван Павлович отвечал, что называется, и за себя, и за Колгушкина, который уже несколько месяцев находился в командировке. Этот нюанс в какой-то мере усугублял ситуацию. Почти все, за что сегодня снимали стружку с руководства Кузнецкстроя, по существу, являлось компетенцией Колгушкина. Тот, в общем, был неплохой человек. В Москве, Новосибирске и Томске его считали крупным хозяйственником, хотя фактически он был обычным представителем среднего звена советских руководителей с типичной биографией и без серьезного образования. Главное, что участвовал в революции. Бородин, которому Колгушкин поручил заправлять вопросами строительства, совсем захирел: застудил легкие и никак не мог после этого поправиться. Пришел на совещание, но сел далеко в стороне и только молчал. Еще был Морозов, ведающий у Колгушкина хозяйственными делами. Человек в конкретном строительстве малокомпетентный, но имеющий огромный гонор (и опять же большое революционное прошлое). За все время работы комиссии он тоже не удосужился проронить ни слова. И может быть, к лучшему.

В конце концов Косиор, разделившись поочередно с кузнецкими и томскими представителями, постарался вывести из-под удара Бардина, заявив, что в словах главного инженера есть рациональное зерно. Но все-таки, чтобы работа закипела по-настоящему, надо немедленно приступить к коренной реорганизации! Вот этого Бардин и боялся больше всего.

Страшили его вовсе не разгромные выводы комиссии. А то, что на площадке строительства скоро установится бардак. И вот что еще злило: спецы из Новостали будут руководить издали и ни за что не отвечать, а местный народ должен ломать хребет и за все отвечать по полной.

...Во время проводов гостей, уже в вагоне поезда, расслабившийся Косиор взял Бардина за борт пиджака:

– Иван Павлович, подыщи себе другого помощника вместо Коптевского!

Раскрасневшийся Шмидт поддакнул:

– Я солидарен с таким мнением!

Эх ты, голова садовая, товарищ Шмидт! Ты сам вскоре станешь начальником Магнитстроя, и тебя попрут оттуда точно за такие же дела... Бардин тогда на совет высокого начальства ничего не ответил.

А через некоторое время на площадку прибыли строители Текстильстроя. Почти сразу они переименовали себя в Стальстрой.

Прибытие новой организации воспринялось на стройке с большим разочарованием. Больше других понимал ущербность дела Бардин. Вместо настоящей работы ему и его подчиненным приходилось заниматься в основном сутяжничеством и разборками со строителями. С утра до позднего вечера утрясали вопросы технической документации, плана финансирования, дислокации строителей и многое другое, чего не было еще месяц назад. При этом строители настырно доказывали, что не могут развернуть работы исключительно из-за плохой готовности местных металлургов. Стало ясно, что строительство завода затягивается на неопределенное время. Ни о какой тысяче дней от начала стройки до выпуска металла речи уже быть не могло. Бардин понимал, что пора принимать срочные меры. И он вспомнил о встрече в Москве с Куйбышевым.

Апрельский день был на исходе. Бардин решил. Взял лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу. «Председателю Высшего совета народного хозяйства СССР товарищу Куйбышеву В. В.». Писал, обдумывая каждое слово. Он не любил писанины. Проще решить любой вопрос разговором. При встрече или по телефону. Но это был не тот случай...

Писал он долго, мучительно. Вышло целых две страницы. Зато теперь Бардин знал, что точно, честно сформулировал свои доводы и предложения. Оставалось надеяться, что они будут услышаны.

Так, к счастью, и произошло. Нелепая структура Стальстроя не устояла. В мае вышел приказ о ее упразднении. Но был для Бардина и другой отрадный момент: после выводов московской комиссии упорядочилось руководство строительством. К маю все, кто занимался непосредственной работой на площадке, покинули Томск и переехали в Кузнецк. Так для дела стало намного лучше.

КУЗНЕЦК. 1930. ПЕРВАЯ ДОМНА. ОРКЕСТР

Бардин считал, что имеющийся проект завода вполне приемлем. Конечно, совершенствовать его можно до бесконечности, но это должно идти только на пользу дела. Первый строительный сезон, считай, был уже потерян. И чтобы не потерять еще год, главный инженер решил заранее заложить фундамент доменной печи. При этом он не собирался приостанавливать и тем более сокращать другие работы.

В четверг с раннего утра из-за Томи вылезло солнышко первого дня мая. Казалось, распогодится. Но вскоре со стороны низины потянуло холодом. Потом на площадку ворвался ветер, сбрасывая на головы собравшихся мелкую снежную крупу.

– Да... – поехал Кулаков и поднял воротник потертого кожаного пальто. Посмотрел ввысь и повернул лицо к Бардину: – Как бы не сорвалось наше торжество...

Конечно, высказал Кулаков свое сомнение лишь для того, чтоб не сглазить на самом деле большое строительное начало. Совсем недавно сюда пришла сотня человек. День и ночь долбили в мерзлой глине котлован. Вколачивали кувалдами клинья, раскалывали грунт ломачами и колунами – кто как мог. День и ночь. День и ночь. Под светом прожекторов – с пяти вечера до восьми утра, когда показывалось холодное солнце. А в отдельные дни про- раб Ушатиной отгонял всех в дальний угол стройки. Потом приходили два неразговорчивых взрывника, закладывали заряды динамита в пробуренные отверстия, и над опустевшим участком с грохотом взлетали фонтаны сотен пудов смерзшегося за зиму грунта. Грунт оседал на свое место, и снова казалось, что ничто здесь не изменилось и люди никогда не осияют эту твердыню, скованную морозом. Но назначенный срок подготовки котлована никто не переносил...

Люди пластались в котловане. Каждый сантиметр вглубь давался с неимоверным трудом. Промороженная более чем на три метра земля, казалась, была прочнее железа. Установленная норма в последнее время почти каждый день срывалась. А тут еще чередой пошли морозы, достигающие по ночам пятидесяти градусов. Как сказал на перекуре один из бессоновских старожилов, «нонечь нико-льские морозы сошлись с рождественскими, а по пути схлестнулись с крещенскими».

Бардин понимал, что в намеченный день закладка фундамента печи не состоится, хотя люди работали на износ...

Как-то после обеда в теплушке неожиданно оказался просвет: никого, кроме него и Кулакова, там не оказалось.

– Что будем делать, Андрей Семенович? На селе день год кормит. А у нас на кону еще больший куш стоит.

Кулаков медленно поперебирал жилистые пальцы рук, размял кулаки, будто готовясь к схватке.

– А ведь точно. Мужики выкладываются сполна. Но не верят сами в себя. Понимают, что не смогут одолеть эту пропастину... И больше народу уже сюда не нагонишь – и так друг дружке в зад упираются. Посчитай, чуть не по человеку на каждый квадрат.

На большом красивом лице Кулакова проступили розовые пятна.

– Я ведь чего подумал. Ты, Иван Павлович, может, смеяться будешь. А я ночами голову приложить к подушке не могу. И вот что надумал... Человек – он ведь с норовом. Ежели веры нет, то хоть наган к голове приставь – все одно ничего с него не возь-

мешь. Надо, соображаю, такие условия ему создать, чтоб вера появилась. От нее и сила пойдет.

Бардин молча уставился на партийного секретаря. Потом спросил:

– Что мы должны сделать? Только конкретно. Без ля-ля-ля...

Кулаков оживился. Заговорил быстро и с заметным волнением:

– Давно у меня в голове эта мыслишка сидит. А тут как-то в «Советской Сибири» прочитал, что в последнее время у нас духовые оркестры широко развились: почти при всех дворцах культуры, в клубах, на заводах, фабриках, в воинских частях. И даже, понимаешь, в отделениях милиции и пожарных командах. Репертуар, пишут, у них не шибко обширный, но достаточно широкий. Помимо музыки классической и праздничных произведений, играют траурные для похорон...

Бардин медленно поднялся со скамьи:

– Ты бы с этого и начал, брат. А то я уши уже развесил. Для похорон нам нужен хороший ансамбль...

Лицо Кулакова нервно перекосилось.

– Ты, мать твою перебери, главный инженер, можешь меня до конца дослушать? Или считаешь за дурачка и подумал, что я тебе всякий психоз кидаю?

Бардин на миг оторопел. Он хорошо знал Кулакова. Партийный начальник мог сделать и сделал на стройке многое. Добивался своего и горлом, и кулаками, даже за железный прут не раз хватался. Но в таком тоне Кулаков с ним никогда не говорил. Бардин понял, что этот человек хочет сказать ему что-то действительно важное и ценное. Он вновь сел и всем видом показал, что готов слушать.

– Короче, я предлагаю создать духовой оркестр! – выпалил парторг.

Чего-чего, а этого Бардин не ожидал. Подумал даже, что от напряженной работы, бессонных ночей и неупорядоченного питания Кулаков попросту свихнулся.

А тот торопился высказать свою мысль:

– Оркестр, как военный хор в бою, будет играть здесь. Понимаешь? Здесь, в котловане! Музыканты будут сменяться через какое-то время. Но музыка не должна умолкать ни на минуту!

Только теперь до Бардина дошло трепетное желание Кулакова. Иван Павлович любил музыку и знал ее очаровательную силу. Но в этой натопленной до духоты теплушке разговор о высоком предназначении музыки казался совсем неподходящим. Получилось как-то слишком обыденно.

И все же, глядя в горящие глаза Кулакова, Бардин с благодарностью положил ладонь на его плечо:

– Ты извини, дружище! Я сразу тебя не понял. Теперь я на твоей стороне!

Так благодаря настырности Кулакова при Кузнецкстрое был организован собственный духовой

оркестр. Среди прибывших отовсюду землекопов и возчиков нашлись такие, кто раньше имел дело с музыкальными инструментами. Кто-то во время воинской службы играл у себя в части, кто-то обучался в музыкальном кружке. Оказался и такой, что долго подрабатывал в Саратове на похоронах.

– Вы что с этим цирком собираетесь делать? – спросил Кулакова озадаченный Колгушкин, когда дело дошло до него.

– Все будем делать. Думаю, что дело архиважное и ответственное. При любом раскладе – на митинг или на скорбный час – наши хлопцы должны быть готовы как штык и идти будто на большой праздник, – ответил ободренный согласием Бардина Кулаков.

В итоге нашелся человек, знавший не только азы музыки, но даже преподававший сольфеджио в житомирском пансионате для инвалидов русско-японской войны.

Вскоре заслали в Москву перечень необходимых инструментов. Правда, по ходу продвижения заявки по инстанциям снабженцы ее сильно урезали. Укоротили список Кулакова почти наполовину. Зато уже через две недели в Кузнецк поступило три новеньких барабана: малый и два больших. Прибыли также две валторны, три трубы, две тубы и целых пять комплектов тарелок. Кулаков лично следил, как новоиспеченные музыканты опробовали «инструментальную медь и колотушки». И все вместе они так хорошо звучали на открытом зимнем воздухе!

...К вечеру мороз усилился. Неугомонный ветер раскачивал электрические лампочки под жестяными тарелками. Казалось, сам черт играл со светом, постоянно перемещая и путая тени людей. В рассеянной ночной мгле глухо ухали удары кувалд по головкам стальных клиньев, еще глубже вгрызавшихся в мерзлый грунт. Но последняя передышка в тепляке не уменьшила в людях накопившуюся усталость. До конца смены оставалось еще около двух часов. И наверняка снова намеченный Ушатиным план не будет выполнен. Потом придет следующая смена, и снова почти до самого утра люди будут крохами выгребать землю. И снова то же самое: сорванная суточная норма.

И вдруг окрестности огласил необычный для этих мест гудок. Это не был сигнал заведенного механизма. Морозный воздух прорезал живой звук музыкальной трубы. И вслед за этим словно громом обдало спрятавшуюся в ночи округу. Звуки высокой силы вздыбились над мечущимися лампочками и ушли куда-то ввысь, утопая в бездонной черноте неба.

Ударил барабан, потом второй. И музыка в ритме марша заполнила вообще все пространство.

Люди, словно насекомые копошившиеся в котловане, сначала не поняли, что произошло. Но, на-

верно, каждого прошиб внутренний озноб. Это был не гром небесный. Вскоре все узнали знаменитый «Марш авиаторов», он часто звучал по радио.

Надрывалась труба. Вели свою партию валторны: «па-па-па-пам, па-па-па-пам». Выводила басы труба: «буба-буба, буба-буба». Все сильнее отбивали ритм барабаны: «тух-тух-тух, тух-тух-тух!» Завершали музыкальную фразу резкие звуки тарелок: «дзин-зинь-зинь!» Духовики старались не меньше, чем раньше на своих рабочих местах...

Бардин стоял возле Кулакова и видел, как тот то и дело смахивал большими рукавицами тающие на ресницах снежинки.

«Не слезы же», – подумал он, тоже охваченный ознобом восторга и небывалого подъема.

И хотя играли музыканты еще не совсем слаженно, звучание инструментов в ночи было мощным, сочным и чистым. Больше других это улавливал Костенко, ставший руководителем оркестра. Услышав фальшивую ноту или неверный звук, он обычно приходил в бешенство. Лицо багровело и искажалось, он махал руками и грозил кулаком. Стройность звучания была основным требованием Костенко, он отводил этому большую часть репетиций. Тем, у кого музыкальный слух был недостаточен развит, руководитель сразу предлагал покинуть коллектив.

Сам же он имел необъяснимую склонность держать в руках валторну. И очень любил барабан, хотя никогда не подходил к нему близко. Словно именитый профессор консерватории, Костенко вбивал оркестрантам в головы понятие о том, что только барабан создает форсированное и подчеркнутое звучание в ударной группе.

– Когда слышите доносящиеся издали звуки духового оркестра, то прежде всего воспринимаете именно ритмические удары барабана, а затем распознаете остальные голоса. Или я что-то говорю не так?

Когда пришедшая на работу ночная смена собралась на краю котлована, ни один человек из него не вылез, как бывало обычно. Кулакову пришлось самому вместо бригадиров давать отмашку на окончание работы... А потом почти до утра он возился с лечением музыкантов: двое из них обморозили уши, один «духонер» умудрился сгоряча «поцеловать» металл своего инструмента, да так, что чуть не оставил на нем половину губы...

В конце концов партийный начальник по предложению Костенко принял решение поделить оркестрантов на три части. Они должны были играть в более сжатом составе и меняться в зависимости от погоды (непогоды).

...Беда случилась ровно через неделю.

Завершался обычный день. Бригадир Нефедов попросил духовиков еще подсобить:

– Мои совсем очертенели. Привыкли к музыке, как мыши к сыру. Музыки нет – они все лопаты в сторону...

В этот раз на краю котлована задавали темп четверо оркестрантов. Играли марш «Тоска по Родине». Вдруг в районе коксовых печей раздался взрыв и оттуда со свистом прилетел набалдашник большого молота. Слово пушечное ядро, он пронесся над котлованом и скосил одного из музыкантов. Это был человек в дырявых ботинках, обмотанных мешками от цемента и обвязанных веревками, в худой телогрейке.

Больше всех был потрясен случившимся Костенко. Подобрал отлетевшую шапочку, он прикрыл товарищу то место, где должны быть глаза, и жалобно проскулил:

– Эх, Коля, Коля... Теперь Шопена мы отыграем о тебе!

КУЗНЕЦК. 1930. ЗАЛИВКА ФУНДАМЕНТА ДОМНЫ

Потом возле зияющей в земле дыры загремели подводы и даже две грузовые машины. С пристанционных складов свозили арматуру. Вскоре котлован заняли бригады монтажников и вязальщиков. И снова круглые сутки стоял язг от уймаща спускаемого в котлован железа...

Бардин проснулся в четыре, а в пять уже сел в поджидавшую у порога двуколку, на которой он, словно вездесущий демон, метался по закоулкам строительства.

– Что-то мне подсказывает, что может произойти осечка, – нетвердо произнес Кулаков, ранее никогда не замеченный в каких-либо сомнениях.

– Нет, Андрей Семенович. Произошла необратимая реакция. Первые партии бетона уже замешиваются. Должны подать не позднее как через пятнадцать минут. При любых обстоятельствах!

– Ну-ну. Твоими бы устами...

Бардин промолчал. Вокруг огромного, почти круглого котлована диаметром более двадцати метров уже толпился народ. Но никого из высокого начальства. Выходит, в Москве и даже в Томске и Новосибирске не захотели делить ответственность с рисковыми мужиками из Кузнецка. Из гостей на торжестве оказались только пять человек с кирпичных заводов: технорук с подсобными работниками да старичок – мастер обжиговой печи.

На видном месте высились портреты Ленина и Сталина. От порывов ветра хлопали красные полотнища. На одном наскоро было выведено известкой: «Даешь красную домну!», на другом: «Даешь чугуны!»

Внизу, среди досок опалубки, словно стебли давно срезанных цветов, щетинились прутья арматуры. Не дай бог кому-то поскользнуться и упасть на них...

Котлован был обнесен кумачовой лентой, прикреплённой к вбитым в землю кольям. В нескольких местах оставались проходы, в которых уложили деревянные настилы, заканчивающиеся сходящими к центру котлована. Скоро по ним рабочие покатают тачки с бетонной смесью. В нескольких местах были установлены концевые участки бетоньерок – круто уложенные желоба, обитые железным листом. По ним готовый бетон потечет вниз.

Около десятка человек с деревянными трамбовками и металлическими штырями ждали отмашки – уплотнять бетонную гущу: в ней не должно оставаться пустот, даже крохотных пузырьков воздуха.

Десятник Парамонов притащил огромный пустой ящик, в котором на днях поступило с Урала мелкое цеховое оборудование. Установил его на оставшуюся с зимы кучу земли. Кивком головы дал знать: место для выступления готово.

Прораб Фролов подошел к начальству, хрипло доложил:

– Можно начинать.

Кулаков ловко поднял свое плотное, но верткое тело на верх ящика. Обвел присутствующих темными глазами.

Бардин уже знал повадки этого человека. Представлял, в каких жизненных перипетиях успел побывать Андрей к своим тридцати. Это раньше он бы попросил партийного секретаря быть осторожней на ненадежной таре. Ему навсегда врезались в память слова, услышанные на Казанском вокзале от бывшего военлета: «Когда летишь к земле и у тебя не раскрывается парашют, всегда есть секунды, чтобы принять решение и спасти себе жизнь. При падении со стула ты времени на размышление не имеешь...»

Парторг еще раз, прищурившись, обвел собравшихся взглядом. Потом сдернул с головы кепку и простер руку с ней вперед и вверх ленинским жестом.

– Товарищи... – И тут голос Кулакова предательски дрогнул.

Бардин почувствовал, что и у него самого к горлу подступил комок.

– Дорогие товарищи кузнецкстроевцы! – снова начал партийный вожак, и теперь его голос не был громким, но зато был уверенным и торжественным.

И необыкновенно твердым. Кулаков словно врубал в головы присутствующих короткие и понятные всем фразы.

– Нам выпала счастливая возможность – присутствовать на важнейшем событии двадцатого века! Мы, товарищи, закладываем начало будущей первой доменной печи Кузнецкого завода. Позади три месяца ударной работы наших землекопов и монтажников. Сейчас трудовая вахта перейдет к нашим бетонщикам. Пройдет совсем мало времени, и вы

станете свидетелями настоящего чуда. Перед вашими глазами потечет река первого металла советской Сибири. И тогда вы должны вспомнить сегодняшний день. А потом не забывать его и рассказывать об этом дне своим детям и внукам! Ну а если не удастся передать это живыми словами, то пусть потомкам расскажет о сегодняшнем дне заложенное в основание фундамента памятное обращение к ним!.. – С этими словами он повернулся к Бардину: – Иван Павлович, прошу!

Бардин, словно пройдясь пальцами по кнопкам гармони, проверил, застегнуты ли у него на плаще пуговицы. Принял из рук Казарновского капсулу – отрезок стальной трубы с заглушками на концах. Он знал, что внутри находится подписанное руководителями стройки письмо потомкам будущих веков с красивой датой: «1 мая 1930 г.». Там же свернутая в виде свитка «Почетная грамота герою-ударнику Кузнецкстроя»: на синем фоне домны и коксового цеха передовик производства вращает штурвал могучего агрегата.

Бардин, совмещавший в это время две главные должности на стройке, спустился по дощатому настилу к самому центру будущей домны.

Перед тем как опустить капсулу на гравелистое основание, поднял ее высоко над собой и глуховато, но достаточно громко произнес:

– Пусть они помнят о нас! О первостроителех Кузнецкстроя!

Потом под рукоплесканья обступившего котлована народа медленно взошел наверх.

– Получилось! – восторженно сказал Кулаков и неожиданно по-свойски толкнул Бардина в бок. – Даже не ожидал такого!

– Думаю, да! Но главное еще впереди... Тут нам работы еще недели на две. К концу месяца, кровь из носа, надо приступить к рытью второго котлована.

КУЗНЕЦК. 1930. ПРИЕЗД ФРАНКФУРТА

Когда в мае 1930 года был издан приказ об упразднении Стальстроя, товарищи из Москвы тут же сообщили об этом в Кузнецк. Известие для Бардина оказалось вдвойне приятным. Он только что дал отмашку на то, чтоб начали рыть котлован под мартен. Значит, никто не будет стоять рядом с занесенным топором...

В том же телефонном разговоре Бардину сообщили, что в Кузнецке должен появиться новый директор стройки. Узнав про это, Иван Павлович чуть было не перекрестился. Но почему-то подумал: «Бог шельму метит!»

...Утром 11 июня прошел сильный дождь. Почти до обеда с неба продолжало капать. Дороги снова превратились в скользкие катки. Землекопы сидели без дела у заполненных водой траншей и котлована.

нов. Многие попрятались под мало-мальскими навесами, листами железа, укрылись кусками брезента.

Бардин стоял возле углового котлована под опорой мартеновского цеха. Собрал десятников, определял конкретные задачи на оставшийся день и на завтра.

К нему подбежал запыхавшийся помощник технорука Карпов:

– Иван Павлович, там какой-то Франкфурт прикатил с Москвы. Звонил со станции. Сидит, говорит, на вещах. Требуется, чтоб ему подали авто. Нам-то как быть?

Бардин хитро прищурился:

– Сидит, говоришь? А мы ему авто сейчас подадим. Пусть заодно нашу заводскую шоссейку обновит после дождя. – И повернулся к своему кучеру Тимофеичу: – Ты вот что, друже, не посчитай за труд проскочить до станции. Большой начальник тебя ждет. Доставь его до нас в целостности и сохранности.

– Да понял я, Иван Павлович! Чево-чево, а вашего брата повозил на своем веку. Лошадки у меня на ходу. Никто ишшо не пожаловался!

– Так он там, говорит, не один, их целая компания. Сказал, что с ним заодно специалисты прибыли! – вспомнил Карпов.

Бардин в задумчивости пощипал мочку уха:

– Значит, приказ немного поменяю. Будешь, Карпов, за главного. Бери срочно с конного двора три свободные подводы и чеши с обозом на станцию!

...У этой истории было свое далекое начало.

В 1920 году Сергей Миронович Франкфурт назначается заместителем председателя Урало-сибирской комиссии Высшего совета народного хозяйства. Вскоре он выступает как представитель Главного топливного комитета (сокращенно – Главтопа) на Урале и в Сибири, а потом как председатель Сибугля и заместитель председателя Сибсовнархоза. Его имя часто появляется на страницах сибирской и уральской печати.

В это время Франкфурт и познакомился с проектом создания мощного индустриального комплекса в восточных районах страны на основе использования природных ресурсов Урала и Кузнецкого бассейна.

В октябре Франкфурта вызвали в Москву для доклада Ленину о состоянии сибирской промышленности. Беседа в кабинете вождя длилась несколько часов. Франкфурт рассказывал о колоссальных богатствах и огромных возможностях Сибири. Ильич детально расспрашивал о делах, выпытывал все подробности. На карте, которая в кабинете занимала почти полстены, Франкфурт показывал месторождения угля, полиметаллических и медных руд, золота, огромные водные бассейны, будущую энергетическую базу Сибири. Говорил о планах и проработках, как лучше использовать эти богатства.

Ленин во время беседы постоянно возвращался к мысли, что необходимо форсировать разработку угля, закладку новых угольных шахт, еще шире развернуть геолого-разведочные работы.

Однако в Сибирь Франкфурт тогда не вернулся. Он был отозван для работы в комиссариате иностранных дел. Вскоре его направили на урегулирование финно-карельского вопроса: вспыхнуло восстание, начались нападения на границу, обострилась масса проблем. Так что это была довольно тяжелая миссия. Но он сумел заключить важный и чуть ли не самый первый в иностранной политике новой России договор о ненападении.

Потом в течение семи лет Сергей Миронович снова работал в Высшем совете народного хозяйства. И опять новое направление – был одним из руководителей текстильной промышленности страны. Должность начальника Кузнецкстроя свалилась на него как снег на голову: буквально перед этим Франкфурт встречался с Куйбышевым и во время долгой беседы даже речи не заходило о направлении в Кузнецк...

Итак, с 30 мая 1930 года начался второй сибирский этап его биографии. На площадке Сергей Миронович появился неожиданно, в самый разгар реорганизации, которую затеяла Москва.

Приехав на место, Франкфурт увидел, что здесь образовалось две фракции инженеров: металлурги и строители. Каждая из них считает себя солью земли, каждая полагает, что именно она должна быть главной силой. Основные кадры строителей комплектуются из людей, которые никогда не строили металлургических заводов. Металлурги же знали только свое дело, сами строили мало или совсем не разбирались в вопросах строительства.

Одним из первых решительных шагов Франкфурта на посту начальника Кузнецкстроя стала реорганизация его структуры. Стальстрой был ликвидирован, а его аппарат слит со строительным отделом Кузнецкстроя. Однако только собственными усилиями новый руководитель не смог бы этого сделать. Такое стало возможным лишь в прочном тандеме с Бардиным.

Франкфурт был на пять лет моложе главного инженера. Поджарый, загорелый, он появлялся на людях с видом, будто вот-вот сорвется с этого места и полетит совершать задуманное чудо... Очки в тонкой оправе придавали его лицу интеллигентности. Но часто за стеклами очков нельзя было разглядеть внутреннего чувства человека, которое может проявляться только в глазах. Бардину это не нравилось.

Иван Павлович старался узнать как можно больше о приехавшем начальнике. А как же иначе? Ведь надо работать рука об руку неопределенно долгое время. И часто Бардин ловил себя на мысли: нет, не родственные они души. Цель у них одна, а задачи, похоже, разные...

Он знал диалектику марксизма-ленинизма и понимал, что между ним и Франкфуртом много противоречий. Но насколько они глубоки и во что могут вылиться – большой вопрос...

Перестройка сопровождалась расстановкой новых руководящих кадров. В середине года на Кузнецкстрой прибыл целый отряд крупных инженеров и хозяйственников: Гольденберг, Краскин, Александров, Брудный, Ушатын и другие. Их сразу поставили на решающие участки строительства. Вместе с Бардиным, Казарновским и другими уже работавшими на площадке крупными специалистами они составили штаб, который руководил стройкой в ее наиболее ответственный период.

Помимо всего прочего, развертыванию работ на Кузнецкстрое мешала позиция местных партийных деятелей. Это был явно не их уровень. Стройка давно переросла Кузнецкий райком, руководство которого до сих пор рассматривало ее как свою вотчину. Воспитательной и организаторской работой среди строителей эти вожаки занимались мало, но вмешивались во все мелкие дела, пытаясь подменить собой административное и техническое руководство.

Нужны были решительные меры, чтобы ликвидировать помехи форсированию строительства, требовалось создать для него благоприятные условия. Уверенность в этом у Франкфурта была, она основывалась на широких полномочиях, полученных им при назначении на Кузнецкстрой. И новый начальник безоговорочно поддержал начатое Бардиным строительство основных цехов завода, несмотря на отсутствие утвержденного проекта. Да у него и выхода иного не оставалось. Предлагать новые решения в силу своей неосведомленности он не мог.

Еще долго шла телеграфная дискуссия с руководством Новостали, которое то и дело выдвигало новые варианты строительства завода, настаивало на другом расположении уже строящихся цехов, запрещало вести строительные работы на основных объектах до приезда американских специалистов. Бардин сумел доказать, что на заложенных фундаментах можно разместить более мощные агрегаты, и Франкфурт, целиком доверившись главному инженеру, решил пойти на риск и продолжить строительство. Но настоял, чтобы все работы выполнялись по единому четкому плану. Его разработкой под руководством Бардина срочно занялись Гольденберг и Брудный. При этом начальник и главный инженер с самого начала определили основополагающий принцип: завод должен строиться комплексно, без больших разрывов в сроках пуска основных агрегатов – с обеспечением их полноценным подсобным оборудованием.

Это требовало ведения работ широким фронтом, одновременно на многих участках. Поэтому всю стройплощадку пришлось разделить на отдель-

ные участки-цеха, где строительством руководили свои прорабы и технологи. А Москва к тому же настаивала на опережающем вводе объектов – невзирая на степень готовности смежных цехов и энергетических коммуникаций.

Так что работы с каждым днем прибавлялось и прибавлялось. Вдобавок к основной работе возникало все больше других проблем: то надо было расследовать причины очередной аварии, то утихомирить группу «летунов», бросивших работу и требовавших немедленного расчета, то разместить прибывших самотеком людей с семьями... В общем, дел было по горло. Но и этого будто казалось мало. Возникла мысль об увеличении проектной производительности завода на двести тысяч тонн чугуна в год. И постепенно эта идея переросла во встречный план Кузнецкстроя...

Кузнецк был на тысячи километров удален от промышленных центров страны. Поэтому большое значение придавалось максимальному самообеспечению стройки. Тут очень кстати оказался находившийся под боком Гурьевский завод.

Начальник строительства оказался одержимым человеком, иначе не назовешь. Порой он мог не спать по двое суток, вместо обеда обходился пирожком всухомятку и на ходу. Его энтузиазм передавался окружающим. К тому же из Москвы он привез с собой нескольких видных специалистов. И все-таки к октябрю, когда заканчивался хозяйственный год и были подведены общие итоги, обнаружилось, что строительная программа выполнена меньше чем наполовину. Правда, в это время уже вовсю шли работы на доменном цехе. Зато плохо продвигалось дело на мартене и коксохимическом цехе. Не было подвижек в районе прокатных цехов. Все уперлось в отсутствие проектной документации.

Коксохим сковала не только неопределенность, сколько надо строить батарей, какой мощности они будут. Внезапно вылезло очередное препятствие. На площадке будущего производства, вопреки гидрогеологическим расчетам, пошли настоящие пловуны. Консультации с московскими и французскими специалистами свелись к одному выводу: надо срочно бить сваи. Но имеющиеся железобетонные сваи оказались коротки, а покупать нужной длины за границей – слишком долго и накладно.

Пришлось самим поломать голову над инженерным решением. Голь оказалась на выдумку хитра. Выкрутились так: в глину до галечника забивалась деревянная свая, потом ее выдергивали и вместо нее загоняли стальную трубу; в трубу вставляли арматурный каркас, заливали его бетоном и через некоторое время трубу извлекали. Таких свай сделали несколько сотен.

Когда в Кузнецк прибыл французский специа-

лист по строительным основаниям, он скрупулезно ознакомился с кузнецким новаторством. Тут же присел на деревянную сваю, снял с лысины купленную в Москве заячью шапку и проговорил:

– Этот способ, господа, должен войти во все строительные учебники!

...На всех уровнях управления звучала жесткая команда: «Срочно направлять чертежи Кузнецкстрою!» Это помогло как-то выправить положение. Но все равно к концу года выполненный план работ едва дотягивал до семидесяти процентов.

КУЗНЕЦК. 1930. СМЕРТЬ НА ПИКЕ РЕКОРДОВ

Среди пригородных лачуг и петляющих улочек на склоне горы по ночам шлялся человек в лохмотьях. Громкими горловыми звуками – так обычно подают голос ночные птицы – он будоражил невыспавшийся народ.

– Куэк, куэк! Ынь, ынь!

Это надрывался по-птичьи бывший адвокат Сташевский из Нижнего. Он дважды сидел в тюрьме и там лишился рассудка. Рассказывали, что когда-то этот человек был знаменитым юристом, выиграл множество громких процессов. Но однажды вляпался в явно политическое дело – захотел найти управу на влиятельного работника НКВД. И ничего у него, конечно, не вышло. В результате поимел Сташевский большие проблемы, жена от него вскоре ушла к другому, умер единственный сын, после чего местная власть затолкала адвоката в психушку... Никто не знал, какими путями-дорогами его занесло из центральной части России на Горбуновскую площадку.

Морозов, любивший хозяйничать и за пределами стройки, пожаловался как-то Франкфурту:

– Совсем оборзел мужик. И никому нет до него дела – ни милиции, ни докторам.

Морозов, пожалуй, больше других после Кулакова излазил местные шанхай и нахаловки – скопления всяческих временок, землянок, шалашей и самых настоящих нор. Делал он это не только по прямому поручению начальника строительства, но и по собственной инициативе.

Франкфурт блеснул стеклами очков. Заметил скептически:

– У нас, Алексей Максимович, нет настоящему пока ни того ни другого – ни милиции, ни медицины...

Морозов навидался всякого. А помочь ничем не мог. По долгу своей работы приказывал, требовал, схватив человека за грудки, а иногда и почти слезно просил приехавший и расселившийся вокруг стройки народ соблюдать социалистическую законность. Но были места, куда он не лез даже с местным милиционером Завьяловым, тоже человеком бывалым.

– Всякое повидал, но такого еще не видывал! – как-то признался Завьялов Морозову. – Ведь надо ж, до какого скотства скатился народец.

Оказывается, на склоне горы напротив строящейся коксовой батареи поселилось несколько бывших уголовников. Приютили они невесть откуда взявшихся трех девиц и с ними сутки напролет хлестали самогонку. А еще резались в карты.

– Знаю, что играют не только на свою, но и на чужую жизнь. Но докажи попробуй, что это они! Неделю назад наткнулись в крапиве на труп зарезанной бабы. Думали, что это ей мужик по злему умыслу кирдык сделал, а он вовсе ни при чем: двое суток со смены не выходил. Нет, туда и с наганом соваться не с руки...

Морозов дело свое знал. Бардин, когда слышал его рассказы о всяких творящихся на стройке мерзостях, еле сдерживался от гнева. А потом, успокоившись, понимал, что ничего тут не изменишь. Уж больно разные здесь собрались люди. Кто хотел – те работали: и комсомольцы, и вербованные, прельстившиеся заработками, и скрывающиеся от притеснения специалисты, и чиновники старого режима (уж им-то никак нельзя было трудиться плохо – сразу «засветятся»). Даже спецпереселенцы – раскулаченные – работали на совесть (а по-другому они и не умели, иначе бы не выбились у себя на родине в зажиточные, не выделялись бы среди других). А с отбросами, которых направили на стройку из тюрем и лагерей в надежде на исправление и оказание помощи в строительстве социализма, убедился Бардин, завод никогда не построить. И от таких мыслей все чаще у него щемило в левом боку, перехватывало дыхание.

Когда Франкфурт находился в Москве, Морозов заявлялся к Бардину, исполнявшему обязанности начальника стройки. Вот и на этот раз принес какие-то плохие новости.

– Опять у меня нелады, Иван Павлович! – выдал сразу, усевшись напротив Бардина.

– Что конкретно? Опять кто-то кого-то побил или обложил матом?

– Кабы так, то было бы шибко хорошо. Не стыкуется у меня, Иван Павлович, вопросец с похоронной командой.

– Не понял.

Бардин знал, что еще летом была организована специальная группа, чтобы заниматься похоронами работников строительства и их родственников. И первое время вроде бы все у нее шло по заведенному. Но вскоре народу на стройке заметно прибавилось и болячек у людей стало больше. Начали умирать неизлечимо больные. Участились несчастные случаи с трагическим исходом – в котлованах, на высоте, на дорогах.

А тут еще зима. Один отморозил ноги, потом началась гангрена – и тоже печальный конец. Других

скосило воспаление легких. Не все смогли выкарабкаться из сыпняка. Пришлось не только открывать специальный бокс для тифозных больных, но и строить покойницкую с ледником для тел скончавшихся.

– Не справляются ребятишки со своей задачей, – стал объяснять Морозов. – Дело дошло до края, дальше просто некуда, по десять могилочек надо вырыть за день, а сейчас зима. Кладбищенская земля тверже камня стала. Мужики со слезами просятся обратно на площадку. Ставь, говорят, Максимыч, на самое трудное место, а тут, значит, силушки нет! Вот такая загвоздка. Наши похоронщики уже успели закопать двоих из своего состава... Вы ж понимаете, что ковырять землю можно хоть днем, хоть ночью – если фонарь есть. Тут еще мои люди справляются. А вот спозаранку везти усопших в Редаково никто не станет. И в потемках не спровадишь туда человека в гробу...

– И что ты предлагаешь?

– Вывод один. Надо удвоить людей.

– А утроить не желаете, Алексей Максимович? – с сарказмом произнес Бардин, приподнимаясь из кресла.

– Нет, не желаю! – встал во весь свой огромный рост Морозов. – Я ведь чего унюхал... Первое: люди не справляются с порученным делом, и уже из них ничего не выжмешь. Вон Барабанова из пятнадцатого барака четвертый день вынести не можем... И второе, Иван Павлович: могилки мои люди копают от усталости не два метра в глубину, как положено, а кое-как в метр, а то и помельче. Это уж совсем не по-божески!

– Ты что, в Него до сих пор веришь, Морозов?

– Ну, это мое дело... Если бы на одного Бога надеялся, то б в революцию не пошел. Но и Боженька не обидится на меня: крещен я как-никак... Вас тоже, небось, в поповскую купель в детстве кунали?

Бардин тяжело сел. Молча уперся взглядом в зеленое сукно стола.

Потом вытащил из карандашницы карандаш красного цвета и с горечью выдохнул:

– Сколько человек, говоришь, надо?

...А в это время на занесенных снегом путях, словно в полусне, цепенели паровозы. На сотни километров вокруг поднимались угрюмые горы, покрытые непролазной тайгой, а между ними под слоем снега пучились многоводные болота. И мелкими, будто случайными вкраплинами мельтешили кое-где люди. Они боролись одновременно с природой и сами с собой. Это была беспощадная и, на первый взгляд, бессмысленная борьба. Люди зажигались на час или два, в этих неприспособленных для жизни условиях они не могли пылать дольше, не могли пылать высоким и ровным пламенем, как будущие доменные печи...

Люди чему-то радовались, матерились, обнимались и целовались. Потом рожали в темных углах. И умирали там же или на скрипучих койках больниц. В наспех сколоченных гробах их увозили на Редаковское кладбище, а на их место привозили новых.

В бараках и землянках вслед ушедшим в иной мир кормильцам кричали грудные дети и женщины жевали ржаной хлеб, клали макуху в лоскут марли и силком впихивали в рот будущим кузнецкстроевцам. Всем любым способом надо было пережить смутное время. Сначала до утра. Потом до вечера. И еще до утра...

Из других, сытых стран приезжали специалисты по строительству. Они удивлялись всему: незнакомому народу, его энтузиазму, вездесущим вшам и клопам, но больше всего невиданным сибирским морозам. Жили приехавшие издалека люди отдельно от русских, у них были свои дома, свои столовки и своя вера в большие деньги. У них было все, чего не мог иметь простой кузнецкстроевец.

КУЗНЕЦК. 1930. КОВАТЬ ХАРАКТЕР

Простые люди Кузнецкстроя жили тяжело.

Усастый бригадир Веселовский с женой ютился в комнатке с исхудавшимся потолком и стенами, навеки пропитавшимися влагой. Когда шел дождь, су-пруги завешивали стены тряпками, потом выжимали их и вешали на старое место снова. Но если бы кто-то пришел к ним в эту минуту и предложил, допустим, упростить проект роскошных станций в столичном метро и пустить сэкономленные деньги на жилье для таких работяг, как они, Веселовские в один голос выступили бы против. Как и большинство других людей, живших в таких же жутких условиях.

Все это они считали временным явлением и преходящей трудностью, не имеющей отношения к текущей работе и будущему великой страны. Для Веселовских быт был несуществен, малозначителен и недостаточно героичен.

Советский инженер начала тридцатых – это чаще всего скупой на слова одиночка, не обращающий внимания на то, что ему срочно нужно к доктору, что в ржавой трубе нет воды помыться, а бесчисленная очередь в столовую вынуждает его пропустить не только завтрак, но и, возможно, обед, а также ужин.

Менталитет передовых рабочих и инженеров выразил начальник Кузнецкстроя товарищ Франкфурт: «Вот построим домну, тогда и выведем клопов, умоемся как надо и побреемся... Короче, сначала домна, а потом клопы».

Поэтому никакие трудности не могли остановить Бардина. Наоборот, они вдохновляли его. Опыт предыдущих лет вселил в него уверенность, что любые преграды можно и нужно преодолевать. Он умел в любой сложной ситуации сохранить самооб-

ладание и ненавидел нытиков. Стройке, развернувшейся у Старцевой горы, считал он, нужны люди дисциплинированные, самоотверженные, упорные в достижении намеченной цели.

Внутри него царил идеал немногословного специалиста своего дела, человека, который замкнуто живет только ради работы. Он не терпел вопросов, не имеющих непосредственного отношения к его профессиональной деятельности. Даже во время интервью, которые по необходимости приходилось давать приезжим газетчикам, Иван Павлович хмуро курил и почти ничего не говорил, когда его спрашивали о личной жизни, о доме, жене, детях и других родственниках. Ни одного слова о своих увлечениях и интересах, помимо работы.

Он вообще мало рассказывал о себе, даже тем людям, которые постоянно находились рядом. Начальник строительства Франкфурт после многих месяцев совместной работы с Бардиным был несказанно удивлен, когда узнал, что тот страстно любит театр и обожает слушать классическую музыку. Оказывается, главный инженер умел мечтать не только о будущем заводе, но и о том времени, когда можно будет свободно махнуть в Москву или Ленинград и на неделю окунуться с головой в мир большого искусства...

Создавалось впечатление, что каждое утро Бардин отправлялся не на обычную работу, а совершать подвиг. Как руководитель самого высокого звена, он, кроме своего дела, ничего не хотел знать и видеть. Впрочем, тогда в Советской стране излишний интерес к быту и личной жизни вообще считался непатриотичным, вредным и даже антисоветским явлением.

Превозносимая на Западе «частная сфера» не имела эквивалента в русском языке и вместо «приватности» и «самоидентичности» здесь торжествовали совершенно другие понятия, вроде «самоотверженности» и даже «самоотречения». Большинство людей в строящемся Советском Союзе, независимо от общественного положения, воспринимало повседневность в рамках этих категорий.

Это было связано в первую очередь со стремлением властных партийных органов установить полный контроль над населением страны, и некоторые установки из еще сохранившейся в народе православной веры как нельзя лучше подходили в складывающейся ситуации. Как и церковь, партия настоятельно требовала отмежеваться от своего «я», объявляя все личное буржуазным предрассудком. Нужно было не только все делать как все, но и думать как все...

Советскому инженеру, особенно занимающему значимую должность, следовало демонстрировать аскетизм и сдержанность, когда речь вдруг зайдет о его личной жизни. Он должен был четко разграничи-

вать коллективное и индивидуальное и разве что вскользь упоминать о том, что вовсе не против культуры и комфорта. Но все-таки работа – прежде всего...

Когда Бардин объявил о своем решении поехать на работу в Сибирь, жену это застало врасплох.

– Тебе не жаль покинуть любимые места? – отговаривала его Мария. – Здесь настоящий райский уголок. В наши края мечтает попасть вся страна, а тебя сам черт несет в холодные и голодные края.

– Машенька, пойми: это мой последний и, пожалуй, единственный шанс показать, на что я способен. Здесь я взял почти все высоты. Ну, стану директором старенького завода, дам высокие показатели по металлу. Вручат мне орден, вызовут на какой-нибудь съезд или слет в Москву. И все. А мне хочется дать такое, чтобы потом сам удивлялся: как я смог?!

Мария долго молчала. Она хорошо изучила мужа. Он ни за какие коврижки не пойдет на попятную. То, что задумал, будет нести до своего скончания. Его не переубедить никому. При этом отъезд Ивана грозит стать для семьи роковым. Муж может прожить без многого, но ему не будет хватать женской ласки, которой она заполняла его редкие минуты отдыха от работы. И наконец он не сможет обойтись без полной отдачи в любовном порыве – тогда Бардин просто не будет собой...

Мария почувствовала укол ревности, на миг даже сжала зубы, представив мужа с чужой женщиной – мясистой бабой-сибирячкой. И с горечью произнесла:

– Ты, Вань, кидаешься в прорубь. Ведь понимаешь, что я остаюсь одна. Какой из тебя муж, который живет не в семье, а шастает на задворках жизни?..

Бардин вскочил с кровати. Слова жены показались ему капризом женщины, накрепко привязанной к комфорту и уюту. Мелкой супружеской провокацией.

– Тебе будет хорошо в Москве! – начал убеждать он. – Здесь обретешь много хороших знакомых. Наконец, вся Москва забита театрами, каждый день новые спектакли. Ты даже забудешь обо мне! – И ядовито улыбнулся.

...Как и предполагали тогда они оба, у Бардина началась новая жизнь. После долгих мытарств он наконец поселился в хорошем доме – с просторным залом, спальней и личным кабинетом. Была также большая кухня с холодной и горячей водой, отдельные помещения для домработницы и кухарки. Выделили Бардину и личного кучера.

Кухарка раз в неделю ходила на кузнецкий базар. А там водились какие угодно продукты – были бы деньги. При желании она могла купить, например, ящик испанских апельсинов или килограмм шоколада.

Ресторана на Верхней колонии тогда еще не было, да руководители стройки, пожалуй, и не стали бы его посещать. Как старались они избегать таких заведений в Москве или Ленинграде, когда случались командировки.

Бывали, правда, и исключения. Для пользы дела высокое столичное начальство поручило как-то Колгушкину организовать прием для президента фирмы «Фрейн». Это произошло в «Астории» – самой шикарной гостинице Ленинграда. Банкет в честь нужного американца и пятикомнатный номер для него и его супруги обошелся тогда почти в три тысячи рублей.

А вообще, люди, обремененные должностями, рестораны не любили из-за того, что там нельзя было расслабиться по-домашнему, поговорить спокойно и откровенно. Зато по большим праздникам высокопоставленные лица регулярно приглашали к себе друзей, порой супружеские пары, если у них оказывались общие производственные интересы.

Многие продукты и товары в дома на Верхней колонии поставлялись не только с Базарной площади, но и из магазина «Акорт». Нина Степановна Дмитриева, жена главного строителя коксохимического цеха, знала обо всем и обо всех на свете больше других.

Изогнув тонкие линии подрисованных карандашом бровей, она поясняла:

– «Акорт» – это вам, товарищи женщины, не переименованный «аккорд». Так сокращенно называется ассоциация компаний розничной торговли!

Женщины всегда с охотой болтали на кухне. Говорили про текущую жизнь, про цены, про детей и другие важные вещи. А у мужчин в это время велся свой разговор, обычно сугубо деловой. Под стопочку водки и под звуки патефона с пластинками душещипательных танго – «Ла кумпарсита» аргентинского певца Карлоса Гарделя и «Черные глаза» в исполнении Юрия Морфесси...

Еще на исходе первого года работы Бардин попросил, чтобы к новогодней ночи ему привезли из тайги небольшую елочку. Захотелось вернуться в чудесные мгновения детства, когда он видел наряженные хвоистые деревца в окнах состоятельных соседей. Настоящая колючая елочка простояла у Ивана Павловича ровно шесть дней, а под православное Рождество 7 января кучер Тимофеич вынес ее во двор и сжег...

Аскетическое самоотречение в свете писанных и неписанных установок жило практически в каждом советском человеке. Не был исключением и Бардин. Работа днем и ночью, постоянное напряжение и недосыпание давали о себе знать. Часто ныло в левом боку, потом колело под лопаткой. Но он не обращал внимания ни на это, ни на усталость. Просто старался не думать о своем состоянии. Его целиком поглощала одна мысль – быстрее и как мож-

но лучше построить здесь, среди сибирских просторов, уже сложившийся в голове металлургический гигант.

Развернувшаяся стройка стала неотъемлемой частью его жизни. И иногда он чувствовал себя просто маленькой шестеренкой, которая крутится по чьему-то невидимому указанию. Но почти сразу он вновь наполнялся уверенностью, что грандиозное строительство – в том числе и благодаря его таланту, воле, уму, энтузиазму – будет завершено в намеченные сроки.

НОВОСИБИРСК. 1930. ИНТРИГИ

Тогда имя Роберта Индриковича Эйхе было известно не только в партийных и советских кругах. О нем знал любой человек, живший или хотя бы раз побывавший в Сибири. Местные газеты и журналы то и дело публиковали портреты и фотографии товарища Эйхе, постоянно приводились сведения о его деятельности и выдержки из его речей, ему адресовали свои просьбы рабочие и крестьяне сибирских городов и сел, именем товарища Эйхе называли улицы, колхозы и даже целые районы.

Выходец из семьи латышского батрака, он рано ушел в город на заработки, там в меру сил и знаний слесарил и уже в пятнадцать лет вступил в социал-демократическую партию Латвии. За этим последовали многочисленные аресты, трехлетняя эмиграция и, наконец, пожизненная сибирская ссылка. Через год после удачного побега Эйхе вернулся в Латвию и с удвоенной энергией принялся за политическую деятельность.

...Франкфурт появился в заводууправлении только к обеду. По его лицу было видно, что командировка в Новосибирск прошла удачно. Бардину не было нужды расспрашивать начальника о результатах его поездки. Все дела, по которым тот ездил, главного инженера в общем-то не касались. Да и не любил он Новосибирск с самого первого приезда туда. Народ в краевых органах представлялся ему гонористым и малозначимым.

Но когда Бардин заглянул в кабинет Франкфурта, тот словно ждал его, сразу ухватился:

– Заходи, заходи, Иван Павлович! Покалякать надо. Кое-что о поездке расскажу.

Бардин прошел к столу начальника, сел.

– Закуривай! – сказал хозяин кабинета и протянул ему раскрытую пачку папирос.

Франкфурт страстно любил это зелье в коричневой коробке. «Сафо» – туго набитые папиросы лучших времен, сделанные Ленинградской фабрикой имени Урицкого. 25 штук за 27 копеек. И какой аромат!

Сергей Миронович поначалу что-то попытался найти в ящике стола. Потом махнул рукой:

– Всегда так: когда не нужно – валяется под рукой. Как понадобится – вовек не сыщешь! – И он за-

двинул ящик. А продолжил уже совсем о другом: – Все-таки Москва решила на деление края. Красноярск и Иркутск уже точно отойдут в свободное плавание. Как говорят, баба с возу – легче паровозу. У нас в крайцентре в связи с этим тоже намечаются значительные перемены...

Тут Франкфурт встал и подошел к двери, даже приоткрыл ее, проверяя, не стоит ли кто за порогом. Притворил дверь.

«На крючок бы еще закрыл!» – съехидничал про себя Бардин. А Франкфурт неожиданно сменил выражение лица на какое-то доверительное, и тон голоса стал мягче, теплее.

– Ночь провел у Роберта Индриковича. Прихватил меня, считай, в охапку, прямо из кабинета увез на своем авто к себе домой. Там и пешком два шага, почти рядом. Новый дом, Советская, семь... Но все-таки: авто! Я было поерепенился. Да разве такой человек не добьется своего?..

Бардину было любопытно не то, почему Франкфурт оказался у Эйхе гостем. Знал, что они знакомы много лет, их пути пересекались не только в Сибири. Было интересно другое: зачем Франкфурт рассказывает именно ему о последнем посещении грозного властителя края?

– Выбрал человек угловую квартиру на третьем этаже. Говорит, из-за солнца. Я раньше думал, что у него Эрмитаж в доме... А вся ценность в его любезнейшей супруге. Второй раз пришлось встретиться с ней. Впервые познакомился зимой в двадцать четвертом. Печальные дни... А вот теперь встретила меня как задушевного друга. Замечательная женщина Евгения Евсеевна. Рубцова по девичеству. Тридцать с маленьким хвостиком, поморка, как и Михайло Ломоносов... До революции успела пройти два курса Московского медицинского. Арестовали. А потом не до учебы. Вдвоем, как лебеди, всю жизнь. Жаль, что без видов на детей... Числится ответственным секретарем в крайкоме. Но интеллигентнейший человек. Одевается просто, неброско, но с невероятным вкусом. Сама подавала ужин. Все-таки везунчик Роберт Индрикович! Белая блузка на ней, бархатная лента на шее и темная узкая юбка. А представляешь, как говорит...

Франкфурт даже прикрыл от удовольствия глаза. Мечтательно произнес:

– Не поверишь, Иван Павлович! Как только увидела меня, первой произнесла нарастающую: «Здравствуй-те, Сер-гей Ми-роно-вич!» Бывает же сладко от сказанных слов...

Франкфурт прервал рассказ. Повертел в руке исписанный почти до последнего листика блокнот, продолжил:

– Ты же сам убедился, насколько товарищ Эйхе предан коммунистическим идеалам, какой отличается исключительной работоспособностью и в то

же время не держится за высокие посты. Став в апреле двадцать четвертого заместителем председателя Сибревкома, он получил официальное разрешение присутствовать на всех заседаниях Сиббюро ЦК, что фактически ввело его в высшее партийное руководство Сибири. В мае на первой Сибирской партконференции он был единогласно избран членом пленума Сибирского краевого комитета партии, который, в свою очередь, по рекомендации ЦК утвердил его членом бюро крайкома...

Обо всем этом Бардин знал из публикации. Более того, он слышал не раз от новосибирских посланцев, как Эйхе вкалывает за своего непосредственного начальника Лашкевича, предпочитавшего большую часть времени проводить в Москве. В газетах «Советская Сибирь» и «Кузбасс», а также в журналах «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» и «На ленинском пути» часто публиковались материалы о том, чем занят этот высокий руководитель.

И когда Сибревком прекратил свое существование, Эйхе возглавил сибирскую партийную организацию, объединявшую к тому времени почти сто тысяч человек. И вероятно, ощутил себя таким же полноправным хозяином в Сибири, каким в масштабах Советского Союза чувствовал себя Сталин. Он и методы работы вождя усвоил быстро, проявлял исключительную жесткость при принятии и исполнении решений...

Бардину не были интересны слова Франкфурта о ночевке у самого Эйхе, и восхищение красавицей-женой не произвело на него впечатления. Не для этого ведь завел доверительный разговор Сергей Миронович. Он зря словами не разбрасывается. Значит, надо ждать развязки тягостной беседы.

Франкфурт прошелся по кабинету. Это была любимая его привычка – как бы одновременно осматривать все темные углы.

– И вот представь: в конце июля второй секретарь, пятеро членов бюро крайкома, а также примкнувший к ним председатель контрольной комиссии обратились лично к товарищу Сталину с просьбой перевести Роберта Индриковича на хозяйственную работу. Ребята сделали упор на то, что состояние здоровья первого секретаря отрицательно сказывается не только на работе бюро краевого комитета, но и на состоянии дел в Сибири...

Бардин вспомнил, что в середине лета действительно прошли слухи о том, что Эйхе перенес сложную операцию, связанную с гнойным аппендицитом. Видимо, тогда и случилась эта заваруха.

– Председатель крайисполкома Клименко рассчитывал, что в этих условиях основным претендентом на пост нового секретаря окажется он. И тоже поддержал подписантов.

– Да, так, к сожалению, бывает часто, – хмуро заметил Бардин.

Франкфурт на секунду задумался, оценивая его слова, и признал:

– Ты прав, Иван Павлович! Но чужой опыт никого не учит... Так вот, в то время Иосиф Виссарионович, находившийся на отдыхе в Мухалатке, телеграфировал замещавшему его товарищу Молотову дать достойный отпор Клименко со всей его шатией-братией. А Роберту Индриковичу, наоборот, оказать полное доверие. Это чтоб впредь неповадно было клеветать на честных работников и обманывать Центральный комитет...

Последние слова Франкфурта вызвали в Бардине неприятное чувство. Он понимал, что своим решением Сталин как бы примерил ситуацию на себя: создание прецедента смещения руководителя по инициативе снизу для него было опасным и недопустимым. А еще Бардин уловил явный намек на то, что и Франкфурт тоже не допустит, чтобы в его окружении кто-то мог решиться на подобный шаг.

Эта мысль не раз потом приходила Бардину в голову. Он понимал, что история с Эйхе – это пример, иллюстрация. Такому технарю, как он, Бардин, не стоит лезть в тонкие и опасные политические игры, которые ведет высокое партийное начальство. И завел Франкфурт с ним этот конфиденциальный разговор, скорее всего, в назидание.

...Вскоре было обнародовано, что в результате разделения Сибири на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края Сибкрайком ВКП(б) в Новосибирске преобразован в Западно-Сибирский краевой комитет.

Новый орган практически полностью унаследовал организационную структуру и состав своего предшественника. Заговор против Эйхе провалился. Но это событие встряхнуло все руководящие кадры края, стало одним из факторов формирования в Сибири новой политической элиты. И имя Эйхе снова засияло на недосыгаемой высоте.

КУЗНЕЦК. 1930. ГДЕ БУДЕМ ЖИТЬ?

Этого американцы не учли. Заокеанские спецы предполагали, что для обслуживания завода понадобится не более шести – восьми тысяч человек. Если считать с семьями, то нужен поселок примерно на двадцать пять тысяч, и его можно построить на склоне Старцевой горы – чуть выше расположения предприятия. Удобное и красивое место. Так казалось и тем, кто собрался обосноваться здесь на долгие годы.

Место будущего поселка обнесли знаками, указывающими, что любое самовольное строительство запрещено. Но прибывающий народ исхитрился и невдалеке от этих вешек стал сооружать из подручных материалов незатейливые хибары. Тот, кто не мог или не хотел строить, спал летом в крытых телегах, в шалашах и палатках. Семейный народ ста-

рался застолбить место ближе к работе, мужики устраивали землянки.

На тачках и на горбу тащили бревна, плахи и рамы, оставшиеся после сноса прилегающих поселков. Гора за короткое время облысела совсем, даже валежник и тонкие стволы молодой осины и сосны народ унес для своих нужд – если не на строительство жилища, то на топливо.

Второй год стояли на склоне горы временки для первостроителей завода, здесь же находился заезжий дом для командированных и гостей всякого ранга. А первую улицу на Верхней колонии заложили только в двадцать девятом и окрестили Тельбесской. Кто-то сначала предложил назвать ее в честь Ленина, но после споров почти все пришли к мнению, что правильнее, чем Тельбесская, названия нет.

Она стала не только первой, но и самой главной и наиболее заселенной улицей заводского поселка. На ней поставили почти сорок рубленых домов. Бардин обосновался в доме № 11. В самом конце улицы поселился начальник техотдела Григорий Казарновский.

Тельбесская как бы широким ручьем вытекала из обнесенной дощатым забором березовой роши и вскоре стала центром жизни поселка. Ее строили с любовью и толком. Шла молодая тополиная аллея, а по обе стороны от нее протянулись дома в один и два этажа. Между ними были поставлены сараи. В больших оградах разместились огороды. Из некоторых сараев вскоре завохтели куры, кое-где можно было увидеть кроликов, свиней, овец, гусей, коз.

Ниже Тельбесской проходила Коммунальная, тут же рядом Орлиная. Застраивались и другие улицы. Жители сами придумывали им названия. Но почти в каждом из них чувствовался дух будущего завода: Коксовая, Коллективная, Батарейная, Цеховая.

С архитектурной точки зрения особо выделялась улица Орлиная. Жилье на ней и на Тельбесской изначально предназначалось для руководящих работников завода – от директора и главного инженера до цехового начальства. Здесь старались строить по разным проектам. К примеру, ставили на Орлиной сборно-щитовые дома с площадью квартир до ста шестидесяти квадратных метров. В них на пол укладывался настоящий паркет, по просьбе будущих жильцов предусматривался даже зимний сад. Имелись и добротные подвальные помещения. А вот Коммунальная застраивалась двухэтажными каркасными домами барачного типа. Попроще и подешевле.

Верхняя колония, кажется, заполнила весь склон горы. И наступила пора переходить от нагромождения завалов к строительству нормального поселка на Нижней колонии. Здесь к середине лета обитало

уже около шестидесяти тысяч человек. Причем меньшая часть проживала в бараках, остальные ютились в палатках и шатрах, некоторые обосновались в землянках. Почти все старались занять место повыше, посуше, но ближе к воде. А ближайшей водой, которая поила людей, где можно было помыться и поймать рыбу, была река Аба. Абушка – так ее звали и местные, и приезжие.

Санитарные врачи были против любого жилищного строительства на территории, примыкающей к деревне Бессоново: здесь близ болота всегда грязь и сырость. А в тесноте неизбежны эпидемии. Выжить в такой обстановке могли не все, в первую очередь умирали дети.

Но большинство семей переселенцев не горело желанием покидать обжитые землянки, потому как в выстроенных домах и бараках наблюдалась страшная скученность. Руководство Кузнецкстроя никак не могло довести показатель жилой площади на человека хотя бы до трех квадратных метров.

Газеты честно писали о недопустимо скверных жилищных условиях людей, обитающих на Нижней колонии: землянки без оконных рам, двери сколочены из первых попавшихся под руку досок, а снаружи никак не утеплены; уборные построены кое-как и где попало, их недостаточно; мусор валяется на каждом клочке земли, не хватает помоек; нередко отходы быта и помои просто сваливаются в реку.

799

Внутри жилых помещений нисколько не лучше. Люди живут, но никому не жалуются: все в плохих условиях. Один рад – нет клопов, другой рад – еще не завелись крысы. У одних постоянно спертый воздух, у других безостановочная «вентиляция»: ветер свистит из каждой щели... А какая на улице грязь! Нет ни одного даже дощатого тротуара. Выходя на работу в чистых сапогах или ботинках, каждый поначалу ищет твердую, сухую тропинку, чтобы не запачкать обувь. Но так – до первой лужи. А потом человек, сжав зубы, идет уже прямо, не разбирая дороги...

Руководству стройки пришлось принять срочные меры по решению жилищного вопроса. За несколько месяцев на территории от заводоуправления до Абы были поставлены десятки одинаковых бревенчатых бараков. Другую сторону реки пока не трогали: там предполагалось построить настоящий Социалистический город.

На возведение деревянного городка сил у строителей хватило. Но ведь поселившемуся в нем народу нужны были и пекарни, и магазины, и бани, и парикмахерские.

Больше стали уделять внимания и чистоте – «залогу здоровья». Городские власти выпустили указ о содержании в чистоте улиц, домов и подворий. Ответственность за выполнение санитарных мероприятий возложили на отделения НКВД-ОГПУ. Правда,

для работы их сотрудникам тоже нужны были новые помещения, а для жилья – квартиры или хотя бы комнаты.

Кузнецкстрой все больше выбирался за границы отведенной заводу территории. Строки из «Гимна кузнецкстроевцев» ярко выражали энтузиазм, с которым большинство людей строило завод, свою будущую жизнь:

*Выше темпы, ярче пламя,
Выше огненное знамя!
Разом – взяли дружно все преграды,
Мы – ударные бригады!
Взоры – чище, поступь – шире!
Станет света больше в мире!
Умножаем в битвах год от года
Мощь советского народа!
Пусть дороги каменисты,
Комсомольцы, коммунисты –
Все идут вперед победным строем
С нашим славным Кузнецкстроем!*

КУЗНЕЦК. 1931. ГАЗЕТНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Редко ему выпадала минута подумать о себе. Обычно все мысли – о деле. Пожалуй, десятки тысяч чертежей просмотрел он за последние два года. И не просто глянул и забыл, а глубоко вник, разобрался и запомнил. Различные машины, механизмы, устройства, даже их отдельные детали – все укладывалось в голове. Взять хотя бы заводские железнодорожные пути. Бардин досконально помнил, как они проложены на площадке. А ведь их скоро будет уже более 200 километров. И это еще не все. Под рельсами и над ними протянуты десятки видов труб разного назначения, всевозможные каналы и кабели...

А если понадобится, всегда что-то подскажут верные помощники из технического отдела во главе с Казарновским. Чего стоит только молоденькая водоснабженка Тамара Голубинцева. Прямо-таки королева подземного царства! Знает назубок почти все, что скрыто на промплощадке от постороннего глаза. И по виду – настоящая русская красавица. Глянешь на нее – и в жар бросает: голубоватые с искоркой глаза, высокая, статная, с длинными волосами. Умница. Шутку понимает тонко. И цену себе знает. А если кто начинает вязаться к ней и буровить что попало – отбреет так, что на второй заход нахал уже не отважится.

Ничто другое не напоминало Бардину о его возрасте так явственно, как оказаться среди таких вот красивых девушек. Но что тут поделаешь? Пик жизни, считай, уже пройден...

Самое трудное для него в последнее время – это знакомиться с новыми людьми, стараться выловить среди них нужных и знающих специалистов,

быстро входить с ними в тесные и доброжелательные отношения. Хотя почему доброжелательные? Эта человеческая категория чувств, конечно, важна, но на работе судьба сводит совершенно разных людей. Здесь могут быть только производственные связи. Бардину, как крупному техническому руководителю, выпала судьба знакомиться, работать бок о бок, а потом расставаться с сотнями разных людей. А может, теперь уже и с тысячами. За границей, на юге, в Москве и Ленинграде, в Сибири и даже по дороге в поездах и на вокзалах...

Его необыкновенно цепкая память сохраняла очень многое. Есть еще и отметины на теле, которые оставила прошлая жизнь. Иван Павлович приподнял левую руку, чуть повернул кулак и увидел на коже корявую полоску – след от кончика серпа. С Мишкой Зинченко поспорили, кто больше за полчаса срежет травы для скота. Бардин победил, но вот этим тонким шрамом заплатил за неосторожность. Случилось то в Мариинке на дальних выпасах.

Иван Павлович улыбнулся, снял очки. И, как умелый костоправ, охватил ладонью правое колено. Там тоже остался след от полученного урока. Кто-то из ребят оставил без присмотра трактор с работающим двигателем, и тот вдруг двинулся на собравшуюся поблизости компанию. Хорошо, что Иван сумел вовремя отскочить в сторону, но все же сильно ударился ногой о бетонный выступ навеса. Потом долго хромал, по совету доктора прикладывал разные мази и снадобья. Но припухлость в этом месте так и осталась на всю жизнь.

Нашел о чем вспомнить взрослый мужик! Ясно, просто хотел отбросить навязчивые мысли, что нахлынули после обеда. Шел в конце дня, как обычно, охваченный какой-то думой. В коридоре наткнулся на Казарновского.

Тот глянул как-то загадочно:

– Прессу последнюю не читали, Иван Павлович?

– Что-то есть интересное?

– Скорее любопытное. Гляньте на досуге...

Не разобранная за последние три дня почта лежала на столе. Центральные газеты и несколько местных. Последние номера журналов «Работница», «Техника и металлист», «СССР на стройке».

Просматривать прессу Бардин всегда начинал с «Правды». Сейчас вот – номер от 21 марта. Бегло скользнул взглядом по страницам. Основана коммунистическая партия Венесуэлы. Колхозное движение в стране одержало победу. Введены физкультурные нормы ГТО. И вот на третьей странице мелькнули знакомые слова: «Кузнецкстрой», «Франкфурт».

Что за ерунда? Большущая статья о вредительстве на Кузнецкстрое. Некто Бахтамов расписывал, как глубоко въевшийся оппортунизм овладел начальником стройки. Не считается с руководящей линией партии. Отсюда все беды, начиная с потери

партийной бдительности и кончая срывом намеченных сроков ввода объектов. Оппортунизм в самом неприглядном виде.

В общем, кто-то впрямую копает под его начальника. Но ведь дорога от Франкфурта может потянуться и к нему, Бардину...

Отхлебнул давно остывшего чая. Чтобы отвлечься, взял «Комсомолку». Она шла следующим числом, 22-м. По привычке глянул в конец – ничего интересного. А передовица – о задачах партийной жизни на предприятиях. Молодежь на селе готовится к весеннему севу. Удои молока снижены. Надо овладевать производственными процессами.

Значит, овладевать... И вдруг среди газетных столбцов Бардин обнаружил свою фамилию. В одном, в другом, в третьем месте.

Впился глазами в строки. Речь в статье шла о «чуждых людях», примазавшихся к великой сибирской стройке. Как и полтора года назад в щегловской газете, очередной писака (явно под псевдонимом – Туров) дал волю своей фантазии. Да нет, не фантазия это. А глупость, перемешанная с вымыслом. Но вывод – убийственный, прямо наповал. Расстрелять – даже этого мало!

Народу всей страны было представлено, что Бардин – скрытый вредитель. Человек, срывающий грандиозное строительство в Сибири. Это он, подлый, предложил отсрочить пуск шамотно-динасового цеха аж на целый месяц. Без зазрения совести хотел оттяпать у Родины 60 тысяч тонн народного чугуна. Никчемный спец, решившийся в открытую поиздеваться не только над простыми тружениками Кузнецкстроя, но и над всей партией большевиков!

Бардин понял, что это конец. Конец всему, что вроде бы так удачно складывалось в последнее время. Он почувствовал острую тоску сожаления. Жалко было не себя: здесь, на Кузнецкстрое, он, по сути, ничего большего, чем имел в жизни раньше, не приобрел. Ну разве лишь то, что глубже стало прихватывать сердце... Жалко было другого. После него весь этот строительный объем может попасть в чьи-то неразумные руки. И возможно, уже никогда не будет того завода, о котором он мечтает каждый раз, засыпая у себя в кровати...

Внезапно дверь из коридора с треском распахнулась. В каморку Бардина ввалился Франкфурт. В руке он держал несколько газет.

– Ты это дерьмо уже читал? – спросил начальник и швырнул кипу изданий на стол. – Выходит, что у нас окопалось не только гнездовье бездельников. Здесь процветает групповой заговор против советской власти... Ты это осознаешь, Иван Павлович? Против народа и партии! Значит, против Центрального комитета...

Он хотел, видимо, добавить «и лично против то-

варища Сталина», но вовремя остановился. Бардин еще ни разу не видел начальника стройки в таком бешенстве. Ни в стенах кабинета, ни на площадке. Хотя тот часто не сдерживал себя.

– Я уже однажды пережил здесь один поклеп, Сергей Миронович. Но тогда инициатором пасквиля оказался человек из нашего окружения. Я наступил ему на хвост. Все было ясно как на ладони. А здесь, вижу, задействованы более значительные люди.

– Ну надо же! – в гневе сокрушался Франкфурт. – Как складно все получается. На самом высоком уровне Москвы и, главное, без передыха – в одно и то же время. Нет, это не случайность. Не детское упражнение газетных работников... С другой стороны, если бы к нам были серьезные претензии, то я бы давно об этом знал. На той неделе говорил с товарищем Орджоникидзе. У него в этом плане к нам совершенно не было никаких вопросов.

Франкфурт сел на стул возле стола Бардина. Долго молчал, глядя в пол. Потом собрал со стола смятые листы газет. Глубоко выдохнул.

– Думаю, кому-то в Москве потребовалось сделать нам первое и серьезное предупреждение. Вечером буду звонить Роберту Индриковичу, постараюсь навести справки. Он наверняка успел ознакомиться с этой клеветой. Мы, как ни крути, ходим под ним, практически его люди...

Бардин напряженно сжимал зубы. Ему показалось, что Франкфурт знает закоперщиков разгромных статей, которые враз появились в самых авторитетных газетах страны. Но для чего все это затеяно, сам он даже не мог представить.

Франкфурт тем временем резко поднялся, молча пошел к себе. Уже на пороге, не оборачиваясь, сказал:

– Надо, Иван Павлович, и нам отреагировать. Иначе... – И он размашисто опустил руку.

КУЗНЕЦК. 1931. СЫПНЯК

В помещении стоял полумрак, от стен тянуло сыростью. Одинокая лампочка, свисающая на электрическом шнуре с потолка, еле-еле освещала пространство.

Трунов и Забелин сидели у окна на широкой скамье. Курили. Трунова сегодня обещали отпустить домой после трехнедельного пребывания в тифозном блоке. А Забелина ждал свой срок карантина; только вчера он более-менее оклемался, и ему наконец разрешили вставать и выходить из палаты. Прошло ровно семь дней с того времени, как его закончила бить непрекращающаяся лихорадка.

Трунов оторвал кусок от газетной страницы. Сунул худющие пальцы в кисет, достал щепотку табака. Выложил из него ровный валик и, послунявив краешек бумаги, аккуратными движениями смастерил самокрутку.

– Табак беру токо у местных мужиков. Ядреный самосад. Пробирает до самых кишок, – объяснил он Забелину.

– А я не люблю такой. Сюда прибыл с запасом нашенской махорочки. Моршанская. Теперь вся кончилась. Приходится пользоваться что подвернется. Но кузнецкую крепость не переносу. Я с детства слабоват на легкие. Доктора вообще говорят, что курево мне ни к чему. А сам подумай: как жить тогда? Одна в жизни радость... Я о бабах сто лет не задумывался. А вот курево у меня отнять – это вроде как жизни лишить.

– Тут я с тобой, земляк, согласен на все сто. Токо я привык брать самые верхние ноты...

Лицо Забелина выразило недоумение. Сообразил он пока еще нечетко и слова, сказанные соседом по палате, никак не мог взять в толк. Трунову пришлось пояснять, что угораздило его попасть сюда с сыпняком прямо из духового оркестра.

Он рассказал, что «гонял» на трубе. И теперь не знает, как там остальные «духачи» обходятся без него. Вроде дошел слухок, что нашли замену: есть среди кузнецкстроевских человек, который тоже может держать в руках трубу по-человечески...

Трунов, как и все нормальные люди, не ожидал, что вот так запросто загремит в больницу, да еще и в тифозное отделение. Началось с того, что двое суток подряд он в полночь беспричинно вскакивал с постели и потом до самого утра не мог заснуть. Позже почувствовал в теле необычный жар, но со всеми вместе вставал и торопился на рабочее место. Думал, что все пройдет само собой, но вдруг засверлило в голове, пошла ломота по телу. Начало лихорадить. Опять надеялся, что обычная простуда, дня через два пройдет. Соседи дали градусник, температура будто застряла на одном месте – около сорока, потом вроде снизилась, но состояние не улучшилось. Еще потерпел какое-то время, но лихорадка возобновилась, усилилось головокружение. И началась упорная бессонница.

– Не знаю, как у тебя, а во мне сознание, считай, дошло до сумеречного. Понимаю, что живой, но дурак дураком: сообразалку кто-то отключил...

В действительности Трунов в это время был уже очень серьезно болен.

Маявшегося в углу человека заметил Сидоров, активист из профсоюзных комитетчиков, заглянувший в барак:

– А ты чего? Подыхать собрался или ваньку валяешь?

Трунов мелко дрогнул губами:

– Уж помереть бы... Нет больше мочи...

Сидоров брезгливо поморщился, разглядев, как у мужчины отекала кожа лица и шеи.

– Ну и народец! Кто их только таких рождает... – И приказал: – Лежи пока! Доложу по инстанции. Явный сыпняк. А он тут дохнет в одиночку да вшей кормит...

Через несколько часов подъехали трое. Погрузили Трунова на сани, и самый тщедушный из прибывших повез его в больницу. А двое других затащили в помещение большой бак с каким-то раствором, принесли ручной насос с тонким резиновым шлангом и потом долго опрыскивали угол, в котором нашли бедолагу.

– Да, тебе повезло... – выпустил дым через бледные губы Забелин.

– Да, – согласился Трунов, – кабы не тот товарищ, может, свезли бы меня уже куда надо...

– Это хорошо, когда рядом хорошие люди, – закивал Забелин. – Меня ведь тоже прямо со сменки уволокли. Земеля мой Черноусов побег к прорабу. Человек, говорит, в бригаде валится с ног, нужна помощь. Тот сразу к своей таратайке, ну и меня в нее... Доктор лишь глазом повел – и с ходу: «В сыпное!» Вот так я оказался туточки... Откуда она, зараза эта, прет, скажи?

– Вошь меж нами, брат, завелась. Это от нее, проклятущей.

– А она откуда цепляет болезнь? Не из воздуха же...

– Откуда-откуда... От верблюда. От больного человека. Укусит, и баста! Сама схватила, а потом еще и тебя наградит. Хуже дикого зверя тварь. От того хоть убежишь или увернешься, если подфартит – на дерево вскочишь. А эта паскуда тебя в любой час вычислит...

152

Трунов за время, когда ему разрешили вставать с постели и кантоваться в тифозном блоке до конца карантина, получил по части сыпняка самые обширные сведения. Узнал, например, что сыпной, а по-другому еще европейский или вшинный тиф – одна из древнейших болезней человечества. Была она завезена в Европу и за Урал аж из Египта и Эфиопии. Тиф всегда сопутствовал войнам, стихийным бедствиям, голоду, разрухе и всяким социальным потрясениям. А кузнецкое строительство разве не потрясение? Платяная вошь оказалась склонной переносить невидимую заразу. На этот раз не обошла и Кузнецкстрой. Виноваты, конечно, условия проживания – скученность и антисанитария, они способствуют быстрому развитию и распространению болезни. Народ здесь не первый год от нее страдал. Появлялась зараза обычно в холодное время, в январе – марте. Но на этот раз тиф разразился настоящей эпидемией.

Лампочка под потолком несколько раз мигнула. Но не погасла. Трунов манерно поддел окурком ногтем среднего пальца и точно пульнул в помойное ведро.

– Тифу, земляк, неважно, кто перед ним – мужик или женщина, сильный или слабый человек, какого он положения и образования. Перед вошью мы все равны: и ты, и Франкфурт, и Бардин. Ну и я. Прокля-

тое насекомое лезет к теплому телу по своим известным ему путям. Оно, понимаешь, ежесекундно норовит расширить свою площадь существования, перелезая из одной подушки в другую, из прокуренного пиджака в отутюженную жакетку дамочки, ползет с кровати на кровать, с плечика на плечо... Так что соображай черепком, земляк, ежели жить хочешь. И запомни навек: профилактика сыпного тифа – это борьба с вошью как с бытовым явлением. Или у тебя хреновато с юмором?

...Каждый день в больничных отчетах отмечалось поступление в тифозный блок до десяти – пятнадцати человек. И в тот же самый день одного или сразу двоих похоронщики отвозили на Редаковское кладбище. Смертность была раза в три выше, чем при обычной жизни.

Спецпереселенцы преимущественно жили и работали в районе ДОЗа. Находились под надзором комендатуры. Места, где они проживали, обслуживал специальный эпидемический отряд. Но и у него постоянно не хватало медикаментов и средств санобработки. А бельевых фондов у крайздрави для спецпереселенцев вообще не было. Поэтому заболевших на ДОЗе тоже доставляли в общий тифозный барак. Лечили здесь раствором камфары, диуретином, кофеином, дигиталисом и его препаратами. Хорошо, хоть это имелось под рукой. Правда, не для всех...

Трунов снова мастерил самокрутку. Пожелтевшая бледная кожа на его лице натянулась. Он чувствовал в себе непроходящую слабость. Во рту будто лишним казался сухой язык. Особенно при разговоре.

– Ты заметил? У мужика во втором ряду справа дела плохи... – спросил он у Забелина.

– Видел, видел... Санитарка поутру вздыхала: мол, у бедолаги появились пролежни.

– Значит, есть еще дух в организме. А иначе б давно свезли в одно место. Только и теперь никакой надеги... Баба его приходила. Он ей передавал через санитаря какие-то слова...

Забелин положил костлявые кисти рук на колени.

– Эх, щас бы у мамки в деревне побывать! – произнес он мечтательно и раскрыл рот от удовольствия, обнажив при этом попорченные зубы. – Кружечку бы квасочка да грибочков из кадочки...

Трунов покосился на приятеля:

– Кто про что, а вшивый про баню... Смотри не пропусти: скоро наш обед выставят на стол. Что бог послал полопаем, а потом домой потопаем...

КУЗНЕЦК. 1931. ХИТАРОВ

Начало 1931 года для партийной организации стройки оказалось безрадостным. До последнего времени здесь командовал Андрей Кулаков. Но кра-

евому начальству все больше казалось, что партийцы на Кузнецкстрое, по существу, плетутся в хвосте у большого дела. Сам Кулаков мельчит, погряз в сплошном устройстве быта строителей. Около него почти нет силы, которая бы держала в узде строительное начальство.

До крайкома партии не раз доходили заявления и жалобы, в которых указывалось, что руководство Кузнецкстроя все чаще игнорирует решения партийной организации, не считается с мнением выборного актива. Отстранение коммунистов от работы происходит без ведома партийного комитета. Лично Кулаков потакает хозяйственнику Франкфурту и техноруку Бардину. Короче, так жить дальше нельзя.

В Кузнецк срочно направили нового партийного вожака – Станкина. Прозорливый и деловой мужик начал вроде неплохо. Но вскоре отношения между ним и руководителями стройки переросли в настоящий конфликт, который мог взорвать большое государственное дело.

У Эйхе под рукой больше не было высококлассных кадров, и он, переселив себя, стал просить помощи лично у товарища Сталина. Сообщил, что Кузнецкстрою позарез нужен опытный вожак. Человек этот должен обладать партийной непреклонностью, бытовой гибкостью и быть настоящим дипломатом, чтобы пользоваться заслуженным авторитетом среди всей массы строителей.

В Центральном комитете партии такого человека на примете имели. Им был Рафаил Хитаров. Это имя (а в кругу друзей его называли Раффи) было широко известно в стране и за рубежом.

С Хитарова только что сняли обязанности генерального секретаря Исполкома Коминтерна молодежи. Несмотря на молодость, он был блестящим организатором, большевиком с большим стажем и опытом. Горы работы ему пришлось перепахать вместе с Эрнстом Тельманом, Кларой Цеткин и Георгием Димитровым.

В ЦК партии кандидатуру Хитарова сочли единственно приемлемой, чтобы возглавить парторганизацию Кузнецкстроя. На стройплощадке работало 1233 бригады, и в половине из них не было партийной группы.

С мая 1931 года судьба Рафаила Мовсесовича оказалась тесно связанной с легендарной стройкой. Меньше чем через год он был избран первым секретарем Кузнецкстроевского райкома партии.

Вместе с другими прибывшими на площадку опытными коммунистами он сумел образцово поставить партийную работу на Кузнецкстрое. Был объявлен призыв в партию лучших из ударников производства. Умение найти и поддержать новое, самое передовое делало Хитарова центром притяжения. Не будучи русским по происхождению,

он мог подыскать слова, близкие и понятные любой аудитории, увлечь ее на решение грандиозных задач. Хитаров оказался хорошим журналистом и вдобавок неплохим оратором. Умел создать вокруг себя атмосферу непринужденности, простоты и искренности. Почти каждому, кто находился около него, он был своим – товарищем и братом.

С первых дней работы на Кузнецкстрое за Хитаровым числился кабинет, но почти никто никогда его там не видел. То улыбочное, то сосредоточенное, то до важности серьезное лицо парторга, казалось, мелькало одновременно в разных концах огромного строительства.

На первой партконференции, состоявшейся в городе 9 января 1932 года, он был избран первым секретарем горкома партии. Примечательно, с какой сердечностью Хитаров относился к своему непосредственному начальнику Эйхе.

Позднее в своей речи на второй городской партконференции Рафаил Мовсесович, повернувшись в сторону президиума, где сидел Роберт Индрикович, с принятым в таких случаях пафосом, но искренне произнес:

– Мы счастливы, что к нам сегодня вновь прибыл испытанный руководитель нашей партийной краевой организации товарищ Эйхе. Товарищ Эйхе неуклонно вел нашу парторганизацию все эти годы по пути победоносного строительства социализма, и товарищ Эйхе сделал гигантски много в деле руководства строительством нашего металлургического завода. Мы знаем, пролетариат Сталинска на опыте прошлых лет хорошо убедился, что именно товарищ Эйхе попадает в железный фонд славного края и нашего строительства!

Эйхе на самом деле считал Кузнецкстрой своим детищем. Он, например, без малейших раздумий в самые ответственные для селян периоды пахоты, сенокоса или уборки урожая снимал колхозников с работы и отправлял в помощь Кузнецкстрою.

Хитаров стал одним из первых орденосцев Новокузнецка, ему был вручен орден Ленина. Почти четыре года он оставался бессменным руководителем коммунистов города и завода.

Бардин знал, что ни увещеваниями, ни заклинаниями, ни даже большим рублем народ на великое строительство не поднять. Нужна одна большая и захватывающая идея. А ее имела только партия большевиков...

У Бардина были свои причины не вступать в ряды партии. Они с годами менялись, но итог оставался неизменным. И в то же время главный инженер понимал, что без движущей и объединяющей силы на большой стройке не обойтись. Как бетон начинается с цемента, так и вся жизнь должна начинаться цементирующей воле.

...Он долго не мог уснуть, когда узнал, что к ним присылают нового партийного начальника. Он успел не только сработаться, но и сжиться с Андреем Кулаковым. Жалко расставаться с таким человеком, хоть и направляют его на повышение. Иван Павлович привык, что у него шла своя работа, а кто-то другой рядом с ним, словно ангел из религиозной мифологии, следовал поблизости и принимал самые ответственные решения.

На исходе июньского дня, когда солнце еще только намеревалось покинуть горизонт, его пригласили на открытое партийное собрание. Выступал Кулаков. Говорил бодро и обнадеживающе. В заключение заметил, что скоро вопросами партийного руководства на Кузнецкстрое будет заниматься другой товарищ. Это твердое и обоснованное решение окружного комитета партии.

На другой день Бардин неожиданно столкнулся с Кулаковым.

– Так это бесповоротно, Андрей Семенович?

– Куда уж бесповоротней! – то ли радостно, то ли огорченно бодро ответил Кулаков. – Партийные решения тверды, как сталь. Иначе и нельзя. Если учитывать в отдельности интересы каждого человека, то мы скатимся к анархии. Так что отбываю я в Новосибирск. Ждут интересные делишки в Сибкрайкоме. Когда устроюсь, дам знать. Будете в тех краях, Иван Павлович, обязательно заходите. Да и я, думаю, не совсем оторвусь от нашей стройки...

Бардин удивленно заметил, что Кулаков впервые в жизни обратился к нему на «вы».

А тот постоял, помолчал и, сжав кулаки, вдруг развел свои крепкие руки:

– Это ж сколько мы тут всего сумели наворотить!

Бардин чувствовал, что Кулаков чего-то недоговаривает. Но понимал, что дело не в нем самом, а в отношениях, которые сложились между Франкфуртом и местным райкомом партии. В последнее время с подачи Новосибирска партийный актив стройки все больше желал покомандовать на трудовом фронте. Франкфурт был категорически против. Он уверовал только в свое единоначалие и строго придерживался этой позиции. Остальное, считал, погубит начатое дело.

С него брали пример начальники помельче. На строительстве коксового цеха секретарем партячейки оказался Котов, бывший десятник Дмитриева. Теперь, когда заправлять делами начал полностью Дмитриев, Котов для него стал никем. Любые предложения и требования партийного секретаря начальник попросту игнорировал.

Около месяца назад Кулаков отбыл на курсы в краевой центр. За него решать партийные дела остался Лупинин. Мужик властолюбивый и с большим гонором. Стал влезать в чисто технические дела. Кое-где даже принялся отдавать свои команды.

Франкфурта это задело. Он видел, что партийные выдвигенцы не всегда справляются с порученными им делами. Управляющий делами стройки Потапов вообще запустил работу, не раз появлялся с глубокого похмелья. Франкфурту ничего не оставалось, как написать приказ об отстранении его от должности. Сделал это почти в одно мгновение, без предварительного разговора с Лупининым. Чем вызвал не прикрытое недовольство партийного начальника.

Потом еще дважды происходили стычки с подспудным выяснением отношений, кто важней и главней. Наконец Франкфурт не выдержал, пожаловался в крайком партии. Туда же обратился Лупинин. И, видно, когда жалобы сошлись в одном месте, в Кузнецк и были направлены личный посланец Эйхе Зайцев и парторг на замену.

В сентябре Станкина официально избрали секретарем райкома. Но с его появлением желание заправлять строительными делами у партийцев стало еще более заметным. Не было, пожалуй, дня, чтобы Станкин после стычки с Франкфуртом не накатал телегу на непоколебимого начальника строительства. В конце концов окружком созрел для решения вымолить у Москвы человека, который бы вписался в нормальный ритм Кузнецкстроя и прекратил сложившийся раздрай.

Таким человеком оказался Хитаров.

КУЗНЕЦК. 1931. НАКЛОННЫЙ МОСТ

Воронина в Кузнецк сосватал сам Бардин. В свой последний приезд на «Дзержинку» он бросил клич: желающие потрудиться на честь и славу Отечества, айда со мной! К тому же пообещал хорошую плату. Но специалисты должны быть только первоклассные.

Иван Павлович понимал, что, переезжая в Сибирь и забирая с собой надежных помощников, оголяет ответственные места в своих бывших цехах. Но в то же время знал, что взамен подтянется свежая поросль, забурлит на заводе новая живая кровь...

Кое-кто отправился в Кузнецк сразу следом за Бардиным. Другие раздумывали, приехали позже. В марте 1931-го прибыл на Кузнецкстрой и Воронин. Это был опытный мастер монтажных работ: 30 лет отдал он разным заводам и стройкам России. Получив должность старшего мастера доменного цеха, Воронин стал наставником не только бригадиров, но и рядовых рабочих, вчерашних крестьян.

В свои шестьдесят это был человек неумемной энергии и, главное, неиссякаемой рационализаторской мысли, технический выдумщик. Коренастый, с сивой головой и перекошенным от производственного увечья лицом, он притягивал к себе других увлеченных людей словно магнит. В его серых, запрянтанных за кустистыми бровями глазах почти всегда горели азартные огоньки.

Повидал Воронин много, знал и того больше. Где от жизни набрался, где из разговоров со знающими людьми. По всем статьям был мужик правильный. Разве что чересчур полагался только на свои знания и способности, никаких авторитетов возле себя терпеть не мог. В чертежи никогда не заглядывал (потому что ничего в них не понимал) и с сомнением относился к разным расчетам и формулам, предлагаемым ему порой умными головами из инженеров. Все видимые доказательства приводил лишь с помощью пальцев и спичек.

– Значит, вот так, парень: железяка эта у тебя не пойдет. Ее, поверь, вывернет вон в ту сторону...

Начинали поднимать колонну, обвешанную сопутствующими креплениями. И точно: ее повело ровно в то место, куда указал Воронин.

При монтаже первой доменной печи в Кузнецке нужно было поднять наклонный мост домны. Американские инженеры предложили поднимать его частями, как это делается во всем мире. Но на это ушло бы больше месяца. Воронин предложил неслыханное для того времени дело – собрать мост на земле и поднять целиком с помощью обычных кранов. Это бы намного сократило сроки монтажа. Воронин не знал математики и не понимал вычислений, но природный ум, творческая мысль и большой опыт помогли ему выбрать оптимальное решение.

Американцы, предпочитавшие держаться за шаблон, написали жалобу-предупреждение начальнику Кузнецкстроя. О том, что снимают с себя всю ответственность за такую самостоятельность и неслыханное безрассудство. Бардин же не только согласился с Ворониным, но и поддержал его. И этим еще больше воодушевил неустрашимого человека.

Иван Андреевич как сказал, так и сделал. Трое суток Воронин и Широков не уходили домой, поднимали металлическую махину буквально по сантиметру. В результате первый наклонный мост будущей доменной печи за 34 часа встал на свое место. Второй такой же потом поднимали с учетом предыдущих ошибок. Он был установлен бригадой Воронина за 15 часов.

Глен, опытный американский такелажник, прибывший с завода «Гэри», долго наблюдал, как русские поднимают мост, и не сдержал восхищения. Смял недокуренную сигарету и подошел к Воронину.

Коверкая слова, сказал вполне понятно и убедительно:

– Мистер Воронин, вы очень большой мастер. В Америке таких людей ценят. Там бы вы за эту работу получили значительную сумму долларов!

Воронин снял брезентовые верхонки, тыльной стороной ладони провел по губам, смахивая приставшие пылинки:

– Ты лучше, браток, дай закурить. А потом хвалить будешь... Да, собственно, и хвалить нас не за что. Мы так всегда привыкли работать. Ежели за каждый чих будешь благодарить – без ветра закачаешься.

Было видно, что Глен почти ничего не понял из сказанного Ворониным, но сигаретку достать из пачки все же догадался...

Когда монтажники впервые увидели чертежи конструкций доменного и мартеновского цехов, у всех возник один вопрос: где взять столько людей для работ на высоте почти в шестьдесят метров? Где найти не только смельчаков, но и умельцев, которые поднимутся по лесам и на головокружительной высоте будут собирать железные конструкции, невзирая на лютый ветер, стужу и ливень? Тут ведь целая армия нужна!

Вот тогда-то и взялся за дело Иван Андреевич Воронин. Он знал, что металлические конструкции для доменного цеха и кауперов изготавливаются на Донецком заводе. Потому первым делом он попросил Бардина написать на завод письмо с просьбой соединить элементы там – настолько, чтобы они целиком поместились на железнодорожные платформы.

– Им на заводе раз плюнуть, а нам долбиться на такую высоту совсем не с руки.

– А как мы их туда водрузим, Андреич, ты подумал? – спросил Бардин.

– А вот тут, товарищ Бардин, дайте мне самому разобраться. Я ж не враг – ни себе, ни советскому народу. Щас как раз в самое время компрессор подоспел. Мы теперь вместо полсотни будем давать по двести заклепок на душу.

Бардин знал, что готовых специалистов у Воронина почти ноль. Поинтересовался осторожно:

– А наверху все сам делать будешь?

– Хе-хе! – ухмыльнулся кривым ртом Воронин. – А они на что? – И кивнул на целый отряд недавно прибывших на стройку колхозников из-под Барбинска.

Это пополнение еще вчера позабавило Воронина. Со смехом он рассказывал своим помощникам, как мужики осматривали привезенный на опробование новый компрессор.

Один дедок долго поглаживал холодный металл, потом спросил:

– Это что за чуда такая?

– Это, мил человек, новая домна.

– А стоять она где у вас будет?

– Где захочешь – там ее и место. Можно на горе... А захочешь – и возле речки поставим...

Бардин дослушал до конца байку Воронина, покачал головой и пошел дальше. Он знал, что эти мечтающие полетать на аэроплане деревенские мужики скоро привыкнут к любой высоте, начнут осва-

ивать азы монтажных работ, а потом и с пневмомолотками будут ставить невиданные рекорды. Не то что некоторые блатноватые хлопчики из больших городов, которые здесь, на стройке, без дрожи в коленках выше пупа залезть не могут... Некоторые вообще прибывают с поддельными документами: как же, большой специалист, на денежное место претендует! А копнешь – он где-нибудь на Сухаревке семечками торговал.

Но и это бы ничего. Особенно мучил другой вопрос. Понаехало столько народу, что его уже не просеешь никаким ситом. Вроде все свои люди, советские. А вот попадаются же и просто пакостники, и настоящие вредители.

Больше месяца не выходил из головы случай с металлической трубой для отвода газов. Поставить такое устройство – дело нехитрое. Для Воронина так и вовсе не работа, а удовольствие. Тридцатиметровую железяку диаметром ровно метр он обязался выставить за считанные часы. Но тут вмешались непредвиденные обстоятельства.

156
Бригада такелажников была в сборе с самого утра. Воронин, как всегда, распорядился приготовить тросы, лебедки, вспомогательные стойки, распорки и укосины. Мелом на трубе разметил места, где ее обхватят тяги придуманной им же конструкции. К обеду начался подъем. И надо же: вдруг откуда-то из-за горы с северной стороны налетел такой ветер, что трубу, поднятую почти наполовину, стало раскачивать, как лодку на большой волне.

Бардин приказал остановить подъем.

– Иван Павлович, но ее же сейчас сорвет! – жалобно прокричал Воронин. – Пропадет большой труд. Это что ж такое?!

– Ты пойми, Андреич, если будем вошкаться дальше, можем погубить людей. Я не вправе подставлять их под верную смерть.

А ветер не стихал. Наоборот, казалось, что неведомая сила где-то еще злее раздувает сатанинские мехи. Наступала ночь, а урагану не было ни конца, ни края. Только в самую полночь унялся – так же внезапно, как и возник. Но к тому моменту уже дали отмашку оставить все до утра.

Утро выдалось безоблачным, радостным, обещающим успех в деле.

Воронин поплевал на ладони. Улыбнулся искривленным ртом:

– Ну, ребяташки, не посраммим свой ударный тру...

И не успел закончить фразу. С пронзительным звоном лопнул трос, хрястнули укосины. Сорвало с места одну из лебедок. Труба с грохотом рухнула на то место, где лежала раньше...

Воронин не мог понять, что произошло. Невидящим взглядом выискивал виновника происшедшего, на ком-то надо было сорвать зло.

Бардин, стоявший в стороне, поспешил к главному такелажнику:

– Андреич, разберемся, не кипятись...

Разобрались быстро. Оказалось, что ночью кто-то надрезал напильником главный тянущий трос. Как только заработала лебедка, нити троса полопались. Авария произошла по чьему-то подлому расчету.

Получалось, что рядом живет и действует не просто какой-то дурень, а настоящий тайный враг. Враг народа. И его личный враг. Это и мучило Бардина.

КУЗНЕЦК. 1931. ЛЮБОВЬ И ЖЕНЩИНЫ

Иван Павлович не мог припомнить, как этот старый журнал оказался в его кабинете. Взял в руки, полистал. И обнаружил любопытную статью, описывающую нравы новой России. Опубликована еще при Колчаке, журналист разоблачал действия советских властей на местах. И выбрал почему-то женскую тему.

Бардин пробежал взглядом по тексту и невольно улыбнулся. Было написано, что женщины изымаются из частного владения и объявляются достоянием всего трудового народа. Желая воспользоваться экземпляром этого достояния обязан предоставить удостоверение о принадлежности к трудовому классу. Мужчины, не имеющие отношения к трудовому народу, могут пользоваться женщинами при условии отчисления в трудовой фонд одной тысячи рублей. Все младенцы принадлежат исключительно государству, они из роддома должны передаваться в приют...

Вспомнилось, как в первые дни советской власти молодые люди в Енакиеве организовывали митинги и с лозунгами «Даешь дешевую женщину!» напористо вышагивали по улицам. А еще лет пять назад в среде молодежи модной была «теория стакана воды». Она проповедовала полную свободу межполовых отношений, утверждала, что заняться любовью должно быть таким же простым и легким делом, как попить воды из стакана. От этой «теории» взбесилось немало юношей и девушек, многим она попортила жизнь...

Подобные идеи, близкие к возведению бытового разврата в общественную норму, конечно, нравились не всем. Власти спохватились и стали наводить порядок. Но, как это часто случалось, начались явные перегибы. Гражданам страны вдруг объяснили, что не может быть открытых отношений между мужчинами и женщинами. Некоторые ученые – специалисты в любовной сфере – даже пытались доказать, что у людей для этого нет никаких потребностей...

Бардин мысленно усмехнулся: в последнее время пошли две параллельные жизни: газетная и настоящая. В части интимных отношений СССР оказался страной, которая вполне устроила бы даже

английских кальвинистов, так называемых пуритан. Их взор точно не смутила бы ни одна картинка или фотография в советской прессе. Здесь нет ни малейшего намека на какую-либо непристойность. Нет никаких полуобнаженных и тем более голых телок. И баста!

Не сказать, чтобы этот вопрос сильно волновал Бардина, но с недавнего времени все же приходил в голову. А началось все со случайного разговора с Нейманом, талантливым монтажником-американцем. В тот раз они остановились возле колонны прокатного цеха и наблюдали, как рабочие на десятиметровой высоте устанавливают подкрановый рельс.

Неожиданно Нейман произнес:

– У вас на строительстве почему-то очень мало женщин...

Нейман вполне сносно говорил по-русски, лишь изредка вставляя английские слова. Бардин привык к этому и не замечал огрехов в речи американца.

– Вы, мистер Нейман, по-своему правы, – без задней мысли ответил Иван Павлович. – Но заметьте: это только в самом начале мы категорически не принимали на работу женщин. Даже отказывали семейным людям в трудоустройстве. Потом поняли, что слишком крепко завернули гайки. Теперь у нас только секретарши и машинистки сидят в контролах, но и много бетонщиц, арматурщиц и даже землекопов. Не говоря уже о тех, кто работает в пекарнях, банях, столовых...

По лицу Неймана скользнуло недоумение: неужели Бардин так наивен, не понимает сути вопроса?

– Я о другом, мистер Бардин.

– О чем же?

Теперь американцу стало ясно, что Бардин не лукавит и не уводит разговор в сторону. Но объяснить начал издали:

– Вы же были в Штатах. Работали на нашем заводе «Гэри». Жаль, что мне с вами тогда не пришлось встретиться... Но это не главное. Вы, наверно, хорошо знаете, как строился завод?

– Еще бы! – радостно произнес Бардин. – Все плохое забывается, остается только хорошее... Великолепное современное предприятие! Вот только, по моему мнению, у него слишком уж долгая история строительства.

– Возможно. Но я не об этом, а о том, как он строился.

Нейман вглядывался в сухощавое лицо Бардина и удивлялся. Сколько ж чувств и ума скрывается в этом человеке! И все это еще не истрачено и может проявиться в ближайшем будущем.

– Хочу заметить, что сам завод, его цехи и оборудование были построены менее чем за три года. Но в общую продолжительность строительства сейчас относят и многое другое. Даже то, что вы у себя будете достраивать еще много лет после пуска... –

Нейман поправил за ухом дужку очков. – Например, этого прокатного цеха.

– Неужели?

– Объясню свои слова. Ко времени непосредственного строительства, то есть к девятьсот шестому году, в район будущего завода было подведено больше ста километров автомобильных дорог и железнодорожных путей. Протянуты сети электричества, воды и газа. А еще построено почти полмиллиона квадратных метров жилья. У нас по асфальту ходил весь грузовой автотранспорт...

Нейман осекся. Он знал, что проблема дорог для русских неприятна, как мозоль на подошве ноги. А про асфальт вообще не стоило упоминать. Недавно на Кузнецкстрое покрыли асфальтом площадь возле заводоуправления. Люди восприняли это как чудо, невиданную роскошь. Перед тем как зайти на укатанную до блеска поверхность, разувавшись, шли босиком, а грязную обувь несли в руках. Недаром немец Хайт по этому случаю рассказывал анекдот о русском мужике, который приехал из глухой деревни. Тот поначалу с вилами кидался на паровоз, а чтоб погасить лампочку, дул на нее, как в стекло керосиновой лампы...

– Вывезено было десять миллионов кубических ярдов земли, – продолжил Нейман, – высушены болота, на озере Мичиган построена гавань, изменено русло местной реки... И уже в июле восьмого года первый рудовоз с железной рудой из Миннесоты прибыл на завод.

Бардин вспомнил: да, возле завода полукругом с южной стороны разросся целый город, где поселились многие семьи металлургов, а до этого проживали строители. Городок называли по имени основателя компании, которая строила завод. Большинство работающих приезжало сюда на своих автомобилях и на электричке из Ист-Чикаго, Индиана-Харбор и даже из самого Чикаго, расположенного в полусотне километров. Когда из проходной завода вываливал поток мужчин, он делился на три части: одни спешили на электричку, другие – к своим авто, третьи направлялись в сторону заводского городка. И тут начиналось самое интересное...

Из набрежавшего воспоминания его вывел голос Неймана:

– Вы, наверно, не знаете, мистер Бардин, что ко времени начала строительства завода было открыто почти двадцать заведений, где одинокий мужчина мог провести досуг с понравившейся ему женщиной...

– Знаю, – коротко ответил Бардин.

Ему стало неловко перед этим очкастым американцем, который будто просветил его рентгеновскими лучами и увидел то, что сам он долгое время скрывал. Да, были случаи, когда Бардин с приятелями по работе, такими же неприкаянными, как и он

сам, заходил в небольшой двухэтажный особняк. Там, будто его единственного, ждала бутылка итальянского вермута мартини – напиток цвета светлой соломы, с легким запахом пряностей и сладковатым вкусом. Еще подавалась закуска, но весьма скромная, которую Ивану всегда хотелось умножить на три. А самое главное, его встречала голубоглазая девушка Марта, приплывшая в Америку из далекой Польши. Это она потом подавала напиток с кусочками льда и ломтиками лимона...

– Вы же знаете, мистер Бардин, что в мужчине живет страсть физиологической потребности. Разрядиться и зарядиться. Это, мне кажется, не противоречит марксистской диалектике – единству противоположностей. Только так человек может быть энергичным и отдавать работе больше сил, ума, внимания – то есть все то, что требуется от настоящего работника...

Бардин смотрел, как на тросах почти над его головой проплывает огромный рельс, слышал, как подаются короткие такелажные команды «вира» и «майна», но никак не мог найти нужного ответа, чтобы опровергнуть высказанную Нейманом мысль. И вдруг почти скороговоркой выпалил целую тираду:

– У нас, господин Нейман, другой человек – особь советской закалки. У него во главе творческого поиска и трудового сотворения стоит идея. Нашему народу присущи большие планы и большие идеи. Это строительство социализма. Индустриализация страны. Переход к коммунизму. Мы не вправе разбрасываться на личное удовлетворение. Иначе мы просто ничего не достигнем.

Бардин понимал, что его слова не очень убедительны. Да что там: совсем неубедительны! Более того, он чувствовал в них фальшь. Но по-другому сказать не поворачивался язык.

Внимательно выслушивая доводы Бардина, Нейман неловко улыбался. Потом, присвистнув, заметил по-английски:

– Yes, they make nails out of people like that!

«Да, из таких людей делают гвозди!» – перевел Бардин про себя эту фразу. И чуть не сказал американцу: «Ну что ты, парень, в этом деле понимаешь?» Но все же промолчал.

...Много дней прошло с той поры. И вот замусоленный журнал вдруг напомнил о том сумбурном разговоре на щекотливую тему.

Раньше Бардин редко обращал внимание на то, как люди разных полов живут меж собой. Он не был моралистом, но четко представлял: в обществе не должно быть бардака, и в то же время не требуется испрашивать у власти благословения на интимную жизнь с кем бы то ни было. Тонкости отношений между мужчинами и женщинами, слава богу, никак не регламентировались марксистско-ленинской идеологией.

Окончание следует.

Наталья МАКСИМОВА

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗНАМЕНСКОГО СОБОРА ГОРОДА КЕМЕРОВО В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

«Будет храм» – под таким заголовком опубликована небольшая заметка в номере областной газеты «Кузбасс» за 12 апреля 1989 года. На первой полосе – фото Алексея Леонова ко Дню космонавтики. А на второй странице нашлось место для заметки про храм. Заголовок в два коротких слова, без метафор и других журналистских приемов, привлекающих внимание. «Будет храм» – и этого уже достаточно, чтобы привлечь внимание. Констатация факта. Не предположение, а именно утверждение: в Кемерове будет храм. Пора. Настало время. Дождались.

Читаем заметку: *«Кемеровский горисполком разрешил Знаменской православной общине левобережной части областного центра начать проектирование церкви. Для ее строительства отведен участок на улице Гагарина, где раньше был вещевого рынок»*. Отметим, проекта еще нет, храм только разрешили проектировать, а имя у него уже есть: храм будет Знаменский – в честь снесенной в 1961 году в Кемерове Знаменской церкви. И еще в заметке указывается, что именно левобережная часть областного центра нуждается в нем особо. Храм в столице Кузбасса – Никольский – на тот момент был только один на весь полумиллионный город, в труднодоступном месте, ехать далеко. И вот – сбор подписей, письма властям, и горисполком решил удовлетворить просьбу верующих о храме в центральной части города.

В заметке сообщается, что рассматривалось пять вариантов площадок для строительства. Например, в устье Искитимки (за филармонией) и на улице Сибиряков-Гвардейцев (за мостом через Искитимку). Журналист Вадим Антонов дает некоторые подробности выбора наиболее подходящего места. Он приводит слова начальника Главного управления архитектуры и градостроительства горисполкома В. П. Кошкина: *«Архитекторы заинтересованно подош-*

ли к выбору площадки... Было много споров и предложений». И называется две причины выбора участка именно на улице Гагарина. Первая – архитектурно-градостроительная – связана с обликом города: *«Церковь на улице Гагарина развивает и дополняет общественный центр города»*. Довод веский: храм должен «развивать» центральную часть областного центра, стать заметной, важной его составляющей. Вторая причина: *«Да и площадка там была свободна, ее неоднократно предлагали под новые объекты»*. То есть на участке ничего не надо было сносить, и эта причина – экономическая – была в те годы не менее важна.

Что это были за годы? Красноречиво характеризуют то время заголовки статей, окружающих нашу заметку: сверху – «Как накормить город?», а справа – «Нет ответов на вопросы». Достаточно привести несколько первых предложений этого материала: *«Гласность, перестройка, революционный момент и т. д. Все это слышим по радио и читаем в газетах. Слушаешь, смотришь на небывалую кутерьму и ничему уже не веришь. Одни разговоры»*. Пессимизм, разочарование, усталость. Теперь, спустя десятилетия, мы знаем: «кутерма» тогда только начиналась. Номер того же «Кузбасса» в 1989 году стоил 3 копейки. А цена газеты, в которой позже опубликуют информацию о росписи стен Знаменского собора, составит 600 рублей.

Но это потом. А пока заинтересованность и воодушевление: появится храм. Вадим Антонов заканчивает заметку выводом: *«Что ж, когда церковь будет построена, она наверняка украсит областной центр»*. Корреспондент говорит пока не о духовной, а только об эстетической стороне – о новой достопримечательности столицы Кузбасса. Автор еще не представляет, что храм сможет преобразить город и в духовном плане. Но эта надежда все же чувствуется в заметке.

С тех пор ход строительства собора периодически освещался в газете «Кузбасс». Ведь дело необычное, новое, значимое. И по мере появления публикаций можно проследить, как меняется к этому отношению общества.

Автор заметки «Будет храм» Вадим Антонов просто упомянул, что для строительства храма отведен участок, «где раньше был вещевого рынок». Журналист Борис Синявский позже увидит в этом глубокую символичность.

Освещать строительство Знаменского собора в газете «Кузбасс» Б. Синявский будет неоднократно. В выпуске за 3 декабря 1989 года появляется его большая статья «Лед тронулся». Верующие обратились в редакцию газеты с вопросом о реальности возведения собора, с просьбой *«проинформировать о положении вещей»*, не отменено ли решение о строительстве, принятое в апреле этого года. Итог

проведенного расследования таков: задержка связана с тем, что надо «отшлифовать проект на мнениях специалистов». Вероятно, Б. Синявский сам побывал на этой «шлифовке» – градостроительном совете, который состоялся 11 ноября 1989 года. Журналист отмечает низкую явку архитекторов на совет и удивляется: «Странно это, все же не каждый год сооружаются в Кемерове подобные здания». Далее Б. Синявский приводит мнения, высказанные на той встрече архитекторами и художниками: «А зачем в Кемерове повторять пусть даже и прекрасные образцы? Не лучше ли было бы создать культовое сооружение в оригинальном, даже модерновом стиле?» И автор статьи приводит ответ на эти вопросы присутствовавшего на совете священника Владимира Курлюты: «Храм в Кемерове, выстроенный по всем канонам русской культовой архитектуры, позволит пробросить мостик к истокам нашей национальной духовности, нравственности. Это станет актом истинного возрождения». Заметим, что так и произошло: строительство собора – именно в классическом русском стиле по всем канонам церковной архитектуры – ознаменовало собой церковное возрождение в городе Кемерово.

На встрече 11 ноября также присутствовал Дмитрий Сергеевич Соколов – архитектор Московской патриархии, выполнивший эскиз будущего Знаменского собора. Б. Синявский довольно подробно приводит речь московского специалиста на градостроительном совете перед представлением проекта. Д. С. Соколов – известный в то время церковный архитектор с большим опытом (в советские годы он долго работал на реставрации церквей, а позже стал руководителем архитектурной мастерской в Троице-Сергиевой лавре). Он посчитал нужным подготовить кемеровских коллег – светских архитекторов и художников, может быть, еще не вполне ощутивших начало церковного возрождения, – и напомнил, что они живут в особую эпоху: «Только за последнее время в лоно Русской православной церкви возвращено более двух тысяч храмов, два десятка монастырей. Происходят и прочие весьма показательные процессы. Кто бы мог еще вчера подумать о том, что 400-летие патриаршества на Руси будет ознаменовано службой в Успенском соборе Кремля и канонизацией патриарха Тихона?» Столичный архитектор постарался доказать присутствующим на совете, что возведение собора в Кемерове – это не частный факт строительства храма, а проявление общероссийского процесса церковного возрождения.

Статья Бориса Синявского интересна еще и тем, что он в цифрах описывает проект собора, подчеркивая его масштабность, даже грандиозность, а также уникальность такого строительства для Сибири. Напомним, что Новосибирская епархия в конце

1980-х годов включала Новосибирскую, Томскую и Кемеровскую области, Красноярский край и Алтайский край, Тувинскую АССР, Горно-Алтайскую и Хакасскую автономные области. Общая площадь епархии составляла более трех миллионов квадратных километров, население – около 15 миллионов человек. И на эти 15 миллионов (по данным на 1 января 1990 года) в епархии было 60 приходов. Разделим 15 миллионов на 60 приходов: получается, что в среднем на 250 тысяч человек приходилось по одному храму. Но это в среднем. А в Кемерове на полмиллиона – один.

«Итак, собору в Кемерове быть!» – воодушевленно восклицает Б. Синявский. При этом журналист предвидит проблемы с финансированием расходов на строительство и стройматериалы, «тем более что для такой стройки они нужны не абы какие, а высококачественные». Однако общий настрой публикации все же оптимистичный: «Есть все возможности уже в декабре текущего года произвести закладку камня в фундамент нового храма». Что и произошло 10 декабря 1989 года – в день иконы «Знамение».

Вполне естественно, что Борис Синявский присутствовал на этом событии и написал статью «И стала земля святой», опубликованную в газете «Кузбасс» 14 декабря. Начинается она так: «Поразительные, символические события происходят ныне вокруг нас, настолько поразительные, что порой даже прямая, очевидная символика не сразу доходит до нашего сознания». Речь о кардинальном, знаковом преображении: «был рынок, стал храм». Автор приводит в параллель евангельский эпизод изгнания торговцев из храма. И вот 10 декабря 1989 года, по выражению журналиста, этот «книжный символ ожил», воплотился в жизнь буквально – в тот момент, когда люди отправились крестным ходом к закладке первого камня собора. (Заметим в скобках: на фреске южной стены Знаменского собора в ряду евангельских сюжетов есть и сюжет с изгнанием торговцев из храма; возможно, при выборе содержания будущей росписи эта особенность возведения собора – на месте бывшего рынка – была учтена.) Эмоции переполняют Б. Синявского, он всячески подчеркивает значимость момента: «происходящее не могло не затронуть даже и постороннего зрителя».

И вот кульминация: «священник окропил периметр будущего собора, и стала земля святой». Именно эти слова автор выносит в заголовок статьи, подчеркивая главную происшедшую перемену – «от торжища к собору». Журналист выражает надежду, что эта перемена совершается не только на конкретном участке кемеровской земли, но и в человеческих душах, в обществе в целом. А концентрированно-символически она выразилась в действиях священника, окропляющего землю бывшего вещевого

рынка: «Вот тут-то и возник в полный рост великий символ. Кто из нас не бывал на этом рынке, не приценивался к покупке, а многие из нас несли сюда кое-что в надежде продать, а кое для кого то было местом «теневого работы», местом извлечения, прямо скажем, не очень трудовых доходов».

В общем, рынок есть рынок, со всеми его нюансами. Но Борис Синявский упоминает и еще один немаловажный факт: «Известно это место еще и «точкой отбора», где почти всегда можно было затоварить канистру пивом». Надо сказать, что винный магазин, в отличие от вещевого рынка, на момент освящения закладного камня собора продолжал работать. Но уже через пару месяцев все изменилось. Дело в том, что община просила власти передать эту торговую точку под временный храм. И вот 5 января 1990 года разрешение было получено. Всего за сутки (чтобы успеть к Рождеству) силами общины помещение винного магазина превратили в храм: успели разобрать прилавки, отмыть застарелые винные лужи, покрасить панели, соорудить иконостас и пол для алтаря, развесить иконы по стенам. И в преобразившемся помещении в ночь с 6 на 7 января уже отслужили рождественскую службу.

Символичность этой перемены особо проявилась, когда первое время завсегдагдаи винного магазина еще приходили сюда по своей привычной надобности. И вот открывает такой «страждущий» знакомую дверь, а там – свечи, батюшки, служба идет, поют и кадят. (О таких курьезных случаях рассказывает священник Владимир Курлюта в книге воспоминаний: Курлюта А., Курлюта В. Жизнь и служение. – Санкт-Петербург, 2006).

Завершает статью Б. Синявский предположением, что собор сможет преобразить город духовно: «Наивно полагать, конечно, что с открытием в Кемерове церкви все проблемы нравственности будут решены, но, может, благодаря этому все мы сделаем пусть маленький, но шагочек от торжища к собору». В дальнейших газетных публикациях такие шагочки, конечно же, будут видны.

И вот с момента закладки камня прошло пять лет. В номере газеты «Кузбасс» за 14 апреля 1995 года на первой странице (Чем не «шагочек»? Первая, самая важная страница областной газеты! Ведь пять лет назад статья Б. Синявского была напечатана лишь на пятой странице) размещена фотоинформация – снимок с установкой креста на купол храма подъемным краном и текст в три строки: «Вчера на главный купол строящегося в Кемерове Знаменского собора был водружен крест. Его вес три тонны, а высота 11 метров».

Кстати, примечательно, в каком окружении находится эта заметка. Над ней – передовица с заголовком «Когда правительство не занимается народом, народ занимается правительством» и подзаголов-

ком «12 апреля в Кемерове в рамках всероссийской акции протеста профсоюзов был проведен митинг, в котором, по крайним оценкам, приняло участие от 7 до 20 тысяч человек». А слева от фотоинформации заметка «Первое место за алкоголем» – о том, что в Беловском районе «гибель от отравления алкоголем – 27 процентов от числа умерших». Очень красноречиво эти материалы говорят о времени, когда идет строительство Знаменского собора. Массовый митинг протеста в несколько тысяч человек, мысли о свержении правительства, люди травятся алкоголем... Разве не Божье чудо в этом контексте возведение величественного храма?

А 17 октября 1995 года в газете «Кузбасс» выходит статья «С храмом на земле и в душе». Наверное, автор Татьяна Колоколова назвала свою публикацию в ответ на поговорку «У меня храм в душе»; теперь храм не только в душе, но и на земле. Статья начинается словами: «Совсем недавно сотрясали Кузбасс митинговые страсти, а тут состоялось событие прямо противоположного характера. В минувшую субботу люди шли, мирные и верующие, к строящемуся Знаменскому собору, где в этот день... освящался нижний храм собора». Автор фиксирует этот контраст: митинги, забастовки, инфляция – и вдруг «мирные и верующие» люди идут в храм. Откуда в это же время и в этом же обществе «мирные» люди? Ответ таков: потому что теперь есть храм. А люди потому и мирные, что верующие. Построенный храм – большой, даже огромный, вмещающий 1500 человек, и он полон людьми («нижний храм наполнен до отказа»). Здесь людям рассказали, какие есть заповеди, преподали благодать в таинствах, напомнили о смысле жизни. «В воздухе витает мысль – не хлебом единым жив человек».

И вообще идея контраста в статье основная: «Может быть, символично, что именно в 1989-м, когда Кузбасс да и всю страну потрясала шахтерская забастовка, повлекшая столько негативных последствий, началось возведение Знаменского собора. И если, с одной стороны, мы имеем подогревающеся прокатившейся волной митингов и забастовок озлобление людей, то с другой – христианская идея сеет «мудрое, доброе, вечное». (Вот они – «шагочки от торжища к собору», о которых мечтал Б. Синявский в 1989 году.)

Статья Т. Колоколовой содержит и элементы хроники строительства: «Нижний храм отныне постоянно действующий. Не так долго, видимо, остается ждать открытия верхнего храма. Там уже начали роспись стен. С наружной стороны собор завершен, накануне водрузили на место последний из пяти золоченых куполов». Читаешь о том, как люди ждали возведения собора, как выстаивали долгие службы (интересная деталь: «начавшаяся утром литургия заканчивается после полудня» – видимо, из-за большого количества

причащающихся), и особым смыслом наполняется облик Знаменского собора. И особую значимость храм приобретает в действительно непростые времена. Эту мысль тоже подчеркивает автор статьи: *«Но времена нынче сверхтрудные. И поэтому, возможно, и не суждено будет сбыться большому проекту. Уже отпала идея строительства госпиталя. Территорию, где он должен был расположиться, заняла какая-то коммерческая организация».*

Да, не все из задуманного «большого проекта» (включающего колокольню высотой 82 метра, учебные корпуса духовной семинарии, госпиталь и

приют) воплотилось, но – многое. И это самое настоящее Божье чудо – Знамение. Вместо собора здесь могли бы появиться аттракционы (такие планы рассматривались в городской администрации), а может, и тот же винный магазин продолжал бы еще работу. Но теперь тут собор – величественный, вместительный, выполненный по русским канонам, главная святыня Кузбасса. Знаменский собор, действительно, не только попал на открытки, магнитики и картины, став красивейшей достопримечательностью города, но и духовно преобразил живущих здесь людей.

